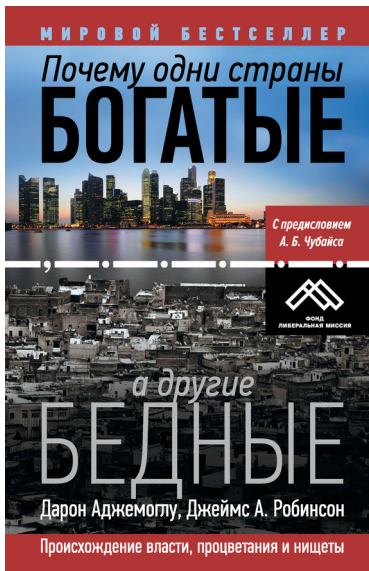

**Дарон Аджемоглу
Джеймс А. Робинсон**

**Почему одни страны богатые, а
другие бедные. Происхождение
власти, процветания и нищеты**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10748980

*Дарон Аджемоглу, Джеймс А. Робинсон. Почему одни страны богатые, а другие бедные.
Происхождение власти, процветания и нищеты: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-092736-4*

Аннотация

Книга Дарона Аджемоглу и Джеймса Робинсона «Почему одни страны богатые, а другие бедные» – один из главных политэкономических бестселлеров последнего времени, эпохальная работа, сравнимая по значению с трудами Сэмюэля Хантингтона, Джареда Даймонда или Фрэнсиса Фукуямы. Авторы задаются вопросом, который в течение столетий волновал историков, экономистов и философов: в чем истоки мирового неравенства, почему мировое богатство распределено по странам и регионам мира столь неравномерно? Ответ на этот вопрос дается на стыке истории, политологии и экономики, с привлечением необычайно обширного исторического материала из всех эпох и со всех континентов, что превращает книгу в настоящую энциклопедию передовой политэкономической мысли.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	5
Предисловие	9
Глава 1	12
Экономика Рио-Гранде	12
Основание Буэнос-Айреса	14
Из Кахамарки...	16
...до Джеймстауна	22
Повесть о двух конституциях	29
Разработать идею, открыть бизнес, получить кредит	32
Не сходя с привычной колеи	35
Как заработать миллиард-другой	37
Подходы к теории мирового неравенства	39
Глава 2	42
Положение вещей	42
Географическая теория	45
Влияние культуры	51
Теория о невежестве	56
Глава 3	60
Экономика 38-й параллели	60
Экстрактивные и инклюзивные экономические институты	63
Двигатели процветания	66
Экстрактивные и инклюзивные политические институты	68
Почему выбор в пользу процветания делается не всегда?	71
Долгая агония Конго	75
Экономический рост при экстрактивных политических институтах	78
Глава 4	81
Мир, который сотворила чума	81
Как появляются инклюзивные политические институты	85
Значительные последствия незначительных различий	87
Условно детерминированный исторический путь	91
Положение вещей: в поисках объяснения	95
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Дарон Аджемоглу, Джеймс А. Робинсон

Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты

Посвящается Арде и Асу – Д. А.

Para María Angélica, mi vida y mi alma – Дж. Р.

Daron Acemoglu, James A. Robinson

WHY NATIONS FAIL

The Origins of Power, Prosperity, and Poverty

Перевод с английского Дмитрия Литвинова, Павла Миронова, Сергея Сановича

Фото на задней стороне обложки: MIT Economics / L. Barry Hetherington Svein, Inge Meland

Предисловие к русскому изданию

Открытая вами книга – безусловно, один из наиболее значительных экономических трудов последнего десятилетия. Не уверен, что именно я – человек, давно не занимавшийся профессионально экономической наукой, – наиболее удачный кандидат на авторство предисловия к ней. Все, что я смогу написать здесь, будет, вероятно, субъективно и пропущено через собственный практический опыт. Так сложилось, что мне в течение целого десятилетия российской истории пришлось принимать активное участие в масштабных социальных, экономических и политических преобразованиях в нашей стране. Поэтому могу отнести себя скорее к числу потребителей научного знания в этой сфере.

Меня крайне интересует разворачивающаяся в мировой общественно-научной мысли фундаментальная дискуссия – почему одни страны процветают в экономическом отношении, а другие нет. Если посмотреть список тем, за которые их авторы были награждены Нобелевскими премиями по экономике в последние пятнадцать лет, то ничего близкого к названной мной теме там не увидишь. Тем не менее мне кажется, что именно эта проблема в каком-то смысле является вершиной экономического знания. Ведь для того, чтобы замахнуться на нее, необходимо профессиональное знание истории народов на всех пяти континентах как минимум за последние 10 тысяч лет. Помимо этого, нужно глубоко осмыслить самые современные достижения экономической науки, этнографии, социологии, биологии, философии, культурологии, демографии, политологии и еще нескольких самостоятельных сфер научных знаний. Неплохо еще и владеть хотя бы базовыми технологическими трендами, понимать отраслевые взаимосвязи от средневековой до современной экономики. Но спрос на результаты здесь настолько велик, что в этой сфере сформировалось несколько школ научной мысли. Не претендуя на полноту знаний, я бы описал их в следующем виде.

Географический детерминизм. Суть позиции его сторонников состоит в том, что наиболее значимым фактором, определяющим долгосрочные тренды странового экономического развития, является географическое положение. Вероятно, сюда же следует отнести и климатический фактор, поскольку по понятным причинам на столетних или даже тысячелетних исторических отрезках эти два фактора жестко связаны между собой. К наиболее серьезным сторонникам этого подхода относятся Джаред Даймонд, книга которого «Ружья, микробы и сталь: судьбы человеческих обществ», переведенная в 2009 году на русский язык, имела в нашей стране большой успех. К этой же школе авторы настоящей книги относят Джеффри Сакса. Вполне справедливо, на мой взгляд, основоположником этого подхода они называют Монтескье, который прямо писал о влиянии климата на законы. Надо сказать, что серьезность этой школы в глазах профессиональных российских читателей была несколько подорвана одним ее российским же последователем, пытавшимся понять, почему Россия не Америка. Однако я бы не стал из-за одного графомана уничижительно судить о целой школе, хотя никак не могу отнести себя к ее последователям.

Другая научная школа – культурный детерминизм, суть которой наиболее афористично сформулирована одним из ведущих ее российских последователей Андреем Кончаловским: «Культура – это судьба». Думаю, что основоположником этой школы следует считать Макса Вебера с его главной научной работой «Протестантская этика и дух капитализма». И хотя сегодня, на фоне недавнего острого и еще не завершенного кризиса в отношениях Севера и Юга Европы, идеи его книги оказались заново востребованы, мне кажется гораздо более важной не столько собственно протестантская компонента его труда, сколько базовая идея о значимости самих культурных ценностей и традиций для экономического развития, уровня благосостояния и, собственно, судеб народов. Эта система взглядов в последние два десятилетия переживает бурный ренессанс, особенно после ставшего классическим труда Сэмюэла

Хантингтона «Столкновение цивилизаций» 1993 года. Работы Мариано Грандоны, Лоуренса Харрисона (особенно недавно переведенная на русский язык «Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма») просто сметают убогие рамки политкорректности и, несомненно, выдвигают школу культурного детерминизма в число наиболее передовых и ярких.

Вероятно, поэтому для авторов настоящего труда именно школа культурного детерминизма является, как мне кажется, наиболее серьезным оппонентом. Они сами, относя себя к числу сторонников институциональной школы, многократно в тексте своей работы возвращаются к спору с «культурными детерминистами». Но и у самих институционалистов, как известно, великие учителя – неслучайно одной из основополагающих категорий, на которой базируются логические построения этой книги, является введенное в научный оборот Шумпетером «созидательное разрушение».

Но есть еще одна школа с не менее богатыми научными корнями, которая исходит из того, что основным фактором, определяющим и уровень развития общества, и степень зрелости его политических институтов, является собственно уровень экономического развития. С точки зрения ее сторонников, именно экономика и ее материальная основа определяют тренды социально-политического развития. Этот подход объединяет авторов, имеющих иногда диаметрально противоположные политические взгляды. Достаточно назвать, скажем, основоположника марксизма и Егора Гайдара – теоретика и практика наиболее масштабного в истории перехода от социализма к капитализму. По Марксу, как мы помним, именно развитие производительных сил должно с неизбежностью привести к смене общественно-экономических формаций. А у Гайдара в его важнейшем, с моей точки зрения, труде «Долгое время» целая глава посвящена экономическому детерминизму и опыту XX века. Представление о том, что появление среднего класса в современных обществах формирует спрос на демократию и создает базу ее устойчивости, весьма распространено как в научной среде, так и далеко за ее пределами. К сожалению, по непонятным мне причинам авторы настоящего труда практически не уделили внимания этой научной школе.

На этом можно было бы закончить перечень школ, но у авторов описана еще одна – «школа невежества», как они ее называют. Базовая идея – власти принимают ошибочные решения просто от отсутствия необходимых знаний. Конечно, оспаривать тезис о необходимости профессиональных знаний в управлении государством бессмысленно, однако, на мой взгляд, это настолько банально, что вряд ли стоит всерьез доказывать эту необходимость. В этом вопросе я бы точно согласился с авторами монографии, которые поместили описание этой школы в главу под названием «Теории, которые не работают».

На этом, как мы видим, весьма основательно вспаханном научном поле с фундаментальными научными корнями и бурным развитием в последние полтора-два десятилетия совсем не просто совершить самостоятельный прорыв. Если из моего описания у кого-то сложится впечатление, что авторы просто обозначили свое место на нем, отнеся свою работу к институциональной школе, то это, конечно, не так. Книга, вне всякого сомнения, продвигает вперед и саму институциональную школу, и в целом научные исследования в этой сфере. Сами по себе введенные авторами категории экстрактивных и инклюзивных институтов содержат и научную новизну, и, вероятно, определенную предсказательную силу. Интуитивная «понятность» этих терминов никак не снижает уровень фундаментальности основанных на них теоретических конструкций. Авторам удалось преодолеть именно то, что и является основной сложностью подобного рода исследований, и предложить язык, который позволяет содержательно вскрыть и описать причины процветания народов и стран на историческом отрезке около 10 тысяч лет и с географическим разбросом на все пять континентов. Как это ни парадоксально, но предлагаемые ими описания причин относительного успеха британской колонизации Северной Америки и относительного неуспеха португальской и испан-

ской колонизации Южной и Латинской Америки выглядят не менее убедительно, чем анализ причин удаchi Славной революции Вильгельма Оранского в Англии в 1688 году или неудач Северной Кореи в наши дни. И хотя логика авторов, как было сказано, базируется на введенных ими категориях инклюзивных и экстрактивных политических и экономических институтов, но она, конечно же, не исчерпывается ими. Если позволительно автору предисловия существенно упростить суть изложенной в книге концепции, она выглядит примерно так.

1. В течение длительного времени (десятилетия, столетия, а иногда и тысячелетия) народы накапливают незначительные изменения в уровне сложности общества и действующих в нем социальных механизмов, которые могут несильно отличаться даже у соседних в географическом отношении народов.

2. В какой-то исторический момент происходит масштабное изменение внешней среды (например, географические открытия создают колоссальные торговые возможности, или, скажем, высадившиеся на новых землях колонисты сталкиваются с абсолютно новой природой, климатической и этнографической средой).

3. Какие-то общества оказываются способны не просто принять эти вызовы, а адаптировать, встроить их в свою культуру через рождающиеся в этот момент инклюзивные институты, а для других этот же процесс освоения идет через усиление ранее существовавших экстрактивных институтов. Так начинается дивергенция – расхождение близких по уровню развития, иногда соседних, государств на разные исторические траектории. Далеко не всегда сразу очевидно, какой из вариантов дает долгосрочный результат. Скажем, испанская колонизация Латинской Америки привела к мощному потоку золота в страну, в отличие от английской колонизации Северной Америки. Однако именно этот поток золота и усилил экстрактивность испанского государства, а отрыв богатеющей испанской короны (обладавшей, как мы сказали бы сейчас, монополией внешней торговли) от иных сословий и стал «началом заката» средневековой испанской монархии.

4. Само по себе зарождение инклюзивных институтов требует совпадения нескольких предпосылок в единственно правильном историческом моменте времени («точка перелома»). Главная из этих предпосылок – наличие широкой коалиции разнородных сил, заинтересованных в создании новых институтов, и долгосрочное признание каждой из них права других сил на защиту своих интересов. В этом, по мысли авторов, и состоит основа выживания инклюзивных институтов – безусловное признание их участниками абсолютной ценности плюрализма.

5. Инклюзивные и экстрактивные институты запускают сложные обратные связи, которые могут иметь как положительный («благотворная обратная связь»), так и отрицательный («порочный круг») характер.

6. Инклюзивные институты создают устойчивый долгосрочный рост благосостояния. Экстрактивные институты тоже способны запустить рост, однако он будет неустойчивым и недолгосрочным. Рост при инклюзивных институтах допускает «созидательное разрушение» и тем самым поддерживает технический прогресс и инновации. Экстрактивные институты лишь в весьма ограниченных масштабах способны запустить инновационные процессы.

7. В любом случае важнейшей предпосылкой действенности не только экстрактивных, но и инклюзивных институтов авторы считают наличие существенного уровня «централизации», который дает возможность государству распространить на всю свою территорию действие самих институтов.

Авторы категорически против концепций «исторического детерминизма» и поэтому сдержанно оценивают предсказательную силу собственной теории. Однако было интересно

познакомиться с их взглядами (иногда очевидными, иногда неожиданными) на возможности экономического роста в ряде стран в ближайшие десятилетия. Так, в оптимистические прогнозы попадают, скажем, Бразилия и Ботсвана, а в пессимистические – Венесуэла и Китай. Россия, естественно, не была в центре внимания авторов, однако из сделанного ими сжатого анализа они делают пессимистический вывод в отношении нашего будущего. Не вступая в спор, отмечу, что, если бы авторы сделали более подробный анализ нашей истории за последние, скажем, сто лет, они бы обнаружили ясно просматривающееся доминирование в разные периоды экстрактивных или инклюзивных институтов. Думаю, что и те и другие периоды можно было бы легко увидеть как в нашей истории с 1917 по 1991 год, так и в новейшей истории.

При всей привлекательности интеллектуальной конструкции, созданной авторами, она не лишена некоторых слабостей. На мой взгляд, базовая логика авторов выглядит избыточно линейной, явно или неявно придавая термину «инклюзивность» неотделимую позитивную коннотацию. А ведь даже на уровне здравого смысла понятно, что затягивание перехода к инклюзивности для многих стран имело под собой исторические основания. Так, сами авторы убедительно показывают, что победа северян в гражданской войне в США хоть формально и обеспечила принятие в 1865 году поправки к Конституции, запрещающей рабство, однако на деле экстрактивные политические и экономические институты действовали на юге США еще около ста лет. Ясно, что у такого сложнейшего и длительного периода истории не могло не быть глубинных культурных, социальных и экономических причин. Да и само по себе сословное устройство большинства современных государств вплоть до XIX века тоже имело свои фундаментальные основания. Это как минимум означает, что исторически преждевременный «силовой» переход к инклюзивным институтам может иметь просто неприемлемую социально-экономическую цену. Следовательно, «инклюзивность» при всей ее естественной привлекательности нельзя возводить в абсолют. Собственно, именно это и демонстрирует нам совсем недавняя история Ирака, Ливии и Египта. Мне кажется, что тема «ловушки преждевременной инклюзивности» ждет своего исследования (авторами или их последователями), которое вполне может быть осуществлено не через разрушение, а через развитие предложенной в книге концепции.

Подводя итог, скажу, что эта книга не просто ставит вопросы, она дает ответы, которые, безусловно, привносят новое понимание причин успехов и неудач развития обществ и государств на тысячелетних исторических отрезках. Мало этого, она предлагает универсальный ключ к пониманию этих причин. При этом авторы ухитрились описать эту грандиозную задачу очень простым живым языком, практически не требующим от читателя серьезной профессиональной подготовки. Я уверен, что перевод ее на русский язык (который, на мой взгляд, выполнен очень качественно) откроет широкому кругу российских интеллектуалов новое знание о нашей стране и о мире.

А. Б. Чубайс

Предисловие

Эта книга посвящена огромному разрыву в доходах и уровне жизни, который разделяет самые богатые страны – такие как США, Великобритания и Германия, и самые бедные – страны тропической Африки, Центральной Америки и Южной Азии.

За написанием этого предисловия нас застала «арабская весна», которая началась с так называемой «жасминовой революции» в Тунисе и затронула многие страны Северной Африки и Ближнего Востока. «Жасминовую революцию» спровоцировало самосожжение уличного торговца Мохаммеда Буазизи 17 декабря 2010 года, вызвавшее возмущение и народные волнения по всей стране. Уже 14 января президент Зин эль-Абидин Бен Али, правивший Тунисом с 1987 года, был вынужден уйти в отставку, что, однако, не успокоило протестующих, а, наоборот, усилило их недовольство правящей элитой Туниса. Более того, революционные настроения распространились на соседние страны. Хосни Мубарак, железной рукой правивший Египтом в течение почти тридцати лет, был смещен со своего поста 11 февраля 2011 года. Судьбы политических режимов Бахрейна, Ливии, Сирии и Йемена были еще неизвестны, когда мы заканчивали это предисловие.

Причины народного недовольства в этих странах коренятся в бедности большинства населения. Средний египтянин зарабатывает примерно 12 % от того, что получает средний американец, а его ожидаемая продолжительность жизни на десять лет меньше. Двадцать процентов населения Египта живут и вовсе за гранью нищеты. Но хотя разница между США и Египтом весьма существенна, она все же меньше той пропасти, которая разделяет США и беднейшие страны мира, такие как Северная Корея, Сьерра-Леоне или Зимбабве, где в абсолютной, страшной нищете живет больше половины населения.

Почему Египет настолько беднее США? Что мешает ему стать богаче? Можно ли искоренить бедность в Египте или она неизбежна? Чтобы найти ответы на эти вопросы, стоит послушать, как сами египтяне объясняют свои проблемы и причины восстания против Мубарака. 24-летняя Ноха Хамед, сотрудница каирского рекламного агентства, ясно выразила свое мнение во время демонстрации на площади Тахрир: «Мы страдаем от коррупции, репрессий и плохого образования. Мы выживаем несмотря на эту коррупционную систему и хотим ее изменить». Другой участник демонстрации, двадцатилетний студент-фармацевт Мосааб эль-Шаами, согласен с этим мнением: «Я надеюсь, что к концу этого года у нас будет всенародно избранное правительство, права и свободы человека будут защищены, а коррупции, которая разъедает эту страну, будет положен конец». Протестующие на площади Тахрир были единодушны в том, что правительство погрязло в коррупции, неспособно предоставить базовые услуги населению и добиться равенства возможностей для всех граждан.

Вышедших на площадь особенно возмущало отсутствие политических прав и репрессии. Бывший генеральный директор Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) египтянин Мохаммед эль-Барадеи 13 января 2011 года написал в своем «Твиттере»: «Тунис: репрессии + социальная несправедливость + отсутствие каналов для мирного изменения системы = бомба замедленного действия». Жители Египта, так же как и Туниса, были уверены, что их экономические трудности объясняются прежде всего отсутствием у них политических прав. Когда демонстранты начали выдвигать более конкретные требования, то первые двенадцать пунктов – их сформулировал программист и блогер Ваэль Халиль, один из лидеров протестующих, – оказались исключительно политическими. Такие вопросы, как повышение минимальной зарплаты, предполагалось разрешить позже.

По мнению самих египтян, проблемы, которые мешают им развиваться, – это в первую очередь неэффективное и коррумпированное правительство и неэффективные социальные структуры, которые не позволяют гражданам применить свои таланты, мастерство и образо-

вание (даже то, которое им удастся получить). Экономические трудности являются прямым следствием монополизации власти узкой элитой и того, как она этой властью распоряжается. Поэтому, делают вывод египетские демонстранты, начинать надо с изменения именно политической системы.

Однако этот вывод полностью расходится с общепринятой теорией, объясняющей трудности Египта. Когда ученые и комментаторы рассуждают о том, почему Египет и подобные ему страны так бедны, они называют совершенно другие причины. Одни утверждают, что бедность Египта объясняется географическими факторами: большую часть страны занимает пустыня, почва бедна, осадков для орошения земель не хватает, и в целом климат не способствует развитию эффективного сельского хозяйства. Другие указывают на культурные традиции египтян, которые рассматриваются ими как неблагоприятные для экономического развития и накопления богатства. У египтян, по мнению этих критиков, отсутствует трудовая этика, которая позволила другим народам прийти к процветанию. Более того, египтяне в большинстве своем исповедуют ислам, а эта религия также несовместима с экономическим успехом. Наконец, третьи (таких большинство среди экономистов и специалистов по экономическим реформам) уверяют, что правители Египта просто не знают, что именно принесет их стране процветание, и расхлебывают последствия собственной ошибочной политики в прошлом. Вот если бы эти правители получили правильные советы – от правильных советников, – страна встала бы на путь процветания, уверены эти аналитики. Все эти ученые и эксперты совершенно не считают ключом к пониманию экономических проблем, стоящих перед Египтом, тот факт, что страна управляется узкой прослойкой элиты, которая обогащается за счет всего остального населения.

В этой книге мы покажем, что именно обычные египтяне, вышедшие на площадь Тахрир, а вовсе не экономисты и эксперты, оказались правы. На самом деле Египет беден именно потому, что им управляла узкая прослойка элиты, которая организовала экономику таким образом, чтобы обогащаться в ущерб всему остальному населению. Политическая власть в стране была сконцентрирована в одних руках и использовалась для того, чтобы обогащать властную элиту, например самого президента Мубарака, чье состояние оценивалось в 70 миллиардов долларов. Проигравшими в этой системе оказались простые жители Египта. И именно они, египтяне, а не посторонние, пусть и хорошо образованные наблюдатели, поняли, в чем дело.

В нашей книге мы также продемонстрируем, что подобное объяснение причин бедности страны – объяснение, которое дают сами граждане, – универсально и его можно приложить к любой бедной стране. Независимо, идет ли речь о Северной Корее, Сьерра-Леоне или Зимбабве, – мы покажем, что все бедные страны бедны по тем же причинам, что и Египет. А такие страны, как США и Великобритания, стали богатыми потому, что их граждане свергли элиту, которая контролировала власть, и создали общество, в котором политическая власть распределена значительно более равномерно, правительство подотчетно гражданам и реагирует на их требования, а экономические стимулы и возможность разбогатеть есть у широких слоев населения. Мы попытаемся объяснить, почему для того, чтобы найти истоки огромного неравенства в современном мире, нужно углубиться в прошлое и проследить динамику исторических процессов. В частности, мы увидим, что сегодня Великобритания богаче Египта потому, что в 1688 году в ней (если быть точным, то в Англии) произошла революция, которая изменила политический строй, а затем и экономику страны. Ее граждане завоевали политические права и использовали их, чтобы расширить собственные экономические возможности. Результатом стали две принципиально разные траектории политического и экономического развития у Великобритании и у Египта. Великобританию ее траектория скоро привела, в частности, к промышленной революции.

Но в Египте промышленная революция не произошла и технологии, которые она принесла человечеству, не распространились – потому что Египет в то время находился под властью Османской империи, которая управляла им примерно так же, как спустя столетия будет управлять Хосни Мубарак. Правление турок в Египте закончилось после египетского похода Наполеона (1798), но вскоре страна попала в орбиту влияния Британской колониальной империи, которая была не больше Османской заинтересована в процветании Египта. И хотя египтяне смогли в конце концов избавиться от британского владычества, как в свое время избавились от османского, а в 1952 году свергли своего короля, это все же не было похоже на «Славную революцию» в Англии: вместо того чтобы принципиально изменить политический режим в Египте, этот переворот лишь привел к власти другую группу элиты, столь же узкую и не более заинтересованную в экономическом развитии страны, чем были в этом заинтересованы турки и англичане. В результате социальная структура общества и экономическая система остались прежними, и это обрекло Египет на бедность, которая не преодолена до сих пор.

В этой книге мы увидим, как по траектории развития, подобной египетской, раз за разом начинают двигаться самые разные страны и почему лишь в некоторых случаях эта траектория сменяется на другую, восходящую – как это произошло в 1688 году в Англии и в 1789 году во Франции. Это поможет нам понять, изменилась ли ситуация в Египте сейчас и сможет ли революция, свергнувшая Мубарака, привести к созданию таких политических и экономических институтов, которые обеспечат Египту процветание. Революции, которые происходили в Египте в прошлом, не изменили ситуацию в стране, потому что те, кто в результате приходил к власти, просто занимали место свергнутой элиты и воссоздавали систему самообогащения за счет всех остальных жителей.

Обычным гражданам и в самом деле непросто сосредоточить реальную власть в своих руках и изменить экономическую систему в стране. Однако это возможно, и мы увидим, как это получалось, причем не только в Англии, Франции или США, но и в Японии, Ботсване и Бразилии. Изменение политического режима – вот где ключ к выходу из бедности и, в конечном счете, ключ к процветанию. В Египте есть признаки именно такой политической трансформации. Вот что говорит Реда Метвали, еще один протестующий на площади Тахрир: «Сейчас здесь собрались вместе мусульмане и христиане, молодые и старые, и все они идут к одной общей цели». Как мы увидим в дальнейшем, именно подобное широкое общественное движение становилось мотором успешных политических трансформаций. Если мы поймем, где и почему удавались эти трансформации, мы сможем лучше оценить потенциал сегодняшних революционных событий – вернется ли после них все на круги своя, как не раз бывало в прошлом, или система принципиально изменится и принесет успех и процветание миллионам людей.

Глава 1

Так близко – и так по-разному

Экономика Рио-Гранде

Город Ногалес разделен пополам стеной. К северу от стены расположен «американский» Ногалес: округ Санта-Круз, штат Аризона, США. Средний доход на семью в этом городе – 30 000 долларов в год. Большинство подростков здесь ходят в школу, а большинство взрослых школу закончили. Несмотря на все критические замечания, которые можно высказать в адрес американской системы здравоохранения, население города обладает относительно неплохим здоровьем и (по мировым меркам) высокой ожидаемой продолжительностью жизни. Многим из жителей Ногалеса больше 65 лет, они имеют доступ к *Medicare*,¹ и это лишь одна из многих государственных услуг, которые граждане воспринимают как сами собой разумеющиеся. А ведь есть еще электричество, телефонная связь, канализация, здравоохранение, сеть дорог, которые связывают город с другими городами поблизости и со страной в целом, и – далеко не в последнюю очередь – закон и порядок. Жители Ногалеса могут заниматься своими делами без страха за свою жизнь и здоровье. Им не приходится все время опасаться ограбления, экспроприации или чего-то еще, что может угрожать их инвестициям в собственное дело или в недвижимость. Не менее важно, что жители Ногалеса, штат Аризона, воспринимают правительство – пусть оно недостаточно эффективно и в нем бывают случаи коррупции – как своего наемного менеджера. Они могут проголосовать и сменить своего мэра, конгрессмена и сенатора; они голосуют на президентских выборах, которые определяют, кто возглавит страну. Привычка к демократии – их вторая натура.

Жизнь всего в нескольких футах отсюда, к югу от стены, разительно отличается от описанной картины. Хотя жители города Ногалес, штат Сонора, живут в относительно благополучной части Мексики, доход средней семьи в нем равен примерно трети дохода средней семьи в американской части Ногалеса. Большинство взрослых жителей «мексиканского» Ногалеса не окончили школу, а большинство подростков в нее не ходят. Матерей тревожит высокий уровень младенческой смертности. Учитывая плохое состояние государственной системы здравоохранения, не приходится удивляться тому, что жители мексиканского Ногалеса живут не так долго, как их северные соседи. К тому же у них нет доступа и ко многим другим услугам. Дороги к югу от стены находятся в плохом состоянии. Не лучше обстоит дело с поддержанием закона и порядка. Уровень преступности высок, и открыть свой бизнес – дело небезопасное. Вы не только рискуете быть ограбленным, но даже получение всех необходимых разрешений и подкуп всех нужных чиновников, без чего невозможно начать дело, – задача не из легких. А жители Ногалеса, штат Сонора, имеют дело с коррумпированными и некомпетентными чиновниками каждый день.

В отличие от опыта их северных соседей, демократия – сравнительно новый опыт для жителей мексиканского Ногалеса. Вплоть до реформ 2000 года город, так же как и вся остальная Мексика, был под контролем коррупционеров из Институционально-революционной партии (*Partido Revolucionario Institucional, PRI*).

Как могут быть две части одного города такими разными? Это не спишешь на разницу в географическом положении, климате или типах заболеваний, характерных для той или иной

---

¹ Одна из федеральных программ медицинского страхования для граждан старше 65 лет. Существует с 1965 года. *Здесь и далее – примечания редактора, если не оговорено иное.*

территории, ведь микробы могут беспрепятственно пересекать границу между США и Мексикой. Разумеется, состояние здоровья жителей в двух частях города заметно различается, но это никак не связано с естественным эпидемиологическим фоном; дело просто в том, что люди к югу от стены живут в худших санитарных условиях и не имеют доступа к качественной медицинской помощи.

Но, возможно, причина в самих людях? Может быть, жители Ногалеса, штат Аризона, – внуки европейских мигрантов, а их южные соседи – потомки ацтеков? Отнюдь. Происхождение людей по обе стороны стены очень схоже. После того как Мексика обрела независимость от Испании в 1821 году, местность, где сегодня стоят два Ногалеса, была частью штата Старая Калифорния (*Vieja California*) и осталась ею даже после американо-мексиканской войны 1846–1848 годов. Только после покупки Гадсдена² в 1853 году граница США была отодвинута в этот район. Лейтенант Натаниэль Мичлер, армейский топограф, описывая территорию вдоль новой государственной границы, отметил «небольшую долину Лос-Ногалес». Здесь, с двух сторон от границы, и выросли два города. Жители Ногалеса, штат Аризона, и Ногалеса, штат Сонора, имели одних и тех же предков, ели одну и ту же еду, слушали одну и ту же музыку и, рискуя утверждать, принадлежали к одной и той же культуре.

Разумеется, существует простое и очевидное объяснение различиям между двумя половинами Ногалеса, и оно, вероятно, давно уже пришло вам в голову: это, собственно, сама граница между двумя этими половинами. Ногалес, штат Аризона, находится в США. В распоряжении его жителей – американские экономические институты, которые позволяют им свободно выбирать профессию, получать образование и необходимые навыки, а их работодателей стимулируют инвестировать в самые передовые технологии, в результате чего они смогут повысить свои прибыли. Жители «американского» Ногалеса имеют доступ и к политическим институтам, которые открывают возможность участия в демократических процедурах – избрании своих представителей и их замене в случае неудовлетворительной работы. В результате политики обеспечивают базовые услуги – от системы здравоохранения и дорог до закона и порядка, – спрос на которые предъявляют граждане.

Жителям Ногалеса, штат Сонора, повезло меньше. Они живут в другом мире, который сформирован работой других институтов, создающих совсем иные стимулы и для жителей «мексиканского» Ногалеса, и для тех предпринимателей и компаний, которые хотели бы здесь инвестировать. Различные стимулы, которые порождены различными институтами двух Ногалесов и двух стран, в которых расположены эти города, и есть главная причина принципиальных отличий в уровне благосостояния с одной и с другой стороны границы.

Почему американские институты настолько более благоприятны для экономического процветания, чем институты Мексики (да и других стран Латинской Америки)? Ответ на этот вопрос уходит корнями в те различия между государствами и обществами, которые сформировались еще в колониальный период. Институциональная дивергенция началась еще в те далекие времена, но ее последствия ощущаются по сей день. Для того чтобы понять суть этой дивергенции, мы должны начать с момента, когда были основаны первые колонии в Северной и Южной Америке.

---

² *Gadsden Purchase* – сделка, в ходе которой США за 10 миллионов долларов купили у Мексики земли площадью 120 000 км², в настоящее время составляющие часть территории штатов Аризона и Нью-Мексико. Со стороны США сделку проводил Джеймс Гадсен.

Основание Буэнос-Айреса

В начале 1516 года корабли испанского мореплавателя Хуана Диаса де Солиса вошли в обширное русло большой реки на восточном побережье Южной Америки. Продвигаясь вверх по реке вглубь континента, Солис объявил эти земли собственностью Испании, а реку назвал *Río de la Plata*, Серебряная река, потому что у местных жителей обнаружилось большое количество серебра. Аборигены, жившие по обеим сторонам устья, – народность чарруа на территории нынешнего Уругвая и племя керанди, населявшее равнины, которые позже назовут *пампой* (часть современной Аргентины), – встречали гостей враждебно. Местные жители были охотниками и собирателями, они жили маленькими группами, не зная никакой централизованной политической власти. Одна из таких групп чарруа забила Солиса насмерть дубинами, когда путешественник пытался исследовать новые уголки территории, которую он хотел подчинить испанской короне.

В 1534 году Испания, продолжавшая с оптимизмом смотреть на будущее своих колоний, отправила в эти места первую группу поселенцев под предводительством Педро де Мендосы. В том же году Мендоса основал поселение, из которого впоследствии вырастет город Буэнос-Айрес. Поселение отличалось гостеприимным, умеренным климатом (испанское название *Buenos Aires* буквально означает «хороший воздух») и должно было стать идеальным местом для европейцев. Однако первая попытка испанцев закрепиться в новом поселении оказалась неудачной: ведь они пришли вовсе не за хорошим воздухом, а для того, чтобы извлекать местные ресурсы и заставить местных жителей работать на себя. Но чарруа и керанди не отличались услужливостью. Они отказывались снабжать испанцев припасами, а когда их захватывали в плен, отказывались работать. Они постоянно нападали на новое поселение, осыпая его стрелами из своих луков. Испанцы начали страдать от голода, поскольку не рассчитывали, что добывать себе пищу им придется самостоятельно.

Оказалось, что Буэнос-Айрес совсем не город мечты. Местных жителей было трудно заставить работать. В окрестностях не оказалось месторождений серебра или золота, пригодных для разработки, а серебро, которое видел у туземцев де Солис, проделало, как выяснилось, длинный путь из царства инков, лежавшего в Андах, далеко на западе.

Пытаясь выжить, испанцы стали посылать экспедиции в поисках нового места, более богатого ресурсами и населенного более покладистыми жителями, которыми легче будет управлять силой. В 1537 году одна из таких экспедиций под руководством Хуана де Айоласа в поисках пути к царству инков проникла вглубь бассейна реки Параны. По дороге испанцы установили контакт с гуарани, оседлым народом, аграрная экономика которых была основана на культивировании маиса и маниока. Айолас быстро сообразил, что это открывает совсем иные перспективы, нежели бесплодные конфликты с чарруа и керанди. Короткая схватка увенчалась победой испанцев, которые подавили сопротивление гуарани и основали город Нуэстра-Сеньора-Санта-Мария-де-ла-Асунсьон (*Nuestra Señora Santa María de la Asunción*, «город Успения Господи нашей Девы Марии»). Город Асунсьон и сегодня остается столицей Парагвая. Конкистадоры переженились на гуаранских принцессах и быстро утвердили себя как новую аристократию. Они адаптировали под свои нужды уже существовавшую у гуарани систему принудительного труда и традицию выплаты дани. Эта была именно такая колония, какую они всегда хотели основать, и всего за четыре года все испанские поселенцы покинули Буэнос-Айрес и перебрались на новое место. А Буэнос-Айрес, «Париж Южной Америки», город с широкими бульварами в европейском стиле, чье богатство основано на огромных аграрных ресурсах пампы, был снова заселен лишь в 1580 году.

Уход из Буэнос-Айреса и покорение гуарани демонстрирует логику европейской колонизации обеих Америк. Ранние испанские и, как мы увидим дальше, английские колонисты

не имели ни малейшего желания обрабатывать землю собственными руками; они хотели, чтобы за них это делали другие, точно так же как золото, серебро и другие сокровища они предпочитали добывать с помощью грабежа.

Из Кахамарки...

Предприятиям Солиса, Мендосы и Айоласа предшествовали более знаменитые экспедиции, в первой из которых Христофор Колумб 12 октября 1492 года открыл один из Багамских островов. Но всерьез испанская экспансия и колонизация обеих Америк началась с вторжения Эрнана Кортеса в Мексику в 1519 году, экспедиции Франсиско Писарро в Чили полутора десятилетиями позже и путешествия Педро де Мендосы по Ла-Плате еще два года спустя. Столетием позже Испания уже покорила и колонизовала почти всю центральную, западную и южную часть Южной Америки, тогда как Португалия заполучила Бразилию на востоке континента.

Испанская стратегия колонизации была очень эффективной. Впервые доведенная до совершенства Кортесом в Мексике, эта стратегия исходила из наблюдения, что лучший способ подавить сопротивление местных жителей – это взять в плен их вождя. Эта стратегия позволяла захватить уже собранные богатства вождя и заставить его подданных обеспечивать захватчиков едой и платить дань. Следующим шагом было утверждение себя в качестве новой элиты и установление контроля над уже существующими методами сбора налогов и дани и, что особенно важно, принуждения к труду.

Когда 8 ноября 1519 года Кортес и его люди прибыли в великолепную столицу ацтеков Теночтитлан, их приветствовал Монтесума, император ацтеков, который решил послушаться своих советников и встретить испанцев с миром. То, что произошло дальше, прекрасно описано в составленном после 1545 года отчете францисканского монаха Бернардино де Саагуна, знаменитый труд которого известен под названием «Флорентийский кодекс»:

«[Наконец] они [испанцы] смогли захватить в плен Монтесуму... и раздались выстрелы из всех ружей... Страх охватил всех. Как будто сердце у всех ушло в пятки от ужаса. Еще до захода солнца людей начали захватывать в плен, и это буквально ошеломило местных жителей.

С рассветом было объявлено, что требуют доставить себе [испанцы]: белых черепашек, жареных индеек, яйца, чистую воду, дрова и древесный уголь... Объявил об этом сам Монтесума. Когда испанцы получили требуемое и удобно устроились в городе, они стали выяснять, какие в нем есть богатства... особенно рьяно они допытывались о золоте. И тогда Монтесума повел испанцев за собой. Они шли, окружая его, и каждый держал его.

И когда они достигли сокровищницы, называемой Теокалько, они увидели принесенные туда все драгоценные камни, опала из перьев птицы кетцаль, щиты и золотые диски, золотые ленты, пояса и повязки.

После этого золото было отделено от остальных сокровищ... и переплавлено. Испанцы получили золото в слитках... И потом они пошли дальше, ища все, что может приглянуться им, и забирали это себе.

После этого они пошли к личной сокровищнице Монтесумы, называемой Тотокалько... и забрали все, что ему принадлежало, – все его драгоценности, все ожерелья с подвесками, ленты, украшенные перьями кетцалья, золотые повязки, браслеты, обшитые золотом ленты и бирюзовую диадему, символ императорской власти. Они забрали все».

Военное покорение империи ацтеков было завершено в 1521 году. Кортес – теперь губернатор провинции Новая Испания – с помощью института, который назы-

вался *энкомьенда*,³ начал распределение самого ценного ресурса – местного населения. Энкомьенда возникла в Испании в XIV веке в ходе реконкисты (процесса отвоевания южной части Пиренейского полуострова у мавров – мусульман, которые захватили эту территорию еще в VIII столетии). В Новом Свете энкомьенда приняла гораздо более тяжелую форму – коренные жители полностью отдавались во власть испанца-колониста, который назывался *энкомендеро*. Местные жители обязаны были платить энкомендеро оброк и работать на него, а энкомендеро взамен обязывался обратить своих работников в христианство.

Яркое раннее свидетельство того, как работала энкомьенда, дает нам Бартоломе де Лас Касас, доминиканский священник и один из самых непримиримых критиков испанской колониальной системы. Лас Касас прибыл на испанский остров Гаити в 1502 году с экспедицией нового губернатора колоний Николаса де Овандо. Священник быстро понял действительные намерения своих начальников и ужаснулся жестокой эксплуатации коренных жителей, которую он наблюдал каждый день. В 1513 году в качестве капеллана он принял участие в испанском завоевании Кубы и даже был пожалован энкомьендой за свою службу. Однако он отказался от пожалования и начал долгую кампанию за реформу испанских колониальных институтов. Кульминацией его усилий стала книга «Кратчайшее сообщение о разрушении Индий» (1542) – уничтожающая критика варварского испанского владычества. Вот что он писал об энкомьенде в Никарагуа:

«Каждый из испанских поселенцев приезжал в предназначенный для него город (официально город «вверялся его попечению»), заставлял всех остальных жителей работать на себя, отбирал их и так скудные запасы еды и забирал в свое пользование всю пригодную для обработки землю, которой до него пользовались местные жители. Все местное население – включая знатных людей, старейшин, женщин и детей – он считал своей собственностью и заставлял работать день и ночь без всякого отдыха и только на него».

Рассказывая о завоевании Новой Гранады (современная Колумбия), Лас Касас описывает стратегию испанцев в действии:

«Чтобы добиться своей заранее поставленной цели и захватить все золото, какое только можно, испанцы действовали как обычно: они распределяли между собой всю землю (они называли это «вверить попечению друг друга»), а также все поселения со всеми жителями, которые потом использовались как рабы. Командир испанского отряда отнял у местного короля огромный участок земли для себя и заключил правителя в тюрьму на шесть или семь месяцев, незаконно требуя с него все больше и больше золота и изумрудов. Король, именовавшийся Богота, был так напуган, что в попытках спастись из цепких лап своих мучителей он согласился наполнить целый дом золотом и отдать его конкистадорам.

Чтобы выполнить обещание, он послал своих людей за золотом, и они шаг за шагом начали заполнять дом золотом и другими драгоценностями. Однако весь дом им заполнить не удалось, и испанцы в конце концов объявили, что лишат его жизни за нарушение обещания. Командир испанцев постановил, что он как представитель закона будет судить короля за нарушение клятвы. Король был приговорен к жестоким пыткам, избежать которых он мог, только исполнив обещание до конца и наполнив золотом весь дом. Его пытали на дыбе, поливали живот горящим свечным жиром, а его

---

³ *Encomienda* (исп.) – букв. «попечение», «защита».

ноги и шею приковали к шестам железными кольцами. Пока два человека держали ему руки, другие мучители прожгли насквозь его ступни. Время от времени командир испанцев обращался к королю и говорил, что они будут медленно пытаться его до смерти, пока он не прикажет доставить больше золота. В конце концов так и случилось – король не выдержал пыток и умер».

Стратегия и инструменты завоевания, отточенные в Мексике, впоследствии охотно использовались по всей Испанской империи, однако нигде они не достигли большей эффективности, чем в ходе завоевания Перу конкистадорами Франсиско Писарро. Лас Касас начинает свой рассказ об этом так:

«В 1531 году еще один законченный негодяй отправился со своим отрядом в Королевство Перу. Он имел твердое намерение во всем поступать так же, как и его предшественники – покорители Нового Света».

Экспедиция Писарро началась на побережье около перуанского города Тумбес и двигалась на юг. Поднимаясь в горы, 15 ноября 1532 года конкистадоры достигли города Кахамарка, под которым их поджидала армия императора инков Атауальпы. На следующий день Атауальпа, только что разгромивший своего брата Уаскара в битве за наследство их покойного отца, Уайны Капака, в сопровождении свиты явился в распоряжение испанцев. Атауальпа был разгневан рассказами о бесчинствах испанцев, в частности об осквернении ими храма солнечного бога Инти. Что случилось дальше – хорошо известно. Испанцы устроили засаду, капкан защелкнулся. Они перебили охрану и слуг Атауальпы, возможно, до двух тысяч человек, и захватили короля в плен. В обмен на свою свободу Атауальпе должен был пообещать, что наполнит одну комнату дворца золотом и еще две такого же размера – серебром. Король выполнил обещание, но испанцы не сдержали слова, и Атауальпа был задушен в июле 1533 года. В ноябре того же года испанцы захватили столицу инков – Куско и повторили тот же фокус с инкской аристократией: захватывали одного вельможу за другим в плен и вынуждали их отдать золото и серебро. Золото, украшавшее великие культурные сокровища инков, такие как Храм Солнца, было содрано и переплавлено в слитки.

После этого испанцы принялись за население Инкской империи. Так же как и в Мексике, жители были разделены между энкомьендами. Каждому конкистадору из отряда Писарро досталось по одному такому владению. Энкомьенда была главным институтом контроля и организации рабочей силы в период ранней колонизации, но вскоре у этого института появился сильный конкурент. В 1545 году местный житель по имени Диего Гуальпа поднялся высоко в Анды на территории современной Боливии в поисках индейского святилища. Порывом ветра его бросило на землю, и прямо перед его глазами в скале заблистали вкрапления серебра – часть огромного месторождения, которое испанцы называли *El Cerro Rico*, Богатая гора. Вокруг месторождения вырос город Потоси, население которого во времена расцвета, около 1650 года, составляло 160 000 человек, больше, чем в Лиссабоне или Венеции того времени.

Чтобы добывать серебро, испанцам были необходимы горняки – очень много горняков. В заморские владения был назначен вице-король, глава колониальной администрации Франсиско де Толедо, основной задачей которого было решить проблему рабочей силы. Толедо, прибывший в Перу в 1569 году, потратил первые пять лет на поездки по стране и изучение вверенной ему территории. Кроме того, он организовал массовую перепись всего взрослого населения. Чтобы получить необходимую рабочую силу, Толедо, во-первых, переместил почти все коренное население в новые города-резервации (*reducciones*), которые должны были помочь испанской короне эксплуатировать труд местных жителей. Во-вторых, он возродил и адаптировал инкский механизм управления рабочей силой, который назывался *мита*, что на кечуа (языке инков) означает «поочередно». Инки использовали этот

механизм, чтобы принуждать крестьян к работе на государственных плантациях, которые снабжали продовольствием храмы, аристократию и армию. Взамен крестьянам предоставлялась защита и помощь во время голода. В руках Толедо мита, особенно «мита Потоси», стала самой масштабной и тягостной схемой эксплуатации рабочей силы за весь период испанского завоевания.

Толедо очертил огромный район, центр которого совпадал с центром современного Перу и включал большую часть современной Боливии, в общей сложности около двухсот тысяч квадратных миль. Одна седьмая часть всего мужского населения этой территории (только что согнанного в *reducciones*) была обязана работать в шахтах Потоси. «Мита Потоси» действовала в течение всего колониального периода и была отменена только в 1825 году. На карте 1 показан район, в котором действовала мита, наложенный на карту Инкской империи на момент испанского завоевания. Карта демонстрирует, насколько границы района совпадают с центральной частью империи, включающей ее столицу Куско.

Поразительно, но и сегодня вы все еще можете увидеть наследие миты в Перу. Взгляните на провинции Калка и Акомайо. На первый взгляд кажется, что разницы между ними быть не должно. Обе они находятся высоко в горах, обе населены говорящими на кечуа потомками инков. Однако провинция Акомайо гораздо беднее, и уровень потребления у ее жителей примерно в три раза ниже, чем у их соседей в Калке. И жители знают об этом. В Акомайо храбреца-иностранца могут спросить: «Вы разве не знаете, что люди здесь гораздо беднее, чем там, в Калке? Как вам только пришло в голову приехать сюда?» Храбреца – потому что добраться до Акомайо из Куско (административного центра региона, а когда-то – столицы Инкской империи) гораздо труднее, чем в соседнюю Калку. В Калку ведет дорога с твердым покрытием, тогда как дорога в Акомайо в таком состоянии, что проехать по ней можно только на лошади или муле. И в Калке, и в Акомайо жители выращивают одни и те же сельскохозяйственные продукты, но в Калке их продают на рынке, за деньги, а в Акомайо ведут натуральное хозяйство. Это неравенство, заметное как стороннему наблюдателю, так и самим местным жителям, можно объяснить институциональными различиями этих двух провинций – различиями, корни которых уходят во времена Франсиско де Толедо и его плана по эффективной эксплуатации труда коренного населения. Главное различие в истории Акомайо и Калки – Акомайо находилась на территории «миты Потоси», а Калка нет.

Карта 1. Империя инков, сеть инкских дорог и границы области миты

Помимо концентрации трудовых ресурсов и использования миты, Толедо трансформировал энкомьенду в подушный налог – фиксированную сумму, которую ежегодно должен был платить (серебром) каждый взрослый мужчина. Это была еще одна схема принужде-

ния людей к выходу на рынок труда, к тому же уменьшавшая расходы испанских землевладельцев на плату работникам. Еще один институт, распределение товаров (*repartimiento de mercancías*, от испанского глагола *repartir* – «распределять»), также получил свое развитие в период правления Толедо. Под этим термином подразумевалась принудительная продажа товаров местным жителям по ценам, установленным испанцами. Наконец, де Толедо ввел повинность, которая называлась трахин⁴ и заключалась в использовании коренных жителей на испанских предприятиях и плантациях в качестве вьючных животных для переноски тяжелых грузов, например вина, листьев коки и текстиля.

Похожие институты и социальные структуры возникли во всех испанских колониях обеих Америк. После первоначального периода грабежей и охоты за золотом и серебром испанцы создали сеть институтов, нацеленных на эксплуатацию коренного населения. Все меры в диапазоне от энкомьенды и миты до распределения товаров и трахина были направлены на снижение жизненного уровня коренных жителей до минимума и удержание всех доходов сверх этого минимума в пользу испанцев. Такой результат достигался экспроприацией земель, принуждением к труду, высокими налогами и высокими ценами на товары, покупка которых также была принудительной. Хотя эти институты обогатили испанскую корону и сделали конкистадоров и их потомков очень состоятельными людьми, они же превратили Латинскую Америку в континент с самым высоким уровнем неравенства в мире и подорвали его экономический потенциал.

---

⁴ *Trajin*, дословно – «перевозка» (исп.).

...до Джеймстауна

Когда испанцы в 1490-х годах начали свое завоевание обеих Америк, Англия была второстепенной европейской страной, только-только оправлявшейся от разрушительных последствий гражданской войны Алой и Белой розы. Она была не в состоянии ни принять участие в схватке за золото и другую добычу колонизаторов, ни заняться выгодной эксплуатацией коренного населения Нового Света. Но примерно сто лет спустя, в 1588 году, Европу потряс неожиданный разгром «Непобедимой армады» – флотилии, которую испанский король Филипп II пытался использовать для вторжения в Англию. Победа англичан была не просто военным успехом, это был знак их растущей уверенности в своих силах на море, и эта уверенность в конце концов позволит Англии принять участие в соперничестве колониальных империй.

В свете этих событий не кажется случайностью тот факт, что англичане приступили к колонизации Северной Америки именно в это время, то есть с сильным опозданием. Англичане выбрали Северную Америку не из-за какой-то ее особой привлекательности, а просто потому, что у них не было другого выбора: подходящих для колонизации территорий в Новом Свете больше не осталось. Привлекательные части обеих Америк – те, где было множество серебряных и золотых рудников и многочисленное местное население, которое можно эксплуатировать, – были уже заняты. Англичанам достались объедки с испанского и португальского стола. Когда английский писатель и агроном XVIII века Артур Юнг описывал, где с выгодой производятся «основные товары» (под которыми он разумел сельскохозяйственную продукцию, пригодную для экспорта), он отмечал:

«В целом получается, что производство основных товаров в наших колониях тем меньше, чем дальше колонии находятся от солнца. В Вест-Индиях, наших самых жарких колониях, подушевой продукт достигает 8 фунтов, 12 шиллингов и 1 пенса. На юге континента он уже меньше – 5 фунтов и 10 шиллингов на человека. В центре континента – 9 шиллингов и 6 с половиной пенсов. Наконец, в северных поселениях он составляет всего лишь 2 шиллинга 6 пенсов. Такое распределение учит нас одному – всячески избегать основания колоний в северных широтах».

Первая попытка англичан основать колонию на острове Роанок в Северной Каролине состоялась в 1585–1587 годах и обернулась полным провалом. В 1607-м они попробовали еще раз. В самом конце 1606 года три корабля: «Сьюзан Констант», «Годспит» и «Дискавери» – под командованием капитана Кристофера Ньюпорта отправились к побережью Виргинии. Флотилия, снаряженная Вирджинской компанией,⁵ вошла в Чесапикский залив и поднялась вверх по реке, которую называли Джеймс-ривер, в честь находившегося в тот момент на английском престоле короля Джеймса (Якова) I. 14 мая 1607 года была основана колония Джеймстаун.

Хотя поселенцы с кораблей Вирджинской компании были англичанами, их представление о колонизации было в значительной степени сформировано образцами, которые установили Кортес, Писарро и Толедо. Их первоначальный план состоял в том, чтобы захватить местного вождя, а затем использовать его для получения провизии и для того, чтобы заставить местное население работать на себя.

---

⁵ *Virginia Company* – общее наименование для двух английских акционерных обществ – Лондонской и Плимутской компаний, основанных в 1606 году для колонизации Северной Америки и торговли с ней.

Когда колонисты впервые сошли на берег, они не знали, что находятся на территории Поухатанского племенного союза, в который входило около тридцати индейских племен и во главе которого стоял великий вождь Вахунсунакок. Столица конфедерации находилась в поселении Веровокомоко, всего в двадцати милях от Джеймстауна. Колонисты планировали для начала изучить местность. Если местных жителей не удастся принудить к работе на колонистов и доставлять им еду, может быть, получится хотя бы начать торговать с ними? Идея, что можно бы и самим работать и выращивать себе еду, даже не приходила поселенцам в голову. Это совсем не то, чем должны заниматься настоящие покорители Нового Света.

Вахунсунакок быстро узнал о прибытии колонистов и отнесся к их намерениям с большой опаской. По меркам Северной Америки, он управлял довольно обширной территорией. Однако у него было много врагов, а в его племенном союзе отсутствовала жесткая политическая централизация, подобная той, что существовала в империи инков. Вахунсунакок решил выяснить намерения колонистов и отправил к ним посланца с сообщением о том, что он желает наладить дружеские взаимоотношения.

С наступлением зимы 1607 года у поселенцев стала заканчиваться еда, но глава управлявшего колонией совета Эдвард Мари Уингфилд пребывал в полной прострации. Положение спас капитан Джон Смит. Капитан Смит, чьи записи являются одним из главных наших источников о первоначальном развитии колонии, был человеком совершенно невероятной судьбы. Родившись в сельской Англии, в Линкольншире, он, вопреки желанию отца, отказался вступить в семейный бизнес, а стал наемником, солдатом удачи. Сначала он воевал в составе английской армии в Нидерландах, потом поступил на австрийскую службу и сражался в Венгрии против войск Османской империи. Попав в плен к туркам в Румынии, он был продан в рабство и принужден работать в поле. В один прекрасный день Смиту удалось как-то расправиться со своим хозяином, и он, захватив хозяйскую одежду и лошадь, смог перейти на австрийскую территорию.

В очередную историю Смит угодил уже на пути в Вирджинию, когда его заключили под стражу на борту корабля «Сьюзан Констант» по обвинению в бунте – он отказался выполнить приказ капитана Уингфилда; его собирались судить, как только корабли достигнут побережья Нового Света. Однако когда Уингфилд, Ньюпорт и другие предводители колонистов вскрыли запечатанные приказы Вирджинской компании, то, к их ужасу, выяснилось, что компания назначила Смита одним из членов управляющего совета Джеймстауна.

Поскольку Ньюпорт отправился обратно в Англию за новыми запасами провианта и новыми людьми, а Уингфилд пребывал в вечной нерешительности и никогда не знал, как поступить, спасти колонию пришлось Смиту. Он организовал несколько торговых делегаций к индейцам, в результате которых удалось обеспечить жизненно необходимый запас еды. Как раз в ходе одной из таких экспедиций Смита захватил в плен Опечанканау, один из младших братьев Вахунсунакока, и Смит предстал перед великим вождем в Веровокомоко. Это был первый европеец, которого видел Вахунсунакок, и, согласно некоторым описаниям этого события, лишь вмешательство дочери вождя Покахонтас спасло Смиту жизнь во время этой встречи. Он был освобожден 2 января 1608 года и вернулся во все еще находившийся на грани голода Джеймстаун. Впрочем, с дефицитом продовольствия вскоре было покончено, потому что в тот же день вернулся из Англии Ньюпорт.

Колонисты Джеймстауна не извлекли уроков из этого первоначального опыта. В 1608 году они продолжили поиски золота и других драгоценных металлов. Они все еще не понимали, что ни торговли с местным населением, ни принуждения его к работе недостаточно, чтобы колония смогла выжить. Смит был первым, кто понял, что весьма успешная модель колонизации, которую создали Писарро и Кортес, попросту не работает в Северной Америке. Ее отличия от Южной были слишком фундаментальными. Смит выяснил, что у жителей Вирджинии, в отличие от инков и ацтеков, не было золота. В своем дневнике он запи-

сал: «Известно, что продовольствие – это все их богатство». Один из первых колонистов по имени Анас Тодкилл ясно выразил в своем подробном дневнике то чувство разочарования, которое испытали Смит и те из колонистов, до которых дошло, что все их надежды рухнули:

«Не было иной заботы, иной надежды, иного труда, иных разговоров, кроме как: где добыть золото, как очистить золото и как нагрузить этим золотом корабли».

Когда Ньюпорт снова отплыл в Англию в апреле 1608 года, он вез с собой груз халькопирита, «золотой обманки». В конце сентября он вернулся в Америку с приказом Вирджинской компании установить более жесткий контроль над местным населением. Компания хотела, чтобы Вахунсунакок был коронован, то есть стал королем и вассалом английского короля Джеймса I. Они пригласили вождя в Джеймстаун, но Вахунсунакок, все еще очень подозрительно относившийся к колонистам, не собирался рисковать тем, что попадет в плен. Джон Смит записал ответ Вахунсунакока:

«Если ваш король послал мне дары, значит, и я тоже король, и это моя земля... Пусть ваш вождь явится ко мне, а не я к нему, и тем более не в этот ваш форт: никогда я не попадусь на такую удочку».

И раз Вахунсунакок не захотел «попадаться на такую удочку», Ньюпорт и Смит вынуждены были сами отправиться в Веровокомоко, чтобы провести обряд коронации. Однако это предприятие обернулось полным фиаско и лишь утвердило Вахунсунакока в решимости избавиться от колонии, причем немедленно. Он запретил своим подданным торговать с англичанами, и Джеймстаун больше не мог покупать продовольствие. Вахунсунакок обрекал колонистов на голодную смерть.

В декабре 1608 года Ньюпорт снова отправился в Англию. С собой он вез письмо Смита, в котором тот умолял Вирджинскую компанию пересмотреть свое отношение к колонии. В Северной Америке нет ни единого шанса на быструю наживу по образцу Мексики и Перу, писал Смит. Тут нет ни золота, ни других драгоценных металлов, а местных жителей невозможно заставить работать и обеспечивать колонистов продовольствием. Смит понял: чтобы появился шанс создать жизнеспособную колонию, работать в ней должны сами колонисты. И он попросил директоров Вирджинской компании прислать подходящих специалистов:

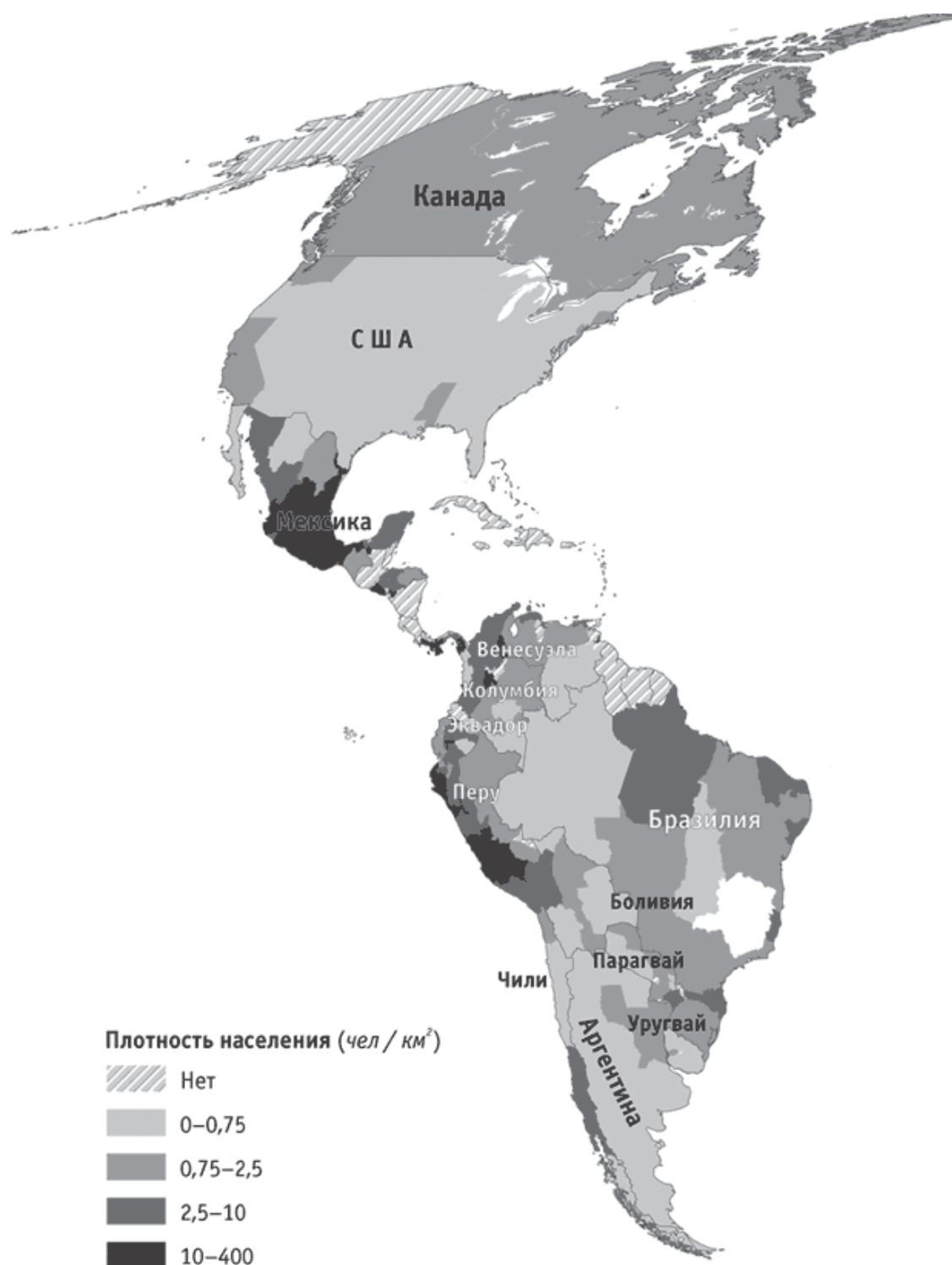
«Когда вы снова отправите сюда людей, я умоляю вас послать лучше три десятка хороших плотников, землепашцев, садовников, рыбаков, кузнецов, каменщиков, землекопов и корчевщиков деревьев, чем тысячу человек наподобие тех, что уже находятся здесь».

Смиту не хотелось снова получить из Англии бесполезных в Джеймстауне золотых дел мастеров. Находчивость Смита спасла колонию. Некоторые местные племена – кого лестью, а кого силой – ему удалось заставить торговать с колонистами. Когда же договориться не удавалось, он отнимал у индейцев все, что мог. В самой колонии Смит пользовался всей полнотой власти и установил правило: «кто не работает, тот не ест». Так Джеймстауну удалось пережить вторую зиму.

Вирджинская компания была создана в расчете на быстрое обогащение, но после двух катастрофических лет по-прежнему не видела даже намека на будущие прибыли. Директора компании решили, что нужна новая модель управления колонией, и вместо управляющего совета назначили в Джеймстаун губернатора. Первым губернатором колонии стал сэр Томас Гейтс.

Вняв некоторым из предупреждений Смита, компания решила испытать кое-какие новые подходы, тем более что события «голодной зимы» 1609–1610 годов отчаянно требо-

вали новых решений. Однако новая система управления не давала развернуться Смиуту, и осенью 1609-го он вернулся в Англию. Без его находчивости в поисках продовольствия и при том, что Вахунсунакок окончательно перекрыл поставки в Джеймстаун, колонисты оказались на грани голодной смерти. Из пятисот человек, числившихся в колонии в начале зимы, до марта дотянули только шестьдесят. Ситуация была столь отчаянной, что в Джеймстауне начался каннибализм.

Карта 2. Плотность населения Северной и Южной Америки в 1500 г.

«Новые подходы», которые предложили колонии губернатор Гейтс и его заместитель сэр Томас Дейл, заключались в строжайшем режиме принудительного труда для английских поселенцев – кроме, разумеется, элиты, которая управляла колонией. Именно Дейл ввел кодекс «Законов божественных, нравственных и военных» (*Lawes Divine, Morall and Martiall*). Они включали в том числе такие положения:

«Ни один мужчина и ни одна женщина не могут перебежать из колонии к индейцам, под страхом смерти.

Любой, кто ограбит огород, частный или общественный, а равно и виноградник, а также тот, кто крадет колосья пшеницы, карается смертной казнью.

Никто из жителей колонии не имеет право продавать или отдавать произведенные в ней товары капитану, матросу, штурману или моряку для вывоза из колонии с целью личной наживы, под страхом смерти».

Раз уж не получается эксплуатировать коренное население, рассуждали в Вирджинской компании, то, может быть, эксплуатировать самих колонистов? Новая модель развития колонии предполагала, что все ее земли будут закреплены за Вирджинской компанией. Работники были расселены по баракам и получали паек, размер которого также определялся компанией. Были сформированы рабочие бригады, каждая из которых отчитывалась перед агентом компании. Это было больше похоже на военное положение, тем более что практически любая провинность каралась смертной казнью. Среди перечисленных выше законов, которые теперь регулировали жизнь в колонии, особенно важным был первый: компания грозила смертью всем, кто попытается убежать. Учитывая новый режим работы, побег и жизнь среди местного населения казались все более привлекательными тем колонистам, которые обязаны были выходить на работы. Еще одним вариантом, если принять во внимание низкую плотность коренного населения Вирджинии того времени, был побег за границу территории, которую контролировала компания. Эти возможности, доступные колонистам, ограничивали власть Вирджинской компании над ними. Она не могла силой принудить всех английских поселенцев к тяжелой работе за минимальный паек.

Карта 2 показывает примерную плотность населения различных регионов обеих Америк ко времени испанского завоевания. Плотность населения на территории нынешних Соединенных Штатов, за пределами нескольких небольших районов, была не больше 3/4 человека на квадратную милю. В Центральной Мексике или Перуанских Андах плотность населения доходила до четырехсот человек на квадратную милю, то есть более чем в пятьсот раз выше. И то, что было возможно в Мексике и Перу, было невозможно в Вирджинии.

Вирджинской компании понадобилось время, чтобы осознать, что первоначальная модель колонизации провалилась в Северной Америке. Еще больше времени ей потребовалось, чтобы понять, что «Законы божественные, нравственные и военные» тоже не работают. И лишь начиная с 1618 года на смену им пришла совершенно новая стратегия. Поскольку силовое принуждение не сработало ни в отношении местного населения, ни в отношении самих поселенцев, пришлось создать стимулы для работы последних. В 1618 году компания утвердила «подушную систему», согласно которой каждый мужчина-поселенец получал по 50 акров земли плюс еще по столько же за каждого члена его семьи и за каждого слугу, которого семья могла привезти с собой в Вирджинию. Поселенцы получили в собственность свои дома и были освобождены от принудительного труда, а в 1619 году в колонии была учреждена Генеральная ассамблея, и каждый взрослый мужчина теперь мог участвовать в разработке законов и управлении колонией. Это событие положило начало демократии в Соединенных Штатах.

Потребовалось двенадцать лет, чтобы Вирджинская компания усвоила свой первый урок: то, что работало у испанцев в Мексике и Центральной и Южной Америке, не работает на севере. На протяжении XVII века компания пережила целый ряд трудностей – лишь ради того, чтобы усвоить второй урок: единственный способ построить жизнеспособную колонию – это дать колонистам стимулы усердно работать и инвестировать.

По мере развития Северной Америки англичане будут снова и снова пытаться последовать примеру испанцев и установить институты, которые жестко ограничивали бы экономические и политические права всех колонистов, за исключением самых привилегированных. Однако каждый раз эти планы будут проваливаться так же, как это произошло в Вирджинии.

Одна из самых амбициозных попыток в этом направлении была предпринята вскоре после изменения стратегии Вирджинской компании. В 1632 году английский король Карл I подарил десять миллионов акров земли на севере Чесапикского залива Сесилу Калверту, лорду Балтимору. Соответствующий документ, известный под названием Мэрилендская хартия (*The Charter of Maryland*), предоставлял лорду Балтимору полную свободу в выборе системы управления своими новыми землями. Раздел VII Хартии гласил, что лорд Балтимор

«для успешного управления сей Провинцией наделяется настоящим Указом полной и абсолютной властью над оной, включая установление и применение там любых законов, какие только он пожелает».

Лорд Балтимор разработал подробный план системы маноров,⁶ американскую версию идеализированной сельской Англии XVII века. План предписывал нарезку земли на участки размером в тысячу акров, хозяевами которых станут лорды. Лорды привлекут арендаторов – они и будут работать на земле и платить ренту привилегированной элите, контролирующей провинцию.

Еще одна подобная попытка имела место в 1663 году, когда была основана и пожалована восьми лордам-собственникам (включая сэра Энтони Эшли-Купера) колония Каролина. Эшли-Купер и его консультант, великий английский философ Джон Локк, составили документ под названием «Основополагающие установления Каролины» (*Fundamental Constitutions of Carolina*), который, как и более ранняя Мэрилендская хартия, рисовал идеал иерархического общества, находящегося под контролем землевладельческой элиты. Преамбула гласит:

«Управление сей провинцией следует привести в соответствие с установлениями нашей монархии, частью коей эта провинция является; и нам следует избегать построения многолюдной демократии».

Положения «Основополагающих установлений» утверждали жесткую социальную иерархию. В самом низу общества располагались литмены (*leet-men*),⁷ причем статья 23 уточняла, что «все дети литменов должны оставаться литменами, и так во всех поколениях». Выше литменов, которые не обладали никакими политическими правами, располагались ландграфы (*landgraves*) и касики (*caziques*),⁸ которым предстояло сформировать местную аристократию. Ландграфы должны были получить по сорок восемь тысяч акров земли каж-

---

⁶ Манор (*manor*) – феодальное поместье в средневековой Англии, в состав которого входили в том числе и надельные зависимые от феодала крестьяне. Манориальное хозяйство было основано в первую очередь на барщине и других повинностях крестьян. Владелец манора также имел судебную юрисдикцию над ними.

⁷ Досл. «подсудные», «относящиеся к судебной юрисдикции [данного] феодала» – от устар. англ. *leet* – «сеньориальный суд».

⁸ *Kásik* (исп. *Cacique* или *Cazique*) – «вождь» на языке индейцев араваков, коренного населения Антильских островов, первыми из жителей Нового Света вступивших в контакт с европейцами. Испанцы (а за ними и другие колонизаторы) стали обозначать этим словом всех индейских правителей, а со временем так стали называться некоторые должности в колониальных администрациях.

дый. Предполагалось также создание парламента, в котором будут представлены ландграфы и касики, но он имел бы полномочия обсуждать только те меры, которые были заранее одобрены восемью лордами-собственниками.

Однако попытка установить эти драконовские законы в Мэриленде и Каролине провалилась, так же как ранее провалилась подобная попытка в Вирджинии. Похожими оказались и причины неудачи: во всех трех случаях оказалось невозможным загнать поселенцев в жесткие рамки иерархического общества просто потому, что у них было слишком много иных возможностей в Новом Свете. Наоборот, приходилось создавать стимулы для их усердной работы в определенной колонии. И вскоре колонисты начали требовать еще большей экономической свободы и более широких политических прав. Теперь и в Мэриленде поселенцы настояли на получении земли в собственность и заставили лорда Балтимора учредить ассамблею. В 1691 году эта ассамблея вынудила короля провозгласить Мэриленд коронной колонией (*crown colony*)⁹ и тем самым уничтожить политические привилегии, которыми обладали Балтимор и его лорды-собственники. Столь же затяжная схватка определила в конце концов судьбу Северной и Южной Каролины, и опять лорды-собственники проиграли. Обе Каролины стали коронными колониями в 1729 году.

К 1720-м годам все колонии, которые впоследствии составят Соединенные Штаты, имели схожие формы государственного устройства. Во всех были губернаторы и ассамблеи, основанные на представительстве всех мужчин, владевших какой-либо собственностью. Это отнюдь не было демократией; женщины, рабы и колонисты, у которых не было собственности, не могли голосовать в ассамблее. Однако политических прав у колонистов было гораздо больше, чем в большинстве государств того времени. Именно эти ассамблеи и их лидеры объединились, чтобы провести в 1774 году Первый Континентальный конгресс, ставший прелюдией к провозглашению независимости США. Ассамблеи считали, что имеют право определять принципы собственного формирования и самостоятельно устанавливать налоги. Это, как мы знаем, повлекло большие проблемы для английских колониальных властей.

---

⁹ То есть управляющейся не частным лицом, а губернатором, которого в то время назначал король.

Повесть о двух конституциях

Из вышеизложенного уже ясно, что неслучайно именно Соединенные Штаты, а не Мексика, построили свое развитие на основополагающих документах, которые декларировали принципы демократии, ограничивали возможности правительства и оставляли больше властных рычагов в распоряжении гражданского общества. Документ, который делегаты штатов в мае 1787-го собрались написать в Филадельфии, был итогом длительного процесса, начало которому было положено созданием Генеральной ассамблеи в Джеймстауне в 1619 году.

Процесс, начавшийся после принятия конституции Соединенных Штатов вскоре после обретения ими независимости, и тот же процесс в Мексике, начавшийся чуть позже, также представляют собой разительный контраст. В феврале 1808 года войска Наполеона вторглись в Испанию. К маю они взяли столицу страны Мадрид. К сентябрю испанский король Фердинанд отрекся от престола, борьбу против французов возглавила Верховная центральная хунта (*Junta Suprema Central*). Хунта начала свою работу в городе Аранхуэс, но ввиду приближающейся французской армии вынуждена была переместиться на юг. В конце концов члены хунты обосновались в портовом городе Кадис, который также был осажден французами, но устоял. Здесь хунта учредила парламент – кортесы. В 1812 году кортесы приняли конституцию, впоследствии получившую название Кадисская, которая провозгласила Испанию конституционной монархией, основанной на принципах народовластия. Конституция также декларировала отмену привилегий и утверждала равенство всех граждан перед законом. Эти требования были неслыханными для элит Южной Америки, которые все еще жили в мире энкомьенды, принудительного труда и абсолютного всевластия колониальной администрации.

Коллапс испанского государства в результате вторжения Наполеона породил кризис власти в латиноамериканских колониях Испании. Начались активные дискуссии о том, следует ли признавать власть Центральной хунты, в колониях стали формироваться собственные хунты. Осознание того факта, что независимость от Испании вполне может стать реальностью, было только вопросом времени. Первая декларация о независимости была провозглашена в 1809 году в Боливии, в городе Ла-Пас, однако прибывший из Перу испанский экспедиционный корпус быстро вернул страну под власть Испании.

В Мексике политические предпочтения элиты начали меняться после так называемого восстания Идальго (1810), во главе которого стоял священник Мигель Идальго. Когда повстанцы 23 сентября захватили город Гуанахуато, они убили местного интенданта – высокопоставленного представителя колониальной администрации, после чего начали убивать уже всех белых людей подряд. Это было больше похоже на классовую борьбу или даже этническую резню, чем на движение за независимость, поэтому все мексиканские элиты объединились против восставших. Независимость, которая, как выяснилось, предполагает участие народных масс в политике, пугала теперь не только испанцев, но и местную элиту. В результате Кадисская конституция, которая открывала дорогу для политической эмансипации народа, была воспринята мексиканскими элитами с большим скептицизмом – они бы никогда не согласились признать ее легитимность.

В 1815 году, после краха наполеоновской империи, король Фердинанд VII был возвращен на престол, а Кадисская конституция отменена. Когда испанская корона начала возвращать себе контроль над американскими колониями, она не встретила трудностей в лоялистской Мексике. Однако в 1820 году испанский корпус, готовившийся в порту Кадис к отправке в Новый Свет, где он должен был продолжить восстановление испанского влады-

чества, поднял бунт против короля. Вскоре к бунтовщикам присоединились военные части по всей Испании, и Фердинанд VII был вынужден восстановить Кадисскую конституцию и снова созвать кортесы.

Новый парламент оказался еще радикальнее того, что принял конституцию 1812 года, и предложил отменить все формы принудительного труда. Кортесы также выступили за отмену привилегий, например неподсудность военных гражданскому суду. Столкнувшись с необходимостью принять эти положения в Мексике, местные элиты решили, что лучше пойдут своим собственным путем, и провозгласили независимость.

Движением за независимость руководил бывший офицер испанской армии Агустин де Итурбиде. 24 февраля 1821 года он обнародовал так называемый «план Игуалы» – собственное видение будущего независимой Мексики. План предполагал установление конституционной монархии во главе с императором и отменял те положения Кадисской конституции, которые мексиканская элита считала угрожающими ее привилегиям и статусу. План получил немедленную поддержку, и Испания быстро поняла, что не сможет остановить неизбежное. Но Итурбиде не просто организовал отделение Мексики от Испанской империи. Правильно оценив возникший вакуум власти, он при поддержке военных провозгласил себя императором Мексики – императором, как выразился великий лидер южноамериканской борьбы за независимость Симон Боливар, «милостью Бога и штыка».

Итурбиде не был скован политическими институтами, какие ограничивают власть президентов США; он быстро сделался диктатором и к октябрю 1822 года разогнал созданный в соответствии с конституцией конгресс, заменив его хунтой, составленной из его собственных назначенцев. Хотя Итурбиде недолго продержался у власти, подобная последовательность событий повторялась в истории Мексики XIX века еще много раз.

С точки зрения современных стандартов конституция США тоже не устанавливала полную демократию. Каждый штат имел право по своему усмотрению решать, кто из его жителей может голосовать на выборах. В то время как северные штаты быстро признали такое право за всеми белыми мужчинами вне зависимости от уровня их дохода и размеров собственности, южные штаты шли к этой норме весьма неспешно. Ни один штат не предоставил избирательное право женщинам и рабам, и одновременно с отменой ценза по доходу и собственности для белых мужчин было запрещено участие в выборах всем черным мужчинам. Когда Филадельфийский конвент принимал конституцию, рабство, как известно, также было признано конституционным, и самая грязная борьба разыгралась как раз вокруг распределения мест между штатами в палате представителей. Места должны были быть распределены пропорционально населению штатов, однако представители южных штатов потребовали при этих подсчетах учитывать численность рабов. Северные штаты выступили с протестом. Было найдено компромиссное решение: раб учитывается как 3/5 свободного человека.

Конфликты между Севером и Югом в ходе принятия Конституции и в дальнейшем сдерживались разнообразными компромиссами вроде «правила трех пятых». Со временем появлялись и новые «заплатки», например Миссурийский компромисс, согласно которому при принятии в состав США новых членов надлежало всегда принимать одновременно один рабовладельческий и один нерабовладельческий штат, чтобы обеспечить баланс между сторонниками и противниками рабства в Сенате США. Эти всегда наспех состряпанные «заплатки» все же позволяли политическим институтам США работать в относительно мирной обстановке до тех пор, пока гражданская война наконец не разрешила противоречия в пользу Севера.

Гражданская война в США была кровавой и разрушительной. Но и до, и после нее значительная доля населения Соединенных Штатов, особенно на севере и на западе страны,

пользовалась грандиозными возможностями для развития собственного бизнеса и повышения своих доходов. Ситуация в Мексике была совсем иной. Если США пришлось пережить лишь пять лет политической нестабильности в 1860–1865 годах, то Мексика жила в состоянии постоянной нестабильности в течение первых пятидесяти лет своей государственной независимости. Степень этой нестабильности хорошо иллюстрирует карьера Антонио Лопеса де Санта-Анны.

Санта-Анна, сын чиновника колониальной администрации в Веракрусе, прославился как офицер испанской армии в боях со сторонниками независимости колоний. Однако в 1821 году он перешел на сторону Итурбиде и уже никогда не оглядывался назад. В мае 1833-го он впервые стал президентом Мексики, но исполнял свои обязанности только в течение месяца, после чего предпочел передать их Валентину Гомесу Фариасу. Впрочем, президентство последнего продолжалось всего лишь 15 дней, после чего Санта-Анна вернул себе власть. Однако и в этот раз он продержался не дольше, и в начале июля его снова сменил Гомес Фариас.

Санта-Анна и Гомес Фариас продолжали этот своеобразный «танец» до середины 1835 года, когда Санта-Анну сменил Мигель Барраган. Но Антонио Лопес де Санта-Анна не сдался: он возвращался на пост президента в 1839, 1841, 1844, 1847 и, наконец, в 1853–1855 годах. Всего он был президентом 11 раз, и за время его правления Мексика потеряла Аламо и Техас и проиграла катастрофическую американо-мексиканскую войну, лишившись в результате территорий, которые позже станут американскими штатами Аризона и Нью-Мексико. Между 1824 и 1867 годами в Мексике сменилось 52 президента, и лишь немногие из них пришли к власти в соответствии с регламентом конституции.

Последствия такой беспрецедентной политической нестабильности для экономических институтов и стимулов очевидны. Прежде всего, нестабильность привела к тому, что права собственности оказались не защищены. Она также вызвала значительное ослабление мексиканского правительства, которое почти утратило способность собирать налоги и предоставлять общественные услуги. Пусть Санта-Анна и был президентом Мексики, но он не контролировал обширные территории собственной страны, что позволило США аннексировать Техас. Кроме того, как мы уже убедились, мексиканская декларация о независимости была принята, чтобы защитить экономические институты, сформированные в колониальный период, – те самые институты, которые, по словам великого немецкого географа и исследователя Латинской Америки Александра фон Гумбольдта, превратили Мексику в «страну неравенства». Эти институты, закрепив эксплуатацию коренного населения как основу экономики и всего общества, заблокировали стимулы, которые бы побуждали граждан проявлять инициативу. И в те же самые годы, когда в США пришла промышленная революция, Мексика начала беднеть.

Разработать идею, открыть бизнес, получить кредит

Промышленная революция началась в Англии. Ее первым успехом был полный переворот в технологии производства хлопковых тканей с помощью станков, которые приводились в движение водяным колесом, а позже – паровой машиной. Механизация резко повысила производительность труда рабочих сначала в текстильной, а затем и в других отраслях промышленности. Драйвером технологических преобразований во всех отраслях экономики были инновации, продвигаемые предпринимателями нового поколения, жаждавшими применить на практике свои идеи. Этот расцвет, начавшись в Англии, вскоре перекинулся через океан, в Соединенные Штаты. Люди увидели огромные экономические возможности, которые открывало использование новых технологий, появившихся в Англии. А заимствования из Англии вдохновляли американцев на новые, собственные, изобретения.

Мы можем лучше понять природу этих инноваций, разобравшись в том, кто и как получал патенты на изобретения. Патентная система, защищавшая право интеллектуальной собственности, была формализована в Статуте о монополиях, который был принят английским парламентом в 1623 году и частично направлен на то, чтобы ограничить право короля выдавать жалованные патентные грамоты (*letters patent*) любому, кому он пожелает. Таким образом, исключительное право на тот или иной вид деятельности предоставлялось единственному лицу по произволу монарха.

Зная это, мы будем поражены, что в США патенты получали люди самого разнообразного происхождения и общественного положения, а не только представители богатой элиты. Многие сделали состояния с помощью своих патентов. Возьмите, например, Томаса Эдисона, изобретателя звукозаписи и первой практически применимой электрической лампы накаливания, основателя компании *General Electric*, которая сейчас является одной из крупнейших корпораций в мире. Эдисон был младшим из семерых детей. Его отец, Сэмюел Эдисон, сменил множество профессий – от кровельщика, обшивавшего крыши гонтом, до хозяина таверны. Томас почти не ходил в школу, однако получил домашнее образование: его учила мать.

В 1820–1845 годах только 19 % новых получателей патентов были детьми образованных специалистов или происходили из семей крупных землевладельцев. 40 % новых держателей патентов окончили лишь начальную школу или вообще не имели никакого формального образования, как Эдисон. Более того, многие из них, как тот же Эдисон, использовали свои патенты, чтобы основать собственное дело. В той же степени, в которой Соединенные Штаты были более демократическими, чем другие страны, в политическом смысле, они были и наиболее открытыми с точки зрения возможностей изобретателей. Это сыграло решающую роль в том, что эта страна со временем стала самой инновационной экономикой мира.

Однако если вам пришла в голову отличная идея, но вы бедны, то одно дело было получить патент – в конце концов, он не так дорого стоил, – и совсем другое – использовать его, чтобы заработать. Один из способов найти начальный капитал – это продать свой патент. Именно так и поступил Эдисон: за 10 000 долларов он продал компании *Western Union* патент на квадруплексный телеграф. Но продажа патента – хороший способ получить деньги только при том условии, что вы, подобно Эдисону, генерируете новые идеи быстрее, чем могли бы их реализовать самостоятельно (Эдисон получил рекордные 1093 патента в США и еще 1500 в других странах мира). Самым же реалистичным способом извлечь выгоду из своего изобретения было открытие собственного бизнеса. Но чтобы начать дело, нужны деньги, а чтобы получить деньги, нужен банк, который даст их вам в долг.

Изобретателям США и здесь повезло. В течение XIX века в Соединенных Штатах активно развивались финансовый сектор и банковское кредитование, что стало катализатором быстрого экономического роста и индустриализации. Если в 1818 году в США было 338 банков с совокупными активами в 160 миллионов долларов, то к 1914 году банков стало 27 864, а их активы выросли до 27,3 млрд. Американские изобретатели имели легкий доступ к капиталу для открытия собственного бизнеса. Более того, интенсивная конкуренция между банками и другими финансовыми учреждениями обеспечивала доступ к кредиту под достаточно низкие проценты.

Совсем другой была ситуация в Мексике. В 1910 году, когда началась Мексиканская революция, в стране было только 42 банка, при этом два из них контролировали 60 % активов всей банковской системы. В отличие от США, где конкуренция была по-настоящему острой, в Мексике банки практически не конкурировали между собой. Отсутствие конкуренции позволяло банкам взимать очень высокие проценты за кредит, и обычно это приводило к тому, что его могли получить только привилегированные, состоятельные клиенты, которые затем использовали свой беспрепятственный доступ к кредиту для того, чтобы консолидировать свое влияние в различных секторах экономики.

Форма, которую приобрела мексиканская банковская система в XIX и XX веках, была прямым следствием работы политических институтов, сформировавшихся в стране после обретения ею независимости. За хаосом времен президента Санта-Анны последовала неудачная попытка французского императора Наполеона III установить в стране колониальный режим под управлением своего ставленника императора Максимилиана (1864–1867). В конце концов французов изгнали, была написана новая конституция, однако правительству, которое возглавил сначала Бенито Хуарес, а после его смерти – Себастьян Лердо де Техада, вскоре бросил вызов молодой военный Порфирио Диас. Диас был победоносным генералом, участником войны с Францией, у которого теперь появились политические амбиции. Он собрал армию мятежников и в ноябре 1876 года разбил правительственные войска в битве при Текоаке. В мае следующего года он был избран президентом. Порфирио Диас правил Мексикой практически непрерывно и во все более авторитарном стиле до тех пор, пока не был свергнут в ходе начинавшейся революции тридцать четыре года спустя.

Так же как и его предшественники Итурбиде и Санта-Анна, он начал свою карьеру армейским офицером. Подобные карьеры, разумеется, известны и в США. Первый президент США Джордж Вашингтон был победоносным генералом во время Войны за независимость. Улисс Грант, один из известнейших военачальников армии северян во время гражданской войны, стал президентом в 1869 году. Дуайт Эйзенхауэр, верховный главнокомандующий объединенными силами антигитлеровской коалиции в Европе, занимал пост президента США в 1953–1961 годах. Однако в отличие от Итурбиде, Санта-Анны и Диаса, никто из них троих не использовал военную силу для того, чтобы самому прийти к власти. Более того, они не использовали военную силу и для того, чтобы избежать передачи власти следующему президенту. Они соблюдали Конституцию. И хотя в Мексике XIX века тоже действовали конституции, они мало ограничивали действия Итурбиде, Санта-Анны и Диаса. Эти трое могли быть отстранены от власти только тем же способом, которым они ее взяли, – военной силой.

Президент Порфирио Диас нарушал права собственности, экспроприировал большие участки земли, раздавал монополии и оказывал другие услуги своим сторонникам, имевшимся во всех отраслях экономики, включая банковскую сферу. В таком поведении не было ничего нового: это именно то, что делали испанские конкистадоры и следовавший их примеру Санта-Анна.

Причина того, что в Соединенных Штатах банковская система гораздо больше способствовала экономическому процветанию, чем в Мексике, никак не связана с разницей в

мотивации банкиров. Погоня за прибылью, которая способствовала монополизации банковской системы Испании, имела место и в США. Но жажда наживы в США была направлена в другое русло экономическими институтами, с которыми сталкивались американские банкиры и которые поддерживали острую конкуренцию между участниками рынка. А это положение дел, в свою очередь, было следствием принципиально отличных от мексиканской ситуации стимулов, которые американские политические институты создавали для политиков. На самом деле в конце XVIII века, когда вскоре после принятия конституции в США стала складываться банковская система, она была очень похожа на ту, что со временем утвердится в Мексике. Политики пытались учредить банковские монополии в каждом штате и передать их в руки друзей и сторонников в обмен на долю в монопольной прибыли. Банки быстро начали ссужать деньги политикам, которые отвечали за регулирование банковской системы, – все точно так же, как Мексике. Однако в США такая ситуация не могла продолжаться долго, поскольку политики, которые пытались создать банковские монополии, должны были участвовать в выборах и перевыборах. Монополизация банковской системы с последующим предоставлением кредитов политикам, которые ее защищают, – отличный бизнес, но только до тех пор, пока это сходит политикам с рук. Для обычных же граждан такая ситуация совсем не выгодна. В отличие от Мексики, граждане США могут держать политиков под контролем и избавляться от тех из них, кто использует служебное положение для личного обогащения или передачи монополий своим ближайшим друзьям. Широкие, особенно если сравнить с Мексикой, политические права граждан США гарантировали им равный доступ к кредиту. А это, в свою очередь, обеспечило возможность изобретателям и инноваторам зарабатывать на своих идеях.

Не сходя с привычной колеи

В 1870-е–1880-е годы мир быстро менялся, и Латинская Америка не была исключением. Институты, которые создал Порфирио Диас, не были точно такими же, как те, что были создан Санта-Анной или испанской колониальной администрацией. Мировая экономика во второй половине XIX века переживала бум, а новые изобретения в сфере транспорта, такие как пароходы и железные дороги, привели к колоссальному росту объема мировой торговли. Эта волна глобализации привела к тому, что богатые ресурсами страны, такие как Мексика, – или, если быть точным, элиты этих стран – могли обогатиться за счет экспорта сырья и полезных ископаемых в Северную Америку и Западную Европу, которые как раз проходили новый этап индустриализации. В результате Диас и его окружение однажды обнаружили, что мир вокруг быстро меняется, и поняли, что придется меняться и Мексике. Но для них это совсем не означало, что следует избавиться от колониальных институтов и заменить их на какую-то вариацию американских. Напротив, реформы в Мексике были изменениями, так сказать, «не сходя с привычной колеи» (*path-dependent changes*) и привели к утверждению новой инкарнации тех же институтов, которые сделали большую часть Латинской Америки бедной и страдающей от высокого уровня неравенства.

Глобализация сделала огромные незанятые пространства обеих Америк вдоль линии фронта ценным ресурсом. Зачастую, конечно, эти «свободные» пространства были незанятыми только на карте, на самом же деле они были заселены коренными жителями, которые изгонялись с большой жестокостью. Тем не менее схватка за этот новый и ценный ресурс стала во многом определяющей в судьбе обеих Америк второй половины XIX века. Однако эти новые возможности не привели к одному и тому же результату в Соединенных Штатах и Латинской Америке, а, наоборот, усилили дивергенцию, вызванную уже существовавшими на тот момент институциональными различиями, особенно в вопросе о праве владения землей. В США длинная серия законодательных актов – начиная с Ордонанса о земле, принятого в 1785 году, и вплоть до Закона о гомстедах (1862) – обеспечила гражданам широкий доступ к землям на фронтире. За исключением вытесненных коренных жителей, остальные американцы пользовались равными правами доступа к земле, что обеспечило быстрое экономическое развитие территории. В большинстве же латиноамериканских стран политические институты привели к совершенно другому результату. Земли фронта были распределены между теми, кто обладал политическим влиянием или богатством и нужными связями, что привело к дальнейшему их обогащению и росту влияния.

Президент Диас также приступил к упразднению мешающих международной торговле колониальных институтов – он ожидал, что это даст ему и его сторонникам невиданные возможности обогащения. Однако его модель развития была совсем не такой, какую он наблюдал к северу от Рио-Гранде; его политика наследовала Кортесу, Писарро и Толедо и предполагала, что огромные прибыли будет получать элита, в то время как остальное население будет отрезано от выгод, которые сулит экономический бум. Когда инвестиции делает только элита, экономика немного вырастает, но такой экономический рост всегда обогащает только элиту и разочаровывает большинство населения. К тому же этот рост происходит за счет тех, кто лишен прав, например племени яки, живущего в штате Сонора неподалеку от Ногалеса. В 1900–1910 годах до 30 000 яки были депортированы, по существу, превращены в рабов и отправлены на плантации генекена на Юкатане (волокна генекена были ценным продуктом экспорта, поскольку из них делались веревки и канаты).

Живучесть институтов, которые привели Мексику и всю Латинскую Америку к экономической стагнации, ярко иллюстрируется тем, что так же, как и в XIX столетии, в XX веке они порождали очень вялую экономическую динамику, политическую нестабильность,

гражданские войны и перевороты, ставшие следствием борьбы различных групп влияния за власть. Мексиканская революция 1910 года свергла Диаса. В течение XX столетия последовали революции в Боливии (1952), на Кубе (1959) и в Никарагуа (1979), продолжительные гражданские войны развернулись в Колумбии, Сальвадоре, Гватемале и Перу. Земельные реформы (или попытки их проведения) в Боливии, Бразилии, Чили, Колумбии, Гватемале, Перу и Венесуэле зачастую включали экспроприацию земли и капитала (или как минимум угрозу экспроприации). Вместе с революциями, экспроприациями и политической нестабильностью пришли военные хунты и разнообразные варианты диктатуры. И хотя в течение XX столетия наметился постепенный тренд в сторону предоставления гражданам более широких политических прав, только к 1990-м годам большинство стран Латинской Америки стали, наконец, демократическими – но даже при этом так и не смогли вырваться из трясины нестабильности.

Эта нестабильность сопровождалась массовыми репрессиями и убийствами. Национальная комиссия по установлению истины и примирению, созданная в Чили в 1990 году, выяснила, что за время правления Аугусто Пиночета (1973–1990) в стране было убито по политическим причинам 2279 человек, до пятидесяти тысяч были посажены в тюрьму, подвергались пыткам; сотни тысяч были изгнаны с работы. Комиссия по историческому выяснению нарушений прав человека и актов насилия, принесших страдания народу Гватемалы, в своем докладе 1999 года смогла идентифицировать имена 42 275 жертв, но многие утверждают, что всего в 1962–1996 годах в Гватемале были убиты до 200 000 человек, причем 70 000 из них в период правления генерала Хосе Эфраина Риоса Монтта.¹⁰ Генерал остался абсолютно безнаказанным и в 2003 году даже смог выставить свою кандидатуру на президентских выборах; к счастью, он проиграл их. Национальная комиссия по исчезновению людей в Аргентине смогла установить, что около 9000 человек были убиты военными в 1976–1983 годах, хотя подчеркнула, что подлинная цифра может быть еще больше (оценки правозащитников ближе к 30 000).

---

¹⁰ То есть в течение всего 15 месяцев, с марта 1982 года до августа 1983-го. – *Прим. перев.*

Как заработать миллиард-другой

Долгосрочное наследие колониального общества и сформированных в нем институтов продолжает определять различия между США и Мексикой, а значит, и между двумя частями Ногалеса. Эти различия наглядно демонстрируют два разных пути, которые прошли американец Билл Гейтс и мексиканец Карлос Слим, чтобы стать двумя самыми богатыми людьми в мире – Уоррен Баффет остается третьим претендентом.¹¹ История успеха Гейтса и *Microsoft* широко известны, однако статус Гейтса как самого богатого человека в мире и основателя одной из самых инновационных компаний современности не помешали Министерству юстиции США 8 мая 1998 года вчинить корпорации *Microsoft* иск о злоупотреблении монопольным положением. Конкретным поводом было обязательное включение браузера *Internet Explorer*, разработанного *Microsoft*, в основную поставку ее же операционной системы *Windows*.

Правительство следило за действиями Гейтса уже долгое время, и еще в 1991 году Федеральная торговая комиссия начала расследование предполагаемых нарушений *Microsoft* антимонопольного законодательства на рынке компьютеров PC. В ноябре 2001 года корпорация заключила с Министерством юстиции сделку. *Microsoft* пришлось пойти на серьезные уступки, тем не менее многие наблюдатели сочли их недостаточными.

Мексиканец Карлос Слим заработал деньги не на собственных изобретениях. Изначально он преуспел в сделках на фондовом рынке и в покупке и последующей реструктуризации убыточных предприятий. Его главной удачей стало приобретение телекоммуникационной монополии *Telmex*, которую в 1990 году приватизировал президент Карлос Салинас. В сентябре 1989-го правительство объявило, что желает продать 51 % голосующих акций компании (20,4 % всех акций); торги состоялись в ноябре следующего года. Хотя цена, которую предложил Слим, была не самой высокой среди заявок на конкурсе, консорциум во главе с его флагманской компанией *Grupo Carso* выиграл торги. Более того, Слиму удалось договориться об отсрочке оплаты и использовать дивиденды на эти самые, только что полученные им акции *Telmex*, чтобы заплатить правительству. То, что раньше было государственной монополией, стало теперь частной монополией Слима – и весьма прибыльной монополией.

Экономические институты, которые сделали Карлоса Слива богатейшим человеком своей страны, совсем не похожи на экономические институты Соединенных Штатов. Для мексиканского бизнесмена барьеры для входа на рынок играют ключевую роль на каждом этапе его карьеры. Среди таких барьеров – дорогие лицензии, которые нужно получить, чтобы начать работать, бюрократическая волокита, политики и уже раскрутившиеся конкуренты и, наконец, трудности с получением финансирования, поскольку банки находятся в сговоре с уже действующими на рынке игроками, которым не нужны новые соперники. Эти барьеры в зависимости от обстоятельств могут быть непреодолимым препятствием, а могут – отличной защитой, которая не оставит шансов вашим потенциальным конкурентам. Чем они окажутся для вас, определяется тем, кого вы знаете, на кого вы можете повлиять – и да, кого вы можете подкупить. Карлос Слим, талантливый и амбициозный бизнесмен, выходец из среднего класса, потомок ливанских эмигрантов, стал настоящим виртуозом получения эксклюзивных контрактов; он смог монополизировать прибыльный телекоммуникационный рынок Мексики, а затем расширил свое влияние на всю Латинскую Америку.

Принадлежащей Слиму монополии *Telmex* приходилось сталкиваться с конкуренцией, но соперникам Слива не сопутствовал успех. В 1996 году компания *Avantel*, поставщик международной и междугородной телефонной связи, обратилась в мексиканскую Комис-

---

¹¹ Данные на момент написания книги.

сию по конкуренции с просьбой проверить, не является ли *Telmex* доминирующим игроком на рынке. В 1997 году Комиссия объявила, что *Telmex* действительно пользуется монопольным положением (среди прочего) на рынке локальной, междугородной и международной телефонной связи. Но попытки регулирующих ведомств Мексики ограничить монополию ни к чему не привели. Первая причина состоит в том, что Слим и *Telmex* могут прибегнуть к так называемому ходатайству об ампаро (*recurso de amparo*). Термин «ампаро» (букв. «защита, покровительство») обозначает особое судебное решение, которое указывает, что тот или иной закон не должен применяться конкретно в вашем случае. Идея ампаро восходит к мексиканской конституции 1857 году, и изначально эта процедура была призвана защищать личные права и свободы. Однако в руках *Telmex* и других мексиканских монополий ходатайство об ампаро стало инструментом, еще больше укрепляющим их монопольное положение. Вместо того чтобы защищать права человека, ампаро становится лазейкой в принципе равенства всех перед законом.

Слиму удалось сколотить свое состояние во многом благодаря своим политическим связям в Мексике. Когда он решился войти на американский рынок, он потерпел неудачу. В 1999 году его *Grupo Carso* купила компьютерного ритейлера *CompUSA*. В это время у *CompUSA* действовало соглашение о франшизе с мексиканской компанией *COC Services*, которая продавала товары франчайзера в Мексике. Слим немедленно нарушил это соглашение, чтобы открыть свою собственную сеть магазинов в Мексике и не опасаться конкуренции со стороны *COC Services*. Однако *COC* подала на *CompUSA* в суд Далласа. В Далласе ампаро не действует, Слим проиграл и вынужден был выплатить штраф в 454 миллиона долларов. Как сказал после процесса адвокат, представлявший интересы *COC*, «значение этого вердикта в том, что в современной глобальной экономике компании должны уважать законы США, если они потом хотят работать в этой стране». Когда Слим столкнулся с институтами, существующими в США, и вынужден был действовать, не нарушая предписанных этими институтами правил, его проверенные способы делать деньги перестали работать.

Подходы к теории мирового неравенства

Мы живем в мире, полном неравенства. Различия между разными странами напоминают различия между двумя частями Ногалеса, только в большем масштабе. В богатых странах граждане имеют лучшее здоровье и образование и живут дольше. У них также есть доступ к целому ряду услуг и возможностей – от отпусков до карьерных перспектив, – о которых жители бедных стран могут только мечтать. Жители богатых стран ездят по хорошим дорогам без выбоин, и дома у них есть электричество, канализация и водопровод. Обычно правительства таких стран не арестовывают своих граждан и не угрожают им по собственному произволу; наоборот, государство предоставляет услуги, такие как образование, здравоохранение, поддержание дорог, охрана закона и порядка. Важно и то, что граждане голосуют на выборах и имеют право голоса в решениях о том, в каком направлении пойдет политика их страны.

Контрасты мирового неравенства видны любому, даже жителям бедных стран, у многих из которых нет телевизора или интернета. Восприятие этих контрастов наряду, собственно, с самим неравенством – вот что заставляет людей нелегально форсировать Рио-Гранде или переплывать Средиземное море: они хотят достичь высоких стандартов жизни и использовать возможности, открывающиеся в богатых странах. Это неравенство не только имеет прямые следствия для жизни граждан бедных стран; оно также порождает недовольство и возмущение, имеющее большие политические последствия для США и для всех стран мира. Объяснить, почему такие различия существуют и откуда они взялись, и есть задача нашей книги. Но это объяснение важно не только само по себе, но и в качестве первого шага на пути к пониманию того, как улучшить жизнь миллиардов людей, которые все еще живут в бедности.

Неравенство между двумя частями Ногалеса – лишь вершина айсберга. Так же как и все остальные жители Северной Мексики, которая активно участвует в выгодной (даже если и не всегда законной) торговле с Соединенными Штатами, жители Ногалеса, штат Сонора, живут гораздо богаче остальных мексиканцев, чей средний доход на семью не превышает 5000 долларов в год. Основа относительного процветания Ногалеса – макиладоры (*maquiladoras*).¹² Первое такое предприятие основал Ричард Кэмпбелл-младший, калифорнийский производитель корзин. Первым арендатором стала компания *Coin-Art*, производитель музыкальных инструментов, принадлежавшая Ричарду Боссе, еще одна фирма которого, *Artley*, изготавливала флейты и саксофоны по другую сторону стены, в американском Ногалесе. За *Coin-Art* последовали *Memorex* (компьютерные кабели), *Avent* (медицинские халаты), *Grant* (солнечные очки), *Chamberlain* (системы дистанционного подъема гаражных дверей для торговой сети *Sears*) и *Samsonite* (чемоданы). Обратите внимание, что все это американские компании и американские бизнесмены, использующие американский капитал и ноу-хау. Относительное (на фоне остальной Мексики) процветание Соноры, таким образом, приходит извне.

Однако по мировым меркам различия между Мексикой и США совсем невелики. Средний гражданин США «всего» в семь раз богаче среднего мексиканца и в десять – среднего жителя Перу или Центральной Америки. Но он (или она) в двадцать раз богаче среднего жителя тропической Африки и в сорок раз богаче жителей беднейших стран Африки, таких как Мали, Эфиопия или Сьерра-Леоне. И это касается не только жителей США. Благосостояние жителей небольшой – но растущей – группы богатых стран, сначала Европы и Северной

---

¹² Сборочные предприятия, расположенные недалеко от границы США и изготавливающие из американских компонентов различные товары, которые затем реэкспортируются обратно в Штаты.

Америки, но затем также Австралии, Японии, Сингапура, Южной Кореи и Тайваня, очень сильно отличается от положения жителей остального мира.

Причина того, что Ногалес, штат Сонора, гораздо богаче, чем Ногалес, штат Аризона, проста: совершенно разные институты по обе стороны границы создают совершенно разные стимулы для граждан. Соединенные Штаты гораздо богаче Мексики или Перу благодаря стимулам, которые их институты, и политические, и экономические, создают для граждан, бизнесменов и политиков. Каждое общество живет по экономическим и политическим правилам, которые поддерживаются государством и – коллективно – всеми гражданами. Экономические институты определяют экономические стимулы: для получения образования, для инвестиций, для придумывания и внедрения инноваций и так далее. Выработка экономических институтов и правил происходит в ходе политического процесса, особенности которого, в свою очередь, зависят от институтов политических. Например, от политических институтов зависит, могут ли граждане контролировать политиков и влиять на принимаемые ими решения. Иначе говоря, будут ли политики (пусть и с оговорками) действовать в интересах и по поручению граждан, или они смогут использовать власть, вверенную им обществом (а то и узурпированную ими), для собственного обогащения и проведения политики, которая выгодна только им, но совершенно невыгодна избирателям. Эти политические институты включают как составную часть конституцию и политический строй (например, демократический), но не ограничиваются ими. Они также включают способность государства регулировать общественные процессы. Не менее важно рассмотреть в более широком контексте, как именно власть распределена в обществе: каковы возможности различных групп граждан ставить общие цели и добиваться их, а с другой стороны – ограничивать другие группы граждан в достижении их целей.

Институты влияют на поведение и стимулы людей, от них зависит успех или крах страны. Личный талант важен на любой ступеньке общества, но даже он требует институциональных условий, чтобы он мог быть реализован. Билл Гейтс, так же как другие легендарные фигуры из мира информационных технологий (например Пол Аллен, Стив Баллмер, Стив Джобс, Ларри Пейдж, Сергей Брин или Джефф Безос), обладал огромным талантом и амбициями. Но и он реагировал на стимулы. Система школьного образования позволила Гейтсу и ему подобным получить уникальные навыки, которые помогли им реализовать свой талант. Экономические институты позволили всем им легко основать свои компании, не сталкиваясь при этом с непреодолимыми барьерами. Эти же институты обеспечили первоначальное финансирование их проектов. Американский рынок труда позволил им найти и нанять квалифицированных специалистов, а относительно конкурентная рыночная среда позволила построить бизнес и донести товар до покупателя. Эти предприниматели с самого начала были уверены, что их мечты могут реализоваться: они могли рассчитывать на институты и гарантированное ими верховенство права; они могли не опасаться за свои авторские права. Наконец, политические институты обеспечили стабильность и преемственность. То есть, во-первых, гарантировали, что к власти не придет диктатор и не изменит правила игры, не экспроприирует их состояние, не посадит их в тюрьму, не сможет угрожать их жизни и собственности. Во-вторых, институты гарантировали, что никакие партикулярные интересы не смогут направить государственную политику в сторону экономической катастрофы. Иными словами, поскольку государственная власть является одновременно ограниченной и достаточно широко распределенной между различными общественными группами, могут появиться и развиваться экономические институты, способствующие процветанию.

Эта книга демонстрирует, что, хотя от экономических институтов зависит, будет страна бедной или богатой, именно политика и политические институты определяют выбор этих экономических институтов. В конечном счете хорошие экономические институты в США стали следствием работы политических институтов, которые складывались посте-

пенно, начиная с 1619 года. Наша теория неравенства покажет, как политические и экономические институты взаимодействуют и порождают богатство и бедность и как различные части мира обретают те или иные институты. Наш беглый обзор истории обеих Америк дает некоторое первоначальное представление о том, какие именно силы формируют политические и экономические институты. Различные сочетания институтов, существующие сегодня в разных странах, глубоко укоренены в истории, поскольку после того как общество было организовано определенным образом, эти институты меняются редко и медленно. Мы покажем, что это обстоятельство связано с тем, как именно взаимодействуют экономические и политические институты.

Эта институциональная устойчивость и силы, стоящие за ней, помогают объяснить и то, почему с неравенством так трудно бороться и почему так трудно сделать бедные страны богатыми. Хотя именно институты отвечают за разницу между двумя Ногалесами и между Мексикой и Соединенными Штатами, это совершенно не означает, что в Мексике сложился консенсус о том, что институты нужно изменить. С точки зрения тех, кто контролирует политическую власть, нет никакой необходимости вводить более полезные для экономического роста или благосостояния граждан институты, если действующие институты гораздо лучше служат интересам самой власти. Сильные мира сего и остальные граждане часто расходятся во мнениях о том, какие институты нужно сохранить, а какие следует поменять. Карлос Слим вовсе не будет рад, если все его политические связи вдруг растворятся в воздухе, а барьеры для входа на рынок, защищающие его бизнес, исчезнут, — и неважно, что появление на рынке новых игроков сделало бы богаче миллионы мексиканцев.

Поскольку такого консенсуса не существует, именно политические элиты (то есть те, у кого в руках власть) определяют, по каким правилам будет жить общество (и как элиты смогут этой властью распоряжаться). У Карлоса Слива есть власть, чтобы добиваться того, что он хочет. Могущество Билла Гейтса ограничено в гораздо большей степени. Вот почему наша теория — это теория не только экономическая, но и политическая. Эта теория рассказывает о том, как институты влияют на успех или крах государств, — и потому мы изучаем экономику нищеты и процветания. Она рассказывает и о том, как институты появляются, как они меняются со временем и почему иногда не меняются, даже если приносят нужду и невзгоды миллионам, — и поэтому мы исследуем также и политику нищеты и процветания.

Глава 2

Теории, которые не работают

Положение вещей

Наша книга сосредоточена на объяснении мирового неравенства и некоторых его особенностей, заметных даже невооруженным глазом. Первой страной, в которой имел место продолжительный и устойчивый экономический рост, была Великобритания, то есть изначально, собственно, Англия и Уэльс, а после 1707 года – также и Шотландия. Рост начался и шел постепенно со второй половины XVIII века, когда промышленная революция, опиравшаяся на внедрение в производство важных технологических открытий, начала захватывать одну за другой отрасли английской экономики. Вслед за Англией индустриализация началась в большинстве стран Западной Европы и в Соединенных Штатах. Британское процветание вскоре распространилось и на колонии английских поселенцев в Канаде, Австралии и Новой Зеландии. Сегодня список тридцати самых богатых государств мира включает именно эти страны плюс Япония, Сингапур и Южная Корея. Процветание трех последних, в свою очередь, является результатом более широкого процесса развития стран Восточной Азии, многие из которых (помимо трех упомянутых, это еще, например, Тайвань и в более позднее время – Китайская Народная Республика) сумели в наши дни добиться высокого экономического роста.

Список самых бедных стран мира столь же выразителен и характерен, что и список самых богатых. Если составить список из тридцати самых бедных на сегодняшний день стран, то окажется, что большинство из них расположены в Африке южнее Сахары. Несколько стран из этого списка – Афганистан, Гаити, Непал – хотя и не находятся в Африке, имеют важные общие черты с африканскими странами, о чем мы поговорим ниже. Если вы немного углубитесь в историю, то увидите, что список самых богатых и самых бедных стран пятьдесят лет назад несильно отличался от сегодняшнего. Сингапур и Южная Корея не были среди самых богатых, немного иной была и группа самых бедных стран, но общая картина будет удивительно похожа на ту, что мы наблюдаем сегодня. Ситуация сто или сто пятьдесят лет назад была такой же: примерно те же самые страны были как наверху, так и внизу списка.

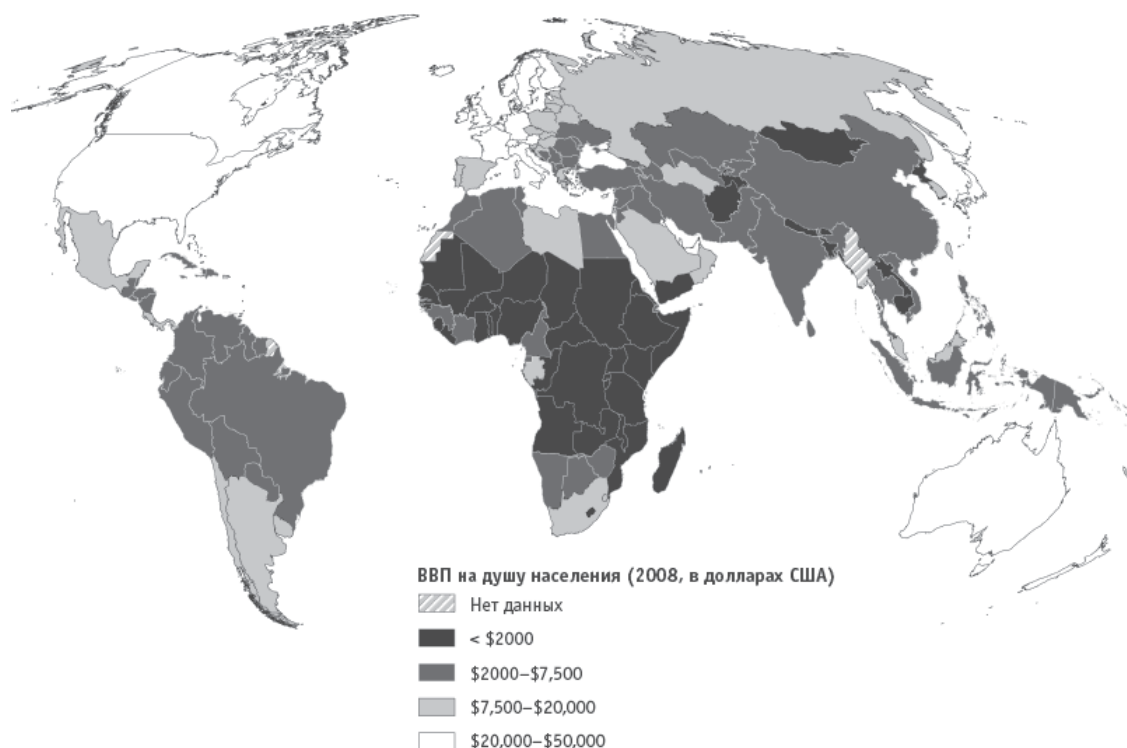
Карта 3 показывает положение дел в мире по состоянию на 2008 год. Страны, закрашенные черным, – самые бедные в мире, то есть те, где средний душевой доход (экономисты называют такой доход валовым внутренним продуктом, ВВП) составляет менее 2000 долларов в год. Большая часть Африки закрашена именно этим цветом, так же как и Афганистан, Гаити и некоторые части Юго-Восточной Азии (например, Камбоджа и Лаос). Северная Корея также принадлежит к этой группе стран. Страны, отмеченные белым, – самые богатые, с душевым доходом выше 20 000 долларов в год. Здесь тоже без особых неожиданностей: Северная Америка, Западная Европа, Австралия, Япония.

Можно проследить интересный тренд в обеих Америках. Составим список, начиная с самых богатых и заканчивая самыми бедными странами западного полушария. Окажется, что на самом верху находятся США и Канада, за ними следуют Чили, Аргентина, Бразилия, Мексика, Уругвай, возможно, Венесуэла (позиция последней зависит от цен на нефть). Затем идут Колумбия, Доминиканская Республика, Эквадор и Перу. Гораздо более бедные Боливия, Гватемала и Парагвай замыкают список. Возьмите ситуацию пятидесятилетней давности, и вы увидите точно такую же последовательность. Сто лет назад: то же самое. Сто пятьдесят лет назад: опять то же самое. То есть дело не только в том, что США и Канада богаче стран

Латинской Америки, – существует заметное и устойчивое различие между бедными и богатыми странами внутри самой Латинской Америки.

Еще один интересный тренд вырисовывается на Ближнем Востоке. Там вы найдете богатые нефтью страны, такие как Саудовская Аравия и Кувейт, подушевой доход в которых близок к показателям тридцати самых богатых государств. Но если цены на нефть упадут, эти страны быстро скатятся в нижнюю часть списка. Ближневосточные страны, у которых нет или почти нет запасов нефти, такие как Египет, Иордания и Сирия, все имеют уровень дохода, примерно соответствующий Гватемале и Перу. Без нефти страны Ближнего Востока тоже бедны – хотя, так же как и страны Центральной Америки и Андского региона, они не так бедны, как страны Африки южнее Сахары.

Хотя в целом положение стран в списке богатых и бедных довольно устойчиво, нельзя сказать, что не меняется вообще ничего. Во-первых, как мы уже сказали, мировое экономическое неравенство по большей части возникло в конце XVIII века, в результате промышленной революции. Еще в середине этого столетия не только уровень неравенства был значительно ниже, но и распределение богатых и бедных стран по уровню душевого дохода, столь стабильное в последние два столетия, тоже было иным. Например, вышеописанная ситуация в обеих Америках, которая остается неизменной в последние сто пятьдесят лет, была совсем другой, скажем, пятьсот лет назад. Во-вторых, в последнее время многие страны добились того, что в течение нескольких десятилетий у них был высокий экономический рост. Так случилось во многих странах Восточной Азии после Второй мировой войны, а в последнее время – в Китае. Однако впоследствии многие из таких стран откатились вспять. Например, Аргентина быстро росла в течение пяти десятилетий, вплоть до 1920-х годов и стала одной из богатейших стран в мире. Затем, однако, начался длинный путь вниз. Еще большего внимания заслуживает пример Советского Союза. Он быстро рос приблизительно в 1930–1970-х, но затем наступил быстрый коллапс.

Карта 3. *Распределение благосостояния в мире (данные на 2008 г.)*

Чем объяснить эти огромные различия в уровне богатства, в скорости и устойчивости экономического роста? Почему западноевропейские страны и их колонии, заселенные европейскими поселенцами, стали быстро расти в начале XIX века, оставив всех остальных далеко позади? Чем объясняется устойчивость позиции той или иной страны в списке богатых и бедных стран обеих Америк? Почему большинство стран Ближнего Востока и тропической Африки не смогли обеспечить экономическое развитие на уровне европейских стран, тогда как большая часть Восточной Азии добилась поистине головокружительного экономического роста?

Принимая во внимание масштабы экономического неравенства, важность этого явления для жизни едва ли не каждого человека и четкие закономерности, которые можно ясно проследить в исторической перспективе, можно было бы ожидать, что для этого неравенства давно найдено общепринятое объяснение. Однако это не так. Большая часть теорий, предложенных учеными специалистами в различных общественных науках и пытающихся найти истоки богатства и бедности, попросту не работают и не могут объяснить сложившееся положение вещей.

Географическая теория

Одна из широко распространенных и популярных теорий, объясняющих мировое неравенство, – это теория о влиянии географических условий. Она утверждает, что огромный разрыв между богатыми и бедными странами объясняется различиями в их географическом положении. Многие бедные страны, в частности в Африке, Центральной Америке и Южной Азии, расположены между тропиком Рака и тропиком Козерога. Богатые страны, напротив, обычно расположены в умеренных широтах. Такая пространственная концентрация богатства и бедности придает внешнюю убедительность географической теории (и делает ее отправной точкой для многих ученых-общественников и комментаторов), но это совершенно не отменяет ее ошибочности.

Уже в конце XVIII века великий французский философ Шарль де Монтескье обратил внимание на географическое распределение бедности и богатства в мире и предложил свое объяснение. Он утверждал, что жители тропических стран, как правило, ленивы и нелюбопытны. В результате им не хватает усердия в работе и способности к рациональному повышению производительности своего труда, что закономерно приводит их к бедности. Далее Монтескье говорит, что людьми, не склонными к усердному труду, чаще всего правят деспоты, то есть он предполагал, что географическое положение может объяснить и некоторые политические феномены, тесно связанные с экономическими неурядицами, в частности диктатуру.

Теория о том, что жаркий климат неизбежно ведет к бедности, хотя и опровергнута недавними экономическими успехами Сингапура, Малайзии и Ботсваны, все еще находит активных сторонников, таких как экономист Джеффри Сакс. Современная версия этой теории фокусируется не на непосредственном влиянии климата на усердие и мыслительные способности, а на двух дополнительных аргументах: во-первых, тропические болезни, особенно малярия, оказывают сильное негативное воздействие на здоровье, а следовательно, и на производительность труда; во-вторых, почвы в тропиках не подходят для эффективного сельского хозяйства. Вывод тем не менее остается прежним: умеренный климат имеет определенные преимущества перед тропическим и субтропическим.

Однако мировое неравенство не может быть объяснено через воздействие климата, болезней или других факторов, упоминающихся в разных версиях географической теории. Просто вспомните город Ногалес. Одна его часть отделена от другой не разными климатическими поясами, географической удаленностью или эпидемиологической обстановкой, а просто границей между США и Мексикой.

Если географическая теория не может объяснить разницу между севером и югом Ногалеса, Северной и Южной Кореей или между Восточной и Западной Германией до падения Берлинской стены, быть может, она способна объяснить нам разницу между Северной и Южной Америкой? Между Европой и Африкой? Нет, и здесь она бесполезна.

История показывает, что не существует простой и долгосрочной связи между климатом и географией с одной стороны и экономическим процветанием – с другой. В частности, не всегда в тропиках жили беднее, чем в умеренных широтах. Как мы убедились в предыдущей главе, на момент открытия Америки Колумбом к югу от тропика Рака и к северу от тропика Козерога (то есть на территории современных Мексики, Центральной Америки, Перу и Боливии) существовали великие цивилизации ацтеков и инков. Это были политически централизованные и довольно сложно устроенные империи, правительства которых умели строить дороги и организовывать помощь своим подданным во время голода. У ацтеков были письменность и деньги; инки, хотя у них и не было этих двух важнейших элементов развитой цивилизации, умели записывать большие объемы информации с помощью слож-

ных веревочных сплетений и узелков, называемых *кипу*. Напротив, те цивилизации, которые во времена ацтеков и инков существовали к северу и к югу от них (то есть на территории современных США, Канады, Аргентины и Чили), жили по большей части в каменном веке и подобными продвинутыми технологиями не обладали. Американские тропики, таким образом, были гораздо богаче американских умеренных широт. Поэтому «банальный» факт, что жаркие страны всегда бедны, – это не то что банальный, это и не факт вовсе. Наоборот, процветание США и Канады представляет собой «полный поворот кругом» по сравнению с доколониальным периодом.

Этот поворот, разумеется, никак не был связан с географией, зато был напрямую связан с особенностями процесса колонизации. Поворот не ограничивался только Новым Светом. Жители Южной Азии, особенно Индийского субконтинента и Китая, были гораздо богаче, чем жители других частей Азии, и уж точно богаче, чем коренные жители Австралии и Новой Зеландии. В этом регионе богатство и бедность тоже во многих случаях поменялись местами: Новая Зеландия и Австралия обошли по уровню доходов большинство азиатских стран, а из последних самыми богатыми стали Южная Корея, Сингапур и Япония. Поворот имел место даже в субсахарской Африке. До начала активных контактов с европейцами юг Африканского континента был наименее заселен, и ему было еще очень далеко до появления системы управления, хоть сколько-нибудь похожей на государственную и способной хотя бы контролировать собственную территорию. Однако сегодня Южно-Африканская Республика – одна из самых богатых стран Африки к югу от Сахары. Углубившись в историю еще больше, мы снова встретим процветающие тропические цивилизации, такие как Ангкор (на территории современной Камбоджи), Виджаянагара в Южной Индии, Аксум в Эфиопии или, наконец, великую культуру долины Инда с центрами в Мохенджо-Даро и Хараппе (современный Пакистан). История, таким образом, оставляет мало сомнений в том, что между расположением в тропиках и экономическими успехами нет очевидной связи.

Тропические болезни, разумеется, причиняют огромные страдания людям и являются причиной высокой младенческой смертности в Африке, но они не являются причиной африканской бедности. Наоборот, болезни являются *следствием* бедности и того, что правительства этих стран не могут или не находят нужным предпринять меры по охране общественного здоровья, которые позволили бы эти болезни ликвидировать. В Англии XIX века также имелись серьезные проблемы со здравоохранением, но правительство постепенно инвестировало в постройку водопроводов, систем канализации и очистки сточных вод, а в конечном счете – в создание эффективной системы здравоохранения. Более здоровое население и увеличившаяся продолжительность жизни суть не причины экономических успехов Великобритании, а следствие уже произошедших в стране экономических и политических изменений. То же самое можно сказать и о городе Ногалес, штат Аризона, США.

Другой постулат географической теории сводится к тому, что сельское хозяйство в тропиках принципиально не может быть эффективным. Плодородный слой почвы в тропиках слишком тонок и неспособен удерживать в себе достаточное количество питательных веществ, утверждают сторонники географической теории и добавляют, что этот плодородный слой почвы к тому же быстро смывается тропическими ливнями. В этом утверждении есть доля истины, но мы увидим, что главная причина низкой эффективности сельского хозяйства (то есть низких урожаев с акра земли) во многих бедных странах, особенно в Африке южнее Сахары, – совсем не качество почвы. Напротив, основная причина кроется в структуре землевладения и в тех стимулах, которые создаются для земледельцев правительством и действующими в данной стране институтами. Мы также покажем, что мировое неравенство невозможно объяснить разницей в эффективности сельского хозяйства. Огромное неравенство, возникшее в мире в XIX веке, стало следствием неравномерного распространения

промышленных технологий и неравной эффективности промышленного производства. Это неравенство вовсе не было следствием различий в эффективности сельского хозяйства.

Еще одна популярная версия географической теории была разработана специалистом по экологии и эволюционной биологии Джаредом Даймондом. Он утверждает, что причины неравенства в развитии континентов к началу Нового времени (то есть около 500 лет назад) лежат в различной доступности на разных континентах пригодных для одомашнивания растений и животных, что впоследствии привело к разнице в эффективности сельского хозяйства. В некоторых местах, как, например, в Плодородном полумесяце (на территории современного Ближнего Востока), было множество подходящих для культивации и одомашнивания видов растений и животных. В других местах, например в Америке, их было гораздо меньше. Наличие большого числа пригодных для domestikации видов сделало возможным и даже привлекательным переход от охоты и собирательства к оседлому земледелию. В результате земледелие возникло в Плодородном полумесяце раньше, чем в Америке, вследствие этого выросла плотность населения, что сделало возможным разделение труда, развитие торговли, урбанизацию и развитие политических институтов. Особенно важно то, что в местах, где оседлое земледелие распространялось более широко, гораздо быстрее происходили технологические инновации. Таким образом, согласно Даймонду, различные возможности для одомашнивания растений и животных на разных континентах повлекли различную интенсивность сельского хозяйства на этих континентах, а следствием этого, в свою очередь, стали различные скорости и направления технологических изменений и разные уровни богатства.

Хотя Даймонд дает убедительные ответы на поставленные им самим вопросы, его теорию нельзя экстраполировать на современность и объяснить ею современное неравенство. Например, Даймонд утверждает, что испанцы смогли завоевать цивилизации Нового Света благодаря тому, что у них была более долгая история земледелия и последующего развития более совершенных технологий. Но ведь наша цель состоит в том, чтобы объяснить, почему бедны современные мексиканцы и перуанцы, которые живут на бывших территориях ацтеков и инков. Да, у испанцев были пшеница, ячмень и лошади, и это делало испанцев богаче инков, но разница в доходах между первыми и вторыми была не такой большой. Средний доход жителя Испании был, может быть, раза в два больше, чем доход жителя Империи инков. Логика Даймонда предполагает, что после того, как инки получили доступ ко всем тем технологиям и видам животных и растений, которых у них раньше не было, они должны были бы быстро догнать испанцев и достичь их жизненных стандартов. Напротив, в XIX и XX веках разрыв в уровне благосостояния только увеличился: сейчас средний испанец в шесть раз богаче среднего перуанца. Этот разрыв тесно связан с неравномерным распространением современных технологий промышленного производства и имеет мало отношения как к наличию пригодных для domestikации животных и растений, так и к якобы объективно обусловленной и постоянной разнице в эффективности сельского хозяйства в Испании и в Перу.

Если Испания, хотя и с опозданием, переняла новые технологии – паровую машину, железные дороги, электричество, механизацию и фабричное производство, то перуанцы этого не сделали вообще или, в лучшем случае, сделали очень медленно и половинчато. Этот технологический разрыв сохраняется и, более того, воспроизводит себя во все большем масштабе, особенно в условиях, когда новые технологии, в частности информационные, выступают двигателями экономического роста во многих развитых и быстро развивающихся странах. Теория Даймонда не объясняет, почему эти ключевые технологии не распространяются по всему миру и не выравнивают доходы в мире, так же как она не помогает нам понять, почему северная часть Ногалеса настолько богаче своего южного близнеца, хотя пятьсот лет назад оба этих города были частью одной и той же цивилизации.

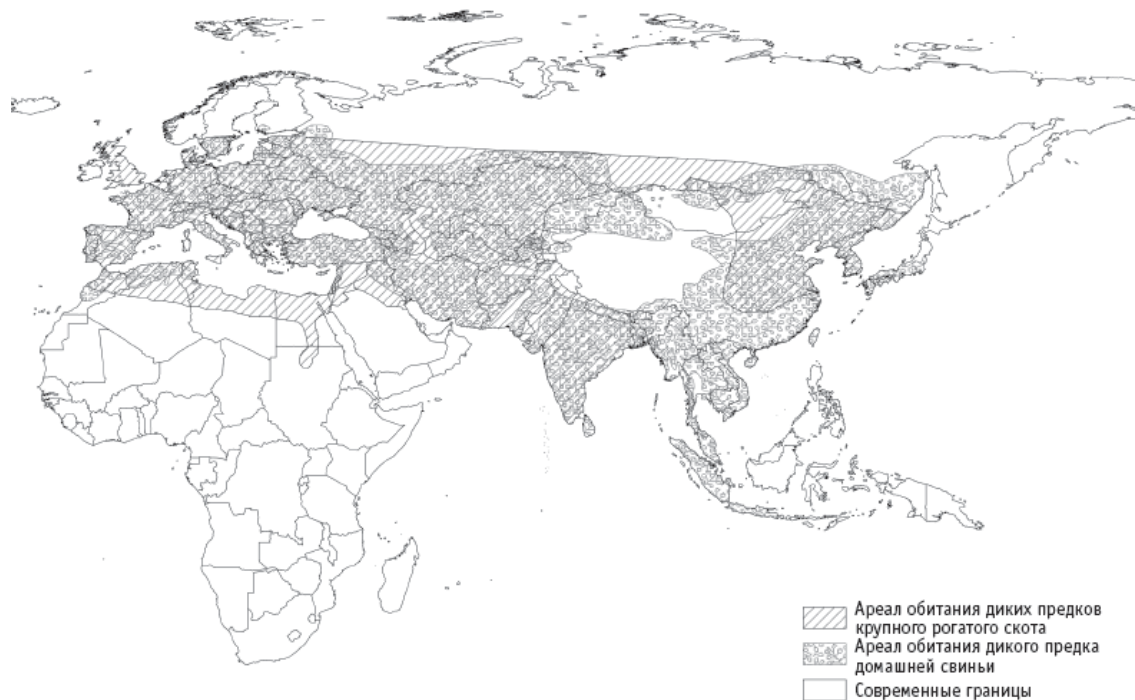
История Ногалеса высвечивает и еще одну проблему теории Даймонда: как мы уже видели, какими бы недостатками в 1532 году ни обладали империи инков и ацтеков (сегодня это территории Перу и Мексики соответственно), эти страны были уж точно богаче, чем те части Америки, которые позже превратились в США и Канаду. Северная Америка стала такой процветающей именно потому, что активно перенимала технологии и другие достижения промышленной революции. Население Северной Америки становилось все более образованным, железные дороги пересекали Великие равнины. Совсем другим было положение в Южной Америке. Этот разительный контраст не может быть объяснен лишь разницей в географических условиях Северной и Южной Америки: если уж на то пошло, у Южной Америки они более выгодные.

Неравенство в современном мире в основном является следствием неравномерного распространения и применения технологий, и теория Даймонда также не оставляет без внимания это обстоятельство. В частности, Даймонд вслед за историком Уильямом Макнилом утверждает, что ориентация Евразии с востока на запад способствовала распространению сельскохозяйственных культур, домашних животных, а также технологий из Плодородного полумесяца в Западную Европу. А меридиональная – с севера на юг – протяженность Америки стала причиной того, что письменность, независимо изобретенная на территории современной Мексики, не смогла проникнуть ни в Анды, ни в Северную Америку. Однако пространственная ориентация континентов не может дать объяснение современному неравенству. Возьмите Африку. Хотя Сахара представляет собой серьезное препятствие для распространения товаров и идей с севера на юг, это препятствие не является непреодолимым. Португальцы, а затем и другие европейцы, обогнув континент морем, проложили путь в субсахарскую Африку и быстро ознакомили африканцев с европейскими технологиями, причем это случилось во времена, когда разница в доходах населения Африки и Европы была совсем не такой большой, как сегодня. С тех пор, однако, Африка не только не достигла уровня развития Европы, но наоборот: разрыв в доходах между ними только вырос.

Вполне логично и то, что теория Даймонда, нацеленная на объяснение неравенства между континентами, не очень подходит для объяснения неравенства в пределах одного и того же континента, а ведь именно этот аспект наиболее бросается в глаза в современном глобальном неравенстве. Допустим, пространственная ориентация Евразийского континента может объяснить тот факт, что англичанам было легко воспользоваться изобретениями, сделанными на Ближнем Востоке, и они были избавлены от необходимости делать эти открытия заново. Но теория Даймонда никак не объясняет, почему промышленная революция произошла именно в Англии, а не, скажем, в Молдавии. Кроме того, как отмечает сам Даймонд, Китай и Индия также выиграли от пространственной ориентации Евразии, и там тоже было много пригодных для одомашнивания животных и растений. Однако большинство бедняков мира сейчас живут именно в этих двух странах.

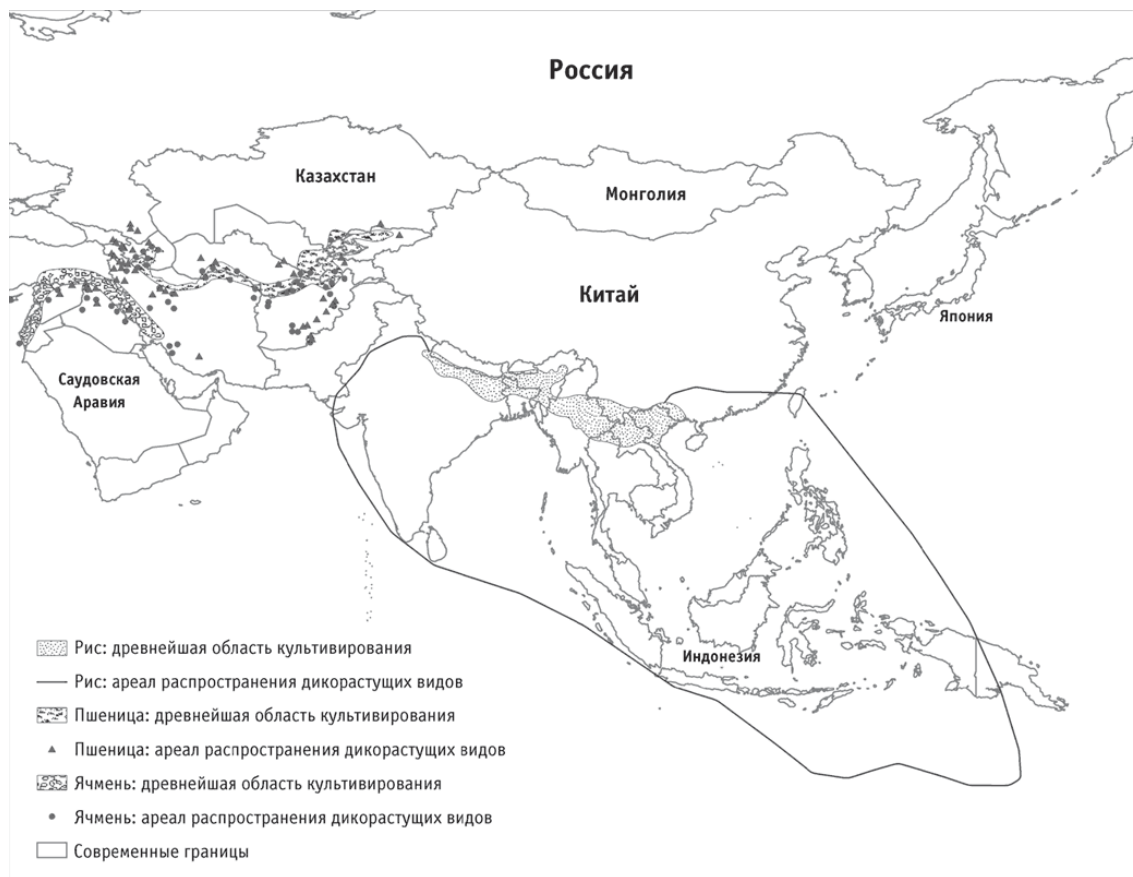
На самом деле лучший способ увидеть внутренние ограничения теории Даймонда – это взглянуть на его собственные влияющие переменные. Карта 4 демонстрирует распространность дикого кабана (*Sus scrofa*), предка современной домашней свиньи, и тура, предка современного крупного рогатого скота. Оба вида животных были широко распространены по всей Евразии и даже в Северной Африке. Карта 5 демонстрирует распространность некоторых предков современных злаков, например дикого риса (*Oryza sativa*), одомашненного в Азии и ставшего основной сельскохозяйственной культурой в регионе, а также предков современных пшеницы и ячменя. Как видно на карте, дикий предок риса был широко распространен по всей Южной и Юго-Восточной Азии, а предки пшеницы и ячменя были распространены вдоль протяженной дуги от Леванта через Иран и Афганистан до территории сегодняшних Туркменистана, Таджикистана и Кыргызстана. Эти дикие виды, прародители основных современных культурных злаков, росли на большей части территории

Евразии. Но именно их широкая распространенность подсказывает, что неравенство внутри Евразии нельзя объяснить с помощью теории, которая вся построена на различной доступности пригодных для одомашнивания животных и растений.

Карта 4. Исторические ареалы обитания диких предков крупного рогатого скота и домашней свиньи

Географическая теория не только бесполезна с точки зрения объяснения истоков процветания народов; она исходит из неверных постулатов и в принципе неспособна объяснить современное положение вещей, с описания которого мы начали эту главу. Ее сторонники утверждают, например, что любое устойчивое соотношение в структуре мирового неравенства — например распределение стран обеих Америк по душевому доходу или резкий и постоянный разрыв в уровне благосостояния между Европой и Ближним Востоком, — можно объяснить более или менее удачным географическим (то есть постоянно неизменным) положением той или иной страны. Но это не так. Мы уже убедились в том, что ситуация в Америке вряд ли определяется географическими факторами. До 1492 года цивилизации в долинах Центральной Мексики, в Центральной Америке и в Андах были передовыми с точки зрения технологического развития и благосостояния, тогда как Северная Америка и территории будущих Аргентины и Чили заметно отставали. Со временем география не изменилась, зато институты, установленные европейцами, повернули вспять судьбу этих регионов.

Карта 5. Исторические ареалы распространения дикорастущих риса, пшеницы и ячменя

По тем же причинам география вряд ли поможет объяснить бедность в странах Ближнего Востока. В конце концов, этот регион был очагом неолитической революции, и первые в истории города появились на территории современного Ирака. Металл был впервые выплавлен на территории современной Турции, и еще в конце Средних веков Ближний Восток мог похвастаться относительно динамичным технологическим развитием. Как мы увидим в главе 5, не географические условия определили тот факт, что неолитическая революция развернулась именно на Ближнем Востоке, и не географические условия – причина его последующего сравнительного отставания. Расширение и консолидация Османской империи и ее институциональное наследие – вот что препятствует процветанию Ближнего Востока сегодня.

Наконец, географическая теория не может объяснить не только мировое неравенство в целом; она бессильна и в вопросе о том, почему многие страны, такие как Япония или Китай, долгое время пребывают в стагнации, но потом в них начинается быстрый экономический рост. Нам нужна другая, более надежная теория.

Влияние культуры

Другая популярная теория связывает процветание народов с культурными факторами. Эта теория, так же как географическая, имеет благородную родословную и может проследить свое происхождение как минимум до великого немецкого социолога Макса Вебера, который утверждал что Реформация и протестантская этика, которая лежала в ее основе, были ключевыми факторами быстрого развития индустриального общества в Западной Европе. Сегодня теории о культурном влиянии уже не опираются исключительно на религию и указывают также на важность других ценностей и этических установок.

Хотя политкорректность запрещает произносить подобное вслух, но многие из нас до сих пор убеждены, что африканцы бедны, потому что не знают трудовой этики, или потому что они верят в колдовство, или, наконец, потому, что они противятся принятию новых западных технологий. Столь же многие верят, что Латинская Америка никогда не будет богатой, потому что ее жители по природе своей транжиры и голодранцы, заложники особой иберийской культуры – «культуры маньяна».¹³ А когда-то многие из нас верили, что традиции китайской культуры, в частности конфуцианские ценности, неблагоприятны для экономического роста. Сейчас, однако, о роли китайской трудовой этики в быстром экономическом росте в Китае, Гонконге и Сингапуре не говорит только ленивый.

Полезна ли теория о влиянии культуры для понимания природы мирового неравенства? И да и нет. Полезна в том смысле, что связанные с культурой социальные нормы имеют большое значение, с трудом меняются и часто поддерживают институциональные различия, которые, как мы утверждаем в этой книге, могут объяснить мировое неравенство. Но по большей части эта теория бесполезна, поскольку те аспекты культуры, которые особенно часто привлекают к себе внимание, – религия, этические принципы, «африканские» или «латиноамериканские» ценности, – как раз не особенно важны для понимания того, как возникло нынешнее неравенство и почему оно столь устойчиво. Другие аспекты культуры – такие как уровень доверия в обществе и склонность членов этого общества к кооперации друг с другом – важнее, но они в основном суть следствие работы определенных институтов, а не самостоятельная причина неравенства.

Обратимся снова к примеру Ногалеса. Как мы уже отмечали, многие черты культуры практически идентичны по обе стороны от стены, однако наблюдаются и заметные различия в ценностях, социальных нормах и повседневных практиках. Однако эти отличия являются следствием того, что эти два города развиваются по расходящимся траекториям, а не причиной этого расхождения. Например, мексиканцы, согласно данным опросов, реже, чем американцы, доверяют окружающим. Но в этом нет ничего удивительного, если учесть, что правительство Мексики не может справиться с наркокартелями и поддержать функционирование беспристрастной судебной системы. То же самое можно сказать и о Южной и Северной Корее, что мы обсудим в следующей главе. Южная Корея – одна из самых богатых стран в мире, тогда как население Северной живет в ужасающей бедности и вынуждено периодически бороться с голодом. Хотя то, что мы называем культурой, выглядит на Севере и на Юге совершенно по-разному, эти различия не сыграли никакой роли в том, как по-разному сложилась судьба двух частей одной страны. Север и юг Корейского полуострова в течение долгого времени имели общую историю. До Корейской войны и раздела страны по 38-й параллели для полуострова был характерен чрезвычайно высокий уровень культурной, языковой и этнической гомогенности. Так же как в случае с Ногалесом, причина различий – сама граница. На Севере отличный от Юга политический режим, иные институты, созда-

---

¹³ *Mañana* (исп.) – «завтра».

ющие иные стимулы. Таким образом, и в Ногалесе, и в Корее любые культурные различия между севером и югом являются следствием различного уровня жизни, а не его причиной.

А как же Африка и африканская культура? Исторически Африка южнее Сахары была беднее других частей света, и ее древние цивилизации не смогли изобрести колесо, письменность (за исключением Эфиопии и Сомали) и плуг. Но пусть эти технологии не использовались в Африке повсеместно до наступления эпохи окончательной колонизации европейскими державами (конец XIX – начало XX века), узнали-то о них африканцы намного раньше. Европейские мореплаватели стали осваивать Западное побережье Африки в конце XV столетия. Корабли из Азии добрались до Восточного побережья континента задолго до того.

Чтобы понять, почему эти технологии не были взяты на вооружение африканцами, давайте углубимся в историю Королевства Конго, которое было расположено в устье одноименной реки, давшей название двум современным государствам – Республике Конго и Демократической Республике Конго. На карте 6 показано, где располагалось Королевство Конго и другое важное государство Центральной Африки – Королевство Бакуба, о котором мы поговорим в дальнейших главах.

Карта 6. *Королевства Конго и Куба, расселение народностей леле и бушонг*

Королевство Конго вступило в контакт с португальцами после того, как в 1483 году сюда прибыл первый европеец, мореплаватель Диогу Кан. К этому времени Королевство Конго было сильно централизованным (по африканским стандартам) государственным образованием, столица которого – Мбанза – имела население 60 тысяч человек, что примерно соответствовало населению португальской столицы Лиссабона и превышало население Лондона (ок. 50 000 в 1500 году). Король Конго Нзинга Нкуву принял католичество и стал называться Жуан I, город Мбанза был переименован в Сан-Сальвадор.

Благодаря португальцам конголезцы узнали колесо и плуг. Португальцы даже пытались поддержать распространение этих орудий, направив в страну специальные сельскохозяйственные миссии в 1491 и 1512 годах. Однако все эти усилия были напрасны.

В принципе, конголезцы были совсем не против западных изобретений. Они очень быстро переняли у Запада одну его весьма почтенную технологию – огнестрельное оружие – и начали использовать этот новый мощный инструмент под воздействием рыночного стимула: возникшего спроса на захват и экспорт рабов. Нет никаких признаков того, что какие-либо африканские культурные ценности препятствовали освоению новых технологий и практик. Когда контакты с европейцами стали более глубокими и интенсивными, конголезцы переняли и другие западные технологии – письменность, европейскую одежду и устройство домов. В XIX веке многие африканские страны воспользовались расширяющимися экономическими возможностями, появившимися в результате промышленной революции, и изменили структуру своего производства. В Западной Африке начался быстрый экономический рост, основанный на экспорте пальмового масла и арахиса; по всему югу Африки развивался экспорт в быстро развивающийся регион Ранд на территории современной ЮАР. Однако эти многообещающие экономические эксперименты прекратились, и вовсе не из-за каких-то особенностей африканской культуры или неспособности рядовых африканцев действовать в своих собственных интересах, а сначала из-за колонизации, а потом вследствие политики, которую проводили правительства африканских стран после получения ими независимости.

Подлинная причина того, что конголезцы не переняли передовые технологии, заключалась в том, что у них не было к этому стимулов. Они постоянно сталкивались с риском того, что все, что им удастся произвести, будет экспроприировано (или изъято в виде налога) всемогущим королем, и неважно, принял он католичество или нет. На самом деле совершенно незащищенной была не только их собственность – под угрозой была сама их жизнь. Многих конголезцев захватывали и продавали в рабство – едва ли это можно счесть хорошим стимулом для инвестиций в долгосрочный рост производительности. Точно так же и король не рассматривал в качестве своих приоритетов поощрение применения плуга или повышение эффективности сельского хозяйства; экспорт рабов был гораздо более прибыльным делом.

Утверждение, что сегодня африканцы доверяют друг другу меньше, чем люди в других частях света, может быть, и верно. Но это лишь результат продолжительного воздействия институтов, которые подвергали угрозе гражданские права и право собственности. Возможность быть схваченным и проданным в рабство, несомненно, повлияла на доверие жителей Африки к окружающим.

А как насчет протестантской этики Макса Вебера? Возможно, Нидерланды и Англия – преимущественно протестантские страны – и были первыми примерами экономического чуда в Новое время, но особой связи между их успехами и их религией не было. Франция, страна преимущественно католическая, повторила успех голландцев и англичан уже в XIX веке, а сегодня и Италия присоединилась к этой группе процветающих стран. Если посмотреть дальше на восток, легко увидеть, что экономические успехи стран Восточной Азии никак не связаны ни с одной из форм христианства. Таким образом, мы не находим существенных оснований относить экономические успехи к заслугам протестантской этики.

Давайте обратимся к любимому региону всех сторонников культурной теории – Ближнему Востоку. Большинство ближневосточных стран исламские и, как мы уже отмечали, бедные, если только в них не добывается нефть. Впрочем, даже богатство, которое приносит нефть, не помогло создать современную диверсифицированную экономику в Саудовской Аравии или Кувейте. Разве это не демонстрирует ключевую роль религии?

Хотя и правдоподобная, эта теория неверна, как и все предыдущие. Да, такие страны, как Сирия и Египет, бедны, да, большинство их жителей – мусульмане. Но эти страны имеют

системные отличия и во многих других отношениях, которые гораздо важнее с точки зрения экономического развития. Например, все они были провинциями Османской империи, которая сильно и негативно повлияла на путь их исторического развития. После того как Османская империя рухнула, они стали частью Французской или Британской колониальных империй, что также задержало их развитие. После обретения независимости эти страны, как и большинство других колоний, создали иерархически организованные автократии, в которых отсутствовали политические и экономические институты, являющиеся, как мы попытаемся показать, ключевыми для экономического успеха. Путь развития этих стран был сформирован характером османского, а потом европейского владычества на их территории. Взаимосвязь между исламом и бедностью на Ближнем Востоке – во многом иллюзорная.

Роль исторических обстоятельств в формировании Ближнего Востока особенно хорошо видна на примере тех стран, которые хотя бы на время смогли избавиться от контроля со стороны Османской империи и европейских держав. Зачастую в них возникали условия для быстрых экономических изменений, как это произошло, например, в Египте в 1805–1848 годах, в эпоху правления Мухаммеда Али. Этот правитель смог сосредоточить в своих руках власть после ухода французских войск, которые оккупировали Египет при Наполеоне, и, воспользовавшись слабостью центральной власти Османской империи, основал свою собственную династию, которая в той или иной форме оставалась у власти в Египте вплоть до революции Насера (1952). Реформы Мухаммеда Али, хотя и проводившиеся насильственно, принесли в Египет экономический рост, следствие модернизации армии, бюрократии и налоговой системы, а также развития сельского хозяйства и промышленности. Однако этот процесс модернизации прекратился после смерти Али, и Египет снова попал в орбиту европейского влияния.

Но, возможно, все эти соображения – просто неправильный подход к пониманию роли культуры? Может быть, ключевым культурным фактором является вовсе не религия, а те или иные особенности национальной культуры? Может быть, решающим было влияние английской культуры, и именно это объясняет, почему такие страны, как США, Канада и Австралия, являются столь процветающими?

На первый взгляд эта идея кажется привлекательной, но она не работает. Да, Канада и США были колониями Великобритании, но ими были и Сьерра-Леоне, и Нигерия. Различия в уровне богатства между бывшими английскими колониями такие же огромные, как и вообще различия между странами мира. Английское наследие не является причиной успеха Северной Америки.

Наконец, существует еще один вариант теории о влиянии культуры: может быть, дело не в разнице между англичанами и остальными европейцами, а между европейцами и неевропейцами? Может быть, европейцы обладают неким превосходством перед остальными людьми – благодаря их этическим нормам, мировоззрению, иудеохристианским ценностям или наследию античности? В конце концов, это правда, что Западная Европа и Северная Америка, населенные в основном людьми европейского происхождения, являются наиболее процветающими регионами мира. Может быть, превосходство европейского культурного наследия является ключом к их процветанию – и последней надеждой сторонников теории о ключевой роли культурных факторов? Увы, эта версия теории ничуть не лучше объясняет происходящее, чем все остальные. Среди жителей Аргентины и Уругвая даже больший процент людей европейского происхождения, чем в Канаде и США. Однако уровень экономического развития Аргентины и Уругвая оставляет желать лучшего. А в Японии и Сингапуре всегда было ничтожно мало жителей европейского происхождения, однако они так же процветают, как и многие страны Западной Европы.

Китай, несмотря на массу недостатков своей экономической и политической системы, был самой быстрорастущей страной в мире последних тридцати лет. Бедность в Китае во

времена Мао Цзэдуна никак не была связана с китайской культурой; она была следствием избранного Мао катастрофического способа организации экономики и политической жизни. В 1950-е годы он начал проводить политику «большого скачка» – бескомпромиссной индустриализации, которая в результате привела к массовому голоду. В 1960-е Мао начал культурную революцию, которая вылилась в массовое преследование интеллектуалов и образованных людей вообще – любого, чья верность партии могла быть поставлена под сомнение. Это привело к массовому террору, гибели множества талантливых людей и растрате общественных ресурсов. Точно так же сегодняшний экономический рост в Китае никак не связан с «китайскими ценностями» или изменениями в китайской культуре. Он стал результатом экономической трансформации, запущенной реформами Дэн Сяопина и его единомышленников, которые после смерти Мао Цзэдуна постепенно отказались от социалистических институтов и экономической политики, сначала в сельском хозяйстве, а затем и в промышленности.

Точно так же, как географическая, теория о решающем влиянии культуры не помогает нам понять положение вещей в современном мире. Разумеется, существуют различия в убеждениях, культурных установках и ценностях у жителей США и Латинской Америки, однако так же, как существуют различия между американским и мексиканским Ногалесом или между Южной и Северной Кореей, они являются следствием институциональных различий, современных и имевшихся в прошлом. Теории, настаивающие на том, что в основе Испанской колониальной империи лежит некая «иберийская культура» или «культура латино», не могут объяснить, почему Аргентина и Чили богаче Перу и Боливии. Другие варианты этой же теории – например, те, что подчеркивают различия между культурой местных народов и культурой колонизаторов, – работают так же плохо. Действительно, в Аргентине и Чили меньше жителей неевропейского происхождения, чем в Перу и Боливии. Но это не делает ссылки на культуру местных народов ни на йоту более убедительными: Колумбия, Эквадор и Перу имеют примерно одинаковый уровень душевого дохода, однако в Колумбии сейчас живет очень мало индейцев и их потомков, тогда как в Эквадоре и Перу их довольно много.

Наконец, культурные установки, которые обычно меняются очень медленно, вряд ли могут объяснить недавнее экономическое чудо в Восточной Азии и Китае. Хотя институты тоже проявляют историческую устойчивость, при определенных условиях, как мы увидим, они могут меняться быстро.

Теория о невежестве

Еще одно популярное объяснение того факта, что одни страны богаче других, – это «теория о невежестве», которая утверждает, что неравенство в мире существует потому, что жители бедных стран или их правители не знают, как сделать свою страну богатой. Эта теория близка большинству экономистов, разделяющих знаменитое определение, которое дал в 1935 году английский экономист Лайонел Роббинс:

«Экономика – это наука, изучающая человеческое поведение как отношение между целями и ограниченными средствами, имеющими к тому же альтернативное применение».

Дав такое определение, остается сделать только маленький логический шаг для того, чтобы заключить: предназначение экономической науки состоит в поиске оптимального использования ограниченных ресурсов для удовлетворения потребностей общества. И действительно, наиболее важный теоретический результат в экономике, так называемая Первая теорема благосостояния, определяет условия, при которых «рыночное» распределение ресурсов является оптимальным для общественного благосостояния (как его понимают экономисты). «Рыночная экономика» в данном контексте – это идеальная ситуация, когда люди и компании могут свободно производить, покупать и продавать товары и услуги. В тех случаях, когда что-то идет не так, мы говорим о «несостоятельности рынка» или «сбое рыночного механизма» (*market failure*). Такие сбои представляют собой еще одно объяснение для мирового неравенства, потому что чем больше таких сбоев остается без последствий (то есть не делается попыток устранить их причины) в той или иной стране, тем беднее живут такие страны.

Теория невежества настаивает на том, что бедные страны бедны потому, что в них часто случаются сбои рыночных механизмов, а местные экономисты и властные элиты не знают, как это исправить, и в прошлом следовали неверным советам о том, как следует это исправлять. Богатые страны, соответственно, богаты именно благодаря тому, что сумели понять, какую политику нужно проводить, чтобы успешно исправлять провалы рынка.

Может ли теория невежества объяснить мировое неравенство? Правда ли, что Африка беднее остального мира потому, что лидеры африканских стран совершают одни и те же ошибки в управлении экономикой и приводят свои страны к устойчивой бедности, тогда как лидеры стран Западной Европы лучше информированы и имеют лучших советников, и это объясняет их относительный успех? Действительно, имеются знаменитые примеры того, как лидеры государств проводили катастрофическую политику, потому что заблуждались относительно ее последствий, однако невежество может объяснить в лучшем случае небольшую часть мирового неравенства.

Один из подобных печальных примеров экономического невежества – устойчивый экономический спад в Гане, начавшийся почти сразу после обретения этой страной независимости от Великобритании. Английский экономист Тони Киллик, работавший советником в правительстве первого президента страны Кваме Нкрумы, подробно описал многие проблемы. Политика Нкрумы была сосредоточена на развитии государственного промышленного сектора, что оказалось весьма неэффективным. Киллик вспоминает:

«Обувная фабрика... будет соединена транспортной артерией длиной 500 километров со скотобойней и мясным заводом, находящимися на севере, и (ныне заброшенным) кожевенным заводом на юге. В результате выделанную кожу придется доставлять с кожевенного завода на обувную фабрику в центре страны, в Кумаси, то есть еще 200 километров на

север. А поскольку основной рынок сбыта обуви располагается в районе столицы страны Аккры, обувь придется везти обратно на юг, это еще 200 километров».

Киллик, несколько смягчая, указывает далее, что это было предприятие, «чья жизнеспособность была изначально подорвана неправильным расположением». Обувная фабрика была только одним из таких проектов. Другим был завод по консервированию манго, который был расположен в той части Ганы, в которой не растет манго, и чей объем выпуска должен был превышать весь мировой спрос на консервированное манго. Однако этот бесконечный список экономически иррациональных проектов не был следствием плохой информированности или экономического невежества Нкрумы и его советников. У них были люди вроде самого Киллика, а в числе советников был даже лауреат Нобелевской премии по экономике сэр Артур Льюис, который прекрасно знал, что такая экономическая политика не принесет пользы. Принятая Нкрумой на вооружение экономическая политика была нужна ему для обеспечения стабильности своего отнюдь не демократического режима, а также для банальной покупки политических сторонников.

Ни в случае с получившей независимость Ганой, ни во многих других случаях вину за разочаровывающие результаты экономического развития нельзя просто возложить на чье-то невежество. В конце концов, если бы дело было в невежестве, то действующие из лучших побуждений лидеры быстро бы поняли, какая именно экономическая политика увеличивает благосостояние и доходы людей, и начали бы склоняться именно к такой политике.

Возьмем, например, расходящиеся траектории развития Мексики и США. Винить в этом невежество лидеров в лучшем случае наивно. Не разница в образовании или намерениях Джона Смита и Эрнана Кортеса заложила вектор этих расходящихся траекторий и не разница в объеме экономических знаний заставила президента Мексики Порфирио Диаса в конце XIX – начале XX века выбрать экономическую политику, которая обогащала элиту за счет всего остального населения, в то время как американские президенты того времени – Тедди Рузвельт и Вудро Вильсон – проводили противоположную политику. Совершенно различные институциональные ограничения, в рамках которых действовали президенты и элиты, – вот что отличало США от Мексики. Точно так же лидеры тех африканских стран, которые прозябают в бедности последние полвека и население которых страдает от незащищенности прав собственности и неэффективности экономических институтов, довели до нищеты большую часть своих граждан не потому, что считали проводимую ими экономическую политику хорошей. Они проводили ее потому, что считали, что им все сойдет с рук и они могут обогащаться за счет других, – или потому, что считали это удачной политической стратегией, которая позволит им удержаться у власти, покупая поддержку элит и других ключевых групп общества.

Опыт Кофи Бусиа, премьер-министра Ганы в 1971 году, иллюстрирует, до какой степени неверной может быть теория невежества. Бусиа пришлось иметь дело с опасным экономическим кризисом. После прихода к власти в 1969-м Бусиа, так же как прежде Нкрума, проводил несбалансированную инфляционную экономическую политику и удерживал цены при помощи управления сбытом и завышения курса национальной валюты. Хотя Бусиа был политическим оппонентом Нкрумы и его правительство было демократическим, он попал в ту же самую политическую западню. Как и Нкрума, он проводил подобную экономическую политику не из-за собственного невежества или веры в то, что это и есть рецепт экономического успеха для страны. Подобная стратегия была избрана потому, что она приносила политические дивиденды, позволяя Бусиа перераспределять ресурсы в пользу влиятельных групп населения, например городских жителей. Контроль над ценами выжимал все соки из сельского хозяйства, позволяя обеспечивать дешевой едой сторонников правительства в городах и генерируя прибыль, которая шла на погашение других бюджетных расходов. Однако поли-

тика контроля над ценами не могла быть успешной в течение долгого времени. Вскоре Гана столкнулась с серией кризисов платежного баланса и недостатком иностранной валюты. В этой ситуации 27 декабря 1971 года Бусиа был вынужден подписать соглашение с Международным валютным фондом, которое предусматривало резкое снижение курса национальной валюты.

МВФ, Всемирный банк и все международное сообщество оказывали давление на Бусиа, чтобы заставить его осуществить реформы, предусмотренные соглашением. Но хотя международные институты находились в блаженном неведении, сам Бусиа знал, что идет на огромный политический риск. Немедленным следствием девальвации национальной валюты стали массовые беспорядки и рост недовольства в столице страны Аккре. Эти беспорядки усиливались и наконец вышли из-под контроля, и тогда Бусиа был свергнут военными во главе с подполковником Ачампонгом, который сразу же отменил девальвацию.

Теория о невежестве отличается от географической и культурной теорий тем, что содержит и ответ на то, как решить проблему бедности: если невежество является ее причиной, то информация и просвещение помогут с ней справиться. В таком случае мы можем «спроектировать» процветание во всем мире, просто давая правильные советы и убеждая политиков им следовать. Однако опыт Бусиа подчеркивает то обстоятельство, что главным препятствием к проведению экономической политики, которая могла бы исправить провалы рынка и стимулировать экономический рост, является не невежество политиков, а стимулы и институциональные ограничения, с которыми приходится иметь дело этим политикам.

Хотя теория о невежестве все еще популярна среди экономистов и западных экспертов по экономической политике и зачастую заставляет их игнорировать все остальные подходы, кроме такого вот «проектирования процветания», на самом деле это всего лишь еще одна неработающая теория. Она не может объяснить ни причины взрывного экономического роста в прошлом, ни сегодняшнее положение вещей – например, почему в таких странах, как Мексика и Перу (а не в США и не в Англии), установились институты, которые приводят к тому, что большая часть населения живет в бедности? Или почему почти все страны Африки южнее Сахары настолько беднее стран Западной Европы или Восточной Азии?

Когда странам удается сойти с институционального пути, который ведет их к бедности, и встать на путь устойчивого экономического роста, это происходит не потому, что их невежественные правители вдруг прозревают, начинают меньше заботиться о собственном кармане или получают советы более квалифицированных экономистов. Одна из стран, которая сменила экономическую политику, ведущую к нищете и массовому голоду, на другую, обеспечивающую экономический рост, – это Китай. Однако, как мы увидим ниже, это произошло не потому, что Коммунистическая партия Китая наконец осознала, что коллективная собственность на сельскохозяйственные земли и промышленность создает ужасно неэффективные экономические стимулы. Нет, Дэн Сяопин и его соратники не меньше заботились о собственном благополучии, чем их противники в партии, но они имели другие политические цели: прежде всего они спланировали что-то вроде небольшого переворота и устранили своих влиятельных оппонентов, радикально поменяв все руководство партии, а затем и генеральную линию ее политики. Их экономические реформы, возродившие рыночные стимулы сначала в сельском хозяйстве, а потом и в промышленности, были только следствием политических изменений. Политика, а не хорошие советники или внезапное прозрение, стояла за сменой коммунизма на рыночную экономику.

В этой книге мы покажем, что для того, чтобы понять мировое неравенство, необходимо разобраться в том, почему некоторые общества организованы столь неэффективно. Более того, этим странам иногда удается создать эффективные институты и добиться процветания, но, увы, это редкие случаи. Большинство экономистов и советников при пра-

вительствах всегда сосредоточены на том, как сделать «все правильно», однако что действительно нужно – так это понять, почему бедные страны делают «все неправильно». А они делают «все неправильно» чаще всего не из-за невежества своих правителей или культуры народа. Они делают «все неправильно» не по ошибке, а абсолютно намеренно. Чтобы понять, почему так происходит, нужно выйти за пределы экономической науки и на время забыть теории экспертов, знающих, «как все сделать правильно». Наоборот, нужно понять, как на самом деле принимаются решения, кто получает право их принимать и почему эти люди принимают именно такие решения, какие принимают. Традиционно экономисты игнорировали политику, но именно понимание того, как работает политическая система, является ключом к тому, чтобы объяснить мировое экономическое неравенство. Как отметил в 1970-е годы экономист Абба Лернер, «экономика получила титул королевы общественных наук, занявшись проблемами, которые в политическом измерении уже были решены».

Мы утверждаем, что путь к процветанию лежит через решение базовых политических проблем. Именно потому, что экономика исходила из того, что политические проблемы уже решены, она не смогла найти убедительного объяснения мировому неравенству. Чтобы дать такое объяснение, необходимо привлечь экономику – иначе невозможно понять, как различная экономическая политика и различное социальное устройство влияют на экономические стимулы и поведение. Но это объяснение не в меньшей степени связано и с политикой.

Глава 3

Как возникают богатство и бедность

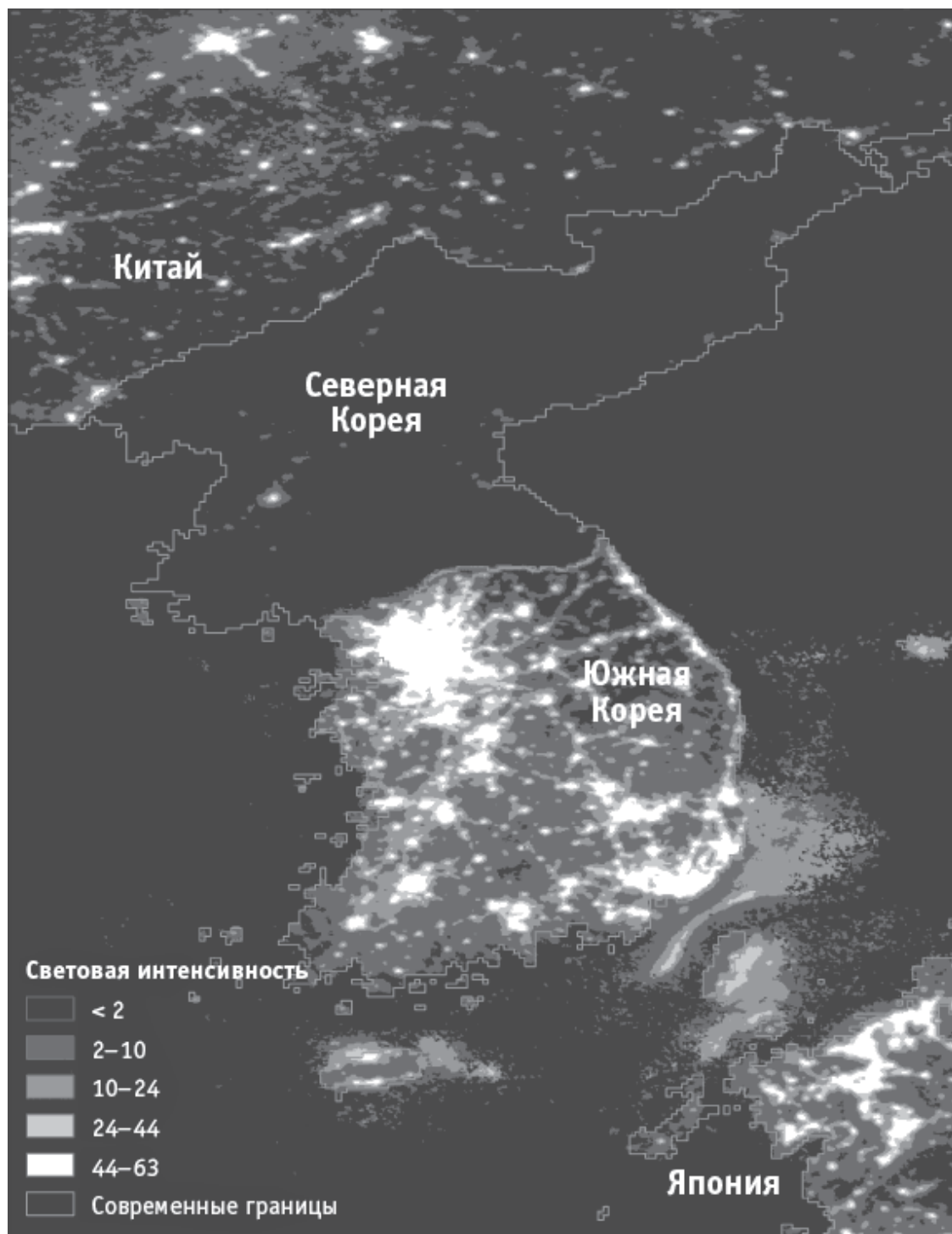
Экономика 38-й параллели

Летом 1945 года Вторая мировая война близилась к концу, и японская колониальная администрация на Корейском полуострове тоже доживала последние дни. В течение всего лишь месяца после безоговорочной капитуляции Японии (15 августа) Корея была разделена вдоль 38-й параллели на две сферы влияния: на юге всем заправляли американцы, на севере – русские. Непрочный мир в эпоху холодной войны продержался до июня 1950 года, когда армия Северной Кореи вторглась на Юг. Хотя первоначально войскам северян удалось продвинуться довольно далеко и даже захватить столицу Южной Кореи Сеул, уже к осени им пришлось отступить. Именно тогда житель Сеула Хван Пён Вон был разлучен с братом. Во время оккупации Хвану удалось спрятаться и избежать призыва в северокорейскую армию. После ухода северян он остался в Сеуле и продолжал работать аптекарем. Но его брата, врача в армейском южнокорейском госпитале, насильно увели с собой на Север отступающие солдаты Северной Кореи. Братья, разлученные в 1950 году, снова встретились в Сеуле лишь в 2000-м, через пятьдесят лет, после того как правительства обеих Корей согласились наконец начать ограниченную программу воссоединения семей.

Будучи врачом, брат Хван Пён Вона в конце концов был направлен на работу в военно-воздушные силы – отличная карьера в условиях милитаризованной диктатуры. Но даже жизнь привилегированных граждан Северной Кореи трудно назвать безбедной. Когда братья встретились, Хван Пён Вон стал расспрашивать, как живет к северу от 38-й параллели. У него была машина, а у брата не было. «А телефон у тебя есть?» – спросил он брата. «Нет, – ответил брат. – Есть у дочки, она работает в министерстве иностранных дел. Но чтобы позвонить, нужно знать специальный код». Хван Пён Вон заметил, что все северяне – участники встречи просили у своих южных родственников деньги, и тоже предложил брату денег. Но брат ответил: «Если я вернусь с деньгами, правительство скажет: „Отдай эти деньги нам”, так что лучше не надо». Заметив, какое у брата изношенное пальто, Хван Пён Вон предложил: «Сними свое пальто и оставь его мне, а обратно поезжай в моем». – «Я не могу, – ответил брат, – это пальто я взял напрокат у правительства, чтобы в нем поехать на встречу». Когда они прощались, Хван Пён Вон чувствовал, что брату не по себе и он сильно нервничает, словно боится, что их подслушивают. Он был еще беднее, чем Хван мог себе представить. Брат рассказывал, что живет хорошо, но выглядел ужасно и был худой, как спичка.

Жизненные стандарты жителей Южной Кореи находятся на уровне Португалии и Испании. На Севере, в так называемой Корейской Народно-Демократической Республике, она же Северная Корея, уровень жизни сравним с уровнем жизни в Африке южнее Сахары, то есть примерно в десять раз ниже, чем на Юге. Состояние здоровья северных корейцев и того хуже; средняя ожидаемая продолжительность жизни на Севере на целых десять лет меньше, чем на Юге.

Карта 7 иллюстрирует драматический разрыв в уровне жизни двух Корей. Ночные снимки из космоса показывают степень освещенности территории. В то время как Южная Корея залита ярким светом, ее северный сосед погружен в полную тьму – на ночное освещение не хватает электричества.

Карта 7. *Залитая светом Южная Корея и погруженный во мрак Север*

Эти фантастические различия не пришли к нам из глубины веков. На самом деле их не существовало вплоть до конца Второй мировой войны. Но после 1945 года два правительства – на Севере и на Юге – взяли на вооружение совершенно разную экономическую политику. Экономическая политика и основные государственные институты Южной Кореи были сформированы возглавившим страну выпускником Гарварда и Принстона, непреклонным антикоммунистом Ли Сын Маном, который был избран на пост президента в 1948 году и правил при серьезной поддержке США. Закаленная в Корейской войне и жившая под постоянной угрозой коммунистической агрессии, Южная Корея отнюдь не была демократией. И

Ли Сын Ман, и самый знаменитый из его преемников Пак Чон Хи вошли в историю как авторитарные лидеры. Однако оба они управляли рыночной экономикой, в которой уважалась частная собственность. После 1961 года Пак смог эффективно использовать всю мощь государства для того, чтобы ускорить экономический рост: кредиты и субсидии самым успешным фирмам помогли сделать Южную Корею процветающей страной.

Ситуация к северу от 38-й параллели была совсем другой. Ким Ир Сен, во время Второй мировой сражавшийся против японцев во главе партизан-коммунистов, в 1947 году стал диктатором при поддержке Советского Союза. Он ввел жесткую систему центрального планирования экономики, основанную на его идеологической доктрине – чучхе. Частная собственность была объявлена вне закона, рыночные отношения запрещены. У граждан были отняты не только экономические свободы; все стороны жизни граждан Северной Кореи были жестоко регламентированы – это не касалось лишь небольшой группы приближенных самого Ким Ир Сена и его сына и будущего наследника Ким Чен Ира.

Для нас не будет сюрпризом, что экономическое развитие двух Корей пошло в совершенно разных направлениях. Командная экономика Ким Ир Сена и идеология чучхе очень скоро обернулись катастрофой для страны. Подробная статистика по Северной Корее недоступна, поскольку эта страна, мягко говоря, не отличается открытостью. Тем не менее имеющиеся данные подтверждают то, о чем мы догадываемся, наблюдая частые голодовки в этой стране: не только промышленность страны так и не смогла подняться на ноги, но и сельское хозяйство испытало регресс: производительность труда крестьян снизилась! Запрет частной собственности привел к тому, что у людей не осталось стимулов для того, чтобы инвестировать, усердно работать или хотя бы поддерживать прежнюю производительность труда. Собственные инновации или даже заимствование чужих инноваций невозможны в удушающей атмосфере репрессий. Однако ни Ким Ир Сен, ни Ким Чен Ир, ни их приспешники не имели ни малейшего намерения как-то реформировать систему, разрешить частную собственность, рыночные отношения и свободу контрактов, менять политические или экономические институты. Поэтому экономическая стагнация Северной Кореи продолжается.

Тем временем в Южной Корее экономические институты стимулировали инвестиции и развитие торговли. Южнокорейские лидеры не жалели средств на образование, и им удалось достичь высоких показателей грамотности и образования в целом. Южнокорейские компании быстро сориентировались и создали собственную модель бизнеса, построенного на сочетании относительно образованной рабочей силы и государственного стимулирования инвестиций, индустриализации, экспорта и заимствования технологий. Южная Корея быстро стала очередным азиатским «экономическим чудом» и одной из самых быстрорастущих экономик в мире.

К концу 1990-х годов, всего лишь через полвека после разделения, рост в Южной Корее и стагнация в КНДР привели к десятикратной разнице в уровне доходов между двумя частями этой когда-то единой страны. Представьте, какая разница может возникнуть между ними через пару столетий! Экономическая катастрофа в Северной Корее, которая погрузила миллионы людей в пучину голода, особенно поразительна именно при сравнении с ситуацией в Южной Корее: ни культура, ни география, ни разница в образовании не могут объяснить расходящиеся все дальше траектории развития двух Корей. Мы должны изучить институты этих стран, чтобы найти ключ.

Экстрактивные и инклюзивные экономические институты

Экономический успех той или иной страны зависит от институтов – правил, по которым работает ее экономика, – и стимулов, которые получают ее граждане. Сравните подростков в Южной и Северной Корее: чего они ждут от жизни? Подростки на севере растут в бедности, без представления о том, что такое предпринимательство, наконец, без образования, которое могло бы подготовить их к квалифицированному труду. Большая часть образования, которое они получают в школе, – чистая пропаганда, предназначенная для того, чтобы как-то подкрепить легитимность политического режима; у них не так много книг, а тем более – компьютеров. После окончания школы каждый обязательно должен идти в армию, и срок службы составляет десять лет. Хотя для того, чтобы выжить, им приходится заниматься нелегальными экономическими операциями, эти подростки знают, что у них никогда не будет права частной собственности, возможности начать бизнес и разбогатеть. Точно так же они знают, что у них никогда не будет легальной возможности использовать свои способности, чтобы заработать на покупку товаров и услуг, которые им необходимы или о которых они мечтают. Они даже не могут быть уверены в том, останутся ли у них хоть какие-то личные права.

Подростки на юге получают отличное образование, а экономические стимулы подталкивают их к тому, чтобы усердно работать и преуспевать в выбранной специальности. Южная Корея – это рыночная экономика, построенная на частной собственности. Южнокорейские подростки знают, что, если они будут успешными предпринимателями или наемными профессионалами, они смогут воспользоваться плодами своих усилий, повысить свой уровень жизни, купить дом, машину и получить качественные медицинские услуги.

На юге государство поддерживает рост экономики. Это помогает предпринимателям получать ссуды в банках и занимать деньги на бирже; иностранные компании могут устанавливать партнерские отношения с южнокорейскими фирмами; даже отдельным гражданам проще получить ипотечный кредит на покупку дома. На юге, в общем и целом, вы вправе открыть любой бизнес, какой захотите, но на севере это совсем не так. На юге вы можете нанимать работников, продавать свои товары и услуги на свободном рынке и на нем же покупать все, что вам захочется, – а на севере существует только черный рынок. Таковы институты, определяющие жизнь в Южной и Северной Корее.

Экономические институты, подобные тем, что существуют в США или Южной Корее, мы назовем *инклюзивными*.¹⁴ Они разрешают и, более того, стимулируют участие больших групп населения в экономической активности, а это позволяет наилучшим образом использовать их таланты и навыки, при этом оставляя право выбора – где именно работать и что именно покупать – за каждым отдельным человеком. Частью инклюзивных институтов обязательно являются защищенные права частной собственности, беспристрастная система правосудия и равные возможности для участия всех граждан в экономической активности; эти институты должны также обеспечивать свободный вход на рынок для новых компаний и свободный выбор профессии и карьеры для всех граждан.

Различия между севером и югом Кореи или между США и Латинской Америкой иллюстрируют фундаментальный принцип. Инклюзивные институты способствуют экономическому росту, повышению производительности труда и процветанию. Защищенные права

---

¹⁴ От англ. *inclusive* – «включающие в себя», «объединяющие».

частной собственности являются их центральным элементом потому, что только те, чьи права собственности защищены, будут готовы инвестировать и повышать производительность труда. Бизнесмен, который предполагает, что все, что он сможет заработать, украдут, экспроприируют или обложат непосильным налогом, не имеет стимулов к работе, не говоря уже об инвестициях и инновациях. Но важно, однако, чтобы права собственности были защищены не только у экономической элиты, а и у широких слоев населения.

В 1680 году английское правительство провело перепись населения своих колоний на острове Барбадос в Вест-Индии. Выяснилось, что в колонии живут около 60 тысяч человек, из которых почти 39 тысяч были африканскими рабами, а оставшаяся треть населения, соответственно, рабовладельцами. Большей частью рабов владели всего 175 крупнейших сахарных плантаторов, им же принадлежала большая часть земли. Их право частной собственности – как на землю, так и на рабов – было отлично защищено. Если один плантатор хотел продать рабов другому, он мог рассчитывать на то, что условия купчей, как и любого другого подписанного ими договора, будут строго соблюдаться. Почему? Дело в том, что из сорока судей и мировых судей на острове двадцать девять сами являлись крупными плантаторами. Кроме того, все восемь высших армейских чинов гарнизона острова тоже были плантаторами. Несмотря на то, что права частной собственности этой элиты были отлично защищены, на Барбадосе не существовало инклюзивных экономических институтов: две трети его населения составляли рабы, не имевшие доступа ни к образованию, ни возможности заниматься предпринимательством; у них отсутствовали даже стимулы для того, чтобы усердно работать и развивать свои врожденные таланты. Инклюзивные экономические институты требуют, чтобы доступом к участию в экономической активности и защитой прав собственности пользовались различные слои общества, а не только элита.

Защита прав собственности (и вообще судебная система), общественные блага, свобода контрактов и торговли – все это зависит от государства, то есть институции, которая может применить силу для установления порядка, предотвращения хищения и мошенничества и, наконец, для принуждения к исполнению контрактов, заключенных частными лицами и компаниями. Чтобы успешно функционировать, обществу нужны и другие общественные блага: дороги, транспортная система и другая инфраструктура, которая позволит развиваться торговле; правовая система и регулирование экономической активности, которые помогут предотвратить злоупотребления. Хотя многие из этих благ могут быть созданы и частными компаниями, уровень координации, необходимый в масштабе целой страны, так высок, что часто нет иной возможности, кроме как делегировать функции по их производству государству. Государство, таким образом, неизбежно переплетено с экономикой, поскольку в его функции входит обеспечение правопорядка, защиты частной собственности и исполнения контрактов, а зачастую и производство и предоставление ключевых общественных благ. Инклюзивные экономические институты нуждаются в государстве и используют его.

Экономические институты Северной Кореи или колоний в Латинской Америке – такие как мита, энкомьендо и «управление товарами» (*repartimento*), которые мы описали ранее, – не обладают нужными качествами. Частная собственность в Северной Корее просто отсутствует. В Латинской Америке частной собственностью могли владеть испанцы; собственность же местного населения была совершенно незащищенной. Ни в Северной Корее, ни в колониальной Латинской Америке у широких слоев населения не было возможности принимать экономические решения исходя из своих собственных желаний и предпочтений; наоборот, они стали жертвами жестокого принуждения. В Северной Корее государство построило образовательную систему, которая направлена только на промывание мозгов и пропаганду; однако предотвратить массовый голод государство не смогло. В Латинской Америке колониальная администрация была занята тем, что принуждала местное насе-

ние работать почти бесплатно. Ни здесь, ни там не существовало ни независимой правовой системы, ни равных возможностей для всех. В Северной Корее правовая система является всего лишь одним из инструментов в руках коммунистической партии; в Латинской Америке она в основном использовалась для того, чтобы поддерживать дискриминацию коренного населения. Мы называем подобные институты – те, которые имеют свойства, противоположные инклюзивным, – *экстрактивными* институтами.¹⁵ Экстрактивными – то есть направленными на то, чтобы выжать максимальный доход из эксплуатации одной части общества и направить его на обогащение другой части.

---

¹⁵ От англ. *to extract* – «извлекать», «выжимать».

Двигатели процветания

Инклюзивные экономические институты помогают создать инклюзивные рынки, которые не только дают людям возможность свободно выбрать профессию, больше всего соответствующую их таланту, но и предоставляют им равные возможности овладеть ею. Те, у кого есть интересные идеи, могут использовать их для открытия собственного бизнеса; люди будут стремиться выбрать работу, на которой их производительность будет максимальной; наконец, менее эффективные бизнесы постепенно будут вытеснены более эффективными. Давайте сравним, как люди выбирают себе занятия в условиях инклюзивных институтов и как они делали это в Боливии и Перу в условиях господства миты. Множество коренных жителей Латинской Америки принуждались к работе в серебряных и ртутных шахтах, вне зависимости от их желания или навыков.

Инклюзивный рынок – это не просто свободный рынок. На Барбадосе в XVII веке тоже работали рыночные механизмы. Но при этом там отсутствовали права частной собственности для всех, кроме узкой группы плантаторов, а значит: рынок Барбадоса не был инклюзивным; наоборот, работорговля была одним из механизмов принуждения большей части населения к труду и лишения их возможности выбирать занятия в соответствии со своими склонностями и талантами.

Инклюзивные экономические институты также готовят почву для успешной работы двух важнейших двигателей экономического роста и процветания: технологических инноваций и образования. Устойчивый экономический рост почти всегда сопровождается технологическими инновациями, которые помогают повысить производительность всех трех факторов производства: человеческого труда, земли и капитала (то есть совокупности всего необходимого имущества – зданий, уже имеющегося оборудования и т. д.). Вспомним наших прадедов, которые жили больше ста лет назад: у них не было ни самолетов, ни автомобилей, ни большей части лекарств и медицинских услуг, которые мы сейчас воспринимаем как само собой разумеющееся, не говоря уже о водопроводе и канализации, кондиционерах, торговых центрах, радио и кинематографе и уж тем более не говоря об информационных технологиях, робототехнике и станках с программным управлением. А если углубиться в историю еще на несколько поколений, мы увидим еще более низкий уровень жизни и уровень научно-технического развития – до такой степени низкий, что нам иногда трудно представить себе, как люди вообще выживали в таких условиях. Повышение уровня технологического развития происходит благодаря науке и таким предпринимателям, как Томас Эдисон, который использовал научные идеи, чтобы создать прибыльный бизнес. А этот процесс создания инноваций возможен благодаря экономическим институтам, которые поддерживают частную собственность, гарантируют исполнение контрактов, равенство возможностей и доступ на рынок для новых игроков, которые приносят с собой и новые технологии. Поэтому нас не должно удивлять, что Томас Эдисон реализовал свои возможности именно в Соединенных Штатах, а не в Перу или Мексике. Точно так же именно поэтому высокотехнологичные компании, такие как *Samsung* и *Hyundai*, появляются в Южной Корее, а не в Северной.

Напрямую с технологическим развитием связаны образование, навыки, компетенции и ноу-хау, которые люди приобретают в школе, дома и на работе. Сегодня мы гораздо более производительны, чем наши предки сто лет назад, и не только потому, что у нас есть высокотехнологичные станки и машины, но и потому, что рабочая сила стала гораздо более квалифицированной. Все технологии на свете были бы бесполезны, если бы рабочие не знали, как управлять построенными на основе этих технологий станками. Однако навыки и компетенции важны не только потому, что позволяют управлять сложными устройствами. Люди могут использовать полученное ими образование для того, чтобы делать научные и техно-

логические открытия, на основе которых заработают новые отрасли экономики. В первой главе мы видели, что многие изобретатели времен промышленной революции и даже более поздней эпохи (как тот же Томас Эдисон) не были слишком хорошо образованы. Однако тогдашние инновации были гораздо более простыми, чем в наше время. Нынешний уровень технологического развития требует высокого уровня образования – как от самих изобретателей, так и от работников, которые будут пользоваться их изобретениями. И как раз в такой ситуации особенно важно, чтобы экономические институты обеспечивали людям равные возможности. Скажем, США могут вырастить (или привлечь из-за рубежа) таких людей, как Билл Гейтс, Стив Джобс, Сергей Брин, Ларри Пейдж и Джефф Безос, а также сотни ученых, которые совершат открытия в области био- и информационных технологий, ядерной энергетики или в других технологических отраслях и построить бизнес на основе этих технологий. На рынке всегда велико предложение квалифицированных кадров, потому что большинство подростков могут достичь таких высоких ступеней образования, каких только хотят (или, по крайней мере, могут в силу природных способностей). Сравните эту ситуацию с положением дел в Конго или на Гаити, где значительная часть детей не могут получить никакого образования, а те, кто могут ходить в школу, сталкиваются с нигде не годным качеством обучения: учитель может вообще не выйти на работу, а если и выйдет, то у него все равно не хватает учебников на всех детей.

Низкий уровень образования в бедных странах связан с тем, что экономические институты не создают стимулов, которые побудили бы родителей инвестировать в обучение своих детей, а политические институты не заставляют правительство строить школы, нанимать учителей и требовать, чтобы эти учителя соответствовали требованиям родителей и самих детей. За низкий уровень образования и отсутствие инклюзивных рынков такие страны платят высокую цену: они не могут применить таланты своих граждан. В этих странах, вероятно, живет много потенциальных Биллов Гейтсов, а может быть, и один-другой Альберт Эйнштейн, которые, однако, не смогли получить образование и поэтому вынуждены заниматься земледелием или проходить обязательную военную службу. Шансов реализоваться в профессии, для которой они родились, им в жизни не представилось.

Способность экономических институтов использовать потенциал инклюзивных рынков, поощрять технологические инновации, инвестировать в человеческий капитал и мобилизовать таланты и навыки значительного числа людей – это необходимое условие экономического роста. Объяснение, почему так часто экономические институты неспособны достичь этих простых целей, – центральная тема нашей книги.

Экстрактивные и инклюзивные политические институты

Все экономические институты созданы обществом. Например, экономические институты Северной Кореи были навязаны стране коммунистами, которые пришли к власти в стране в 1940-е годы, а конкистадоры навязали экономические институты колониальной Латинской Америке. Экономические институты в Южной Корее оказались совсем другими, потому что совсем другие люди с другими интересами и целями формировали общественные и государственные институты этой страны. Другими словами, Южную Корею отличала от Северной ее политическая система.

Политика – это процесс, в ходе которого определяется, кто будет управлять страной. Политика связана с институтами по одной простой причине: несмотря на то, что инклюзивные экономические институты способствуют росту и процветанию страны, некоторым людям или группам людей, таким, например, как элита коммунистической партии Северной Кореи или плантаторы острова Барбадос, может быть выгоднее, если в стране действуют экстрактивные институты. Если в обществе существуют разные взгляды на то, какие институты следует устанавливать, то конечный результат зависит от того, кто победит в политической игре, то есть сможет заключить выгодный альянс, получить более широкую поддержку или дополнительные ресурсы. Короче говоря, победа в политической игре зависит от распределения власти между разными группами в обществе.

Политические институты – ключевой фактор в этой игре, именно они в конечном счете определяют победителя. Политические институты – это совокупность правил, которые формируют систему стимулов для различных политических игроков. Они определяют, как именно формируется правительство и какие права есть у различных его ведомств. Иными словами, политические институты определяют, у кого в обществе есть власть и как этот кто-то может ее использовать. Если власть сосредоточена в одних руках и ничем не ограничена, значит, мы имеем дело с институтом абсолютной монархии (именно эта форма правления была распространена по всему миру на протяжении большей части его истории). Абсолютистские политические институты, такие как в Северной Корее или колониальной Латинской Америке, помогают тем, кто обладает властью, подстроить экономические институты под себя, то есть приспособить их для собственного обогащения и для дальнейшего укрепления своей власти за счет всех остальных. Политические институты, которые распределяют власть между разными силами и группами в обществе и при этом ограничивают все эти группы в применении этой власти, порождают плюралистические политические системы. Вместо того чтобы сосредоточиться в одних руках, власть в таких странах принадлежит широкой коалиции политиков или даже распределена среди множества общественных групп.

Разумеется, между политическим плюрализмом и инклюзивными экономическими институтами существует прямая связь. Однако ключ к пониманию этой связи – осознание того факта, что не один лишь политический плюрализм США или Южной Кореи обеспечивает им инклюзивные экономические институты. Важную роль играет и в достаточной степени централизованное и сильное государство. Особенно отчетливо это видно при сравнении с такой восточноафриканской страной, как Сомали. Как мы увидим далее, политическая власть в Сомали была долгое время распылена между различными группировками. В ситуации, когда нет ни одного игрока, достаточно сильного, чтобы контролировать остальных и решать, что они могут делать, а что не могут, общество разделяется между непримиримыми кланами, и ни один из них не может стать доминирующей силой. Власть каждого клана ограничена только силой другого. Такое распределение власти в обществе ведет не к

появлению инклюзивных экономических институтов, а к хаосу, неизбежному в отсутствие минимальной политической и, следовательно, государственной централизации. Государство не может обеспечить минимальный уровень порядка, необходимый для развития экономики и торговли, или даже элементарную безопасность граждан.

Макс Вебер, с которым мы уже встречались в предыдущей главе, дал самое знаменитое и широко признанное определение ключевого признака государства – «монополизации легитимного физического насилия» в обществе. В отсутствие такой монополизации плюс некоторого уровня централизации, который эта монополизация влечет за собой, государство не может выполнять свою функцию по поддержанию законности и порядка, не говоря уже о предоставлении общественных благ и поддержке и регулировании экономической активности. Когда государство не может достичь минимально приемлемого уровня политической централизации, общество рано или поздно погружается в хаос, как это произошло в Сомали.

Мы будем называть инклюзивными политические институты, которые являются одновременно достаточно плюралистическими и централизованными. Если хотя бы одно из этих условий не соблюдено, мы будем классифицировать политические институты как экстрактивные.

Между экономическими и политическими институтами существует сильная синергия. Экстрактивные политические институты концентрируют власть в руках элиты и не ограничивают ее в том, как и на что это власть может употребляться. В свою очередь, эта элита конструирует экстрактивные институты, которые позволяют ей эксплуатировать остальное население. Таким образом, экстрактивные экономические институты естественным образом возникают в условиях действия экстрактивных политических институтов. На самом деле, первые не могут выжить без вторых. Инклюзивные политические институты, распределяя власть среди широкого круга лиц, будут неизбежно разрушать основу таких экономических институтов, которые поддерживают экспроприацию ресурсов у большинства населения, создают барьеры для входа новых игроков на рынок и в целом ограничивают круг бенефициаров рыночной экономики узким кругом властных элит.

Например, на Барбадосе плантации, основанные на эксплуатации рабов, не могли бы выжить без политической системы, которая подавляла и полностью исключала рабов из политической жизни. Точно так же экономическую систему Северной Кореи, которая держит в нищете миллионы людей, но обеспечивает благополучие коммунистической элиты, нельзя себе представить в отсутствие тотального контроля коммунистической партии над обществом.

Такая синергия между экстрактивными экономическими и экстрактивными политическими институтами способствует их взаимному укреплению: политические институты позволяют властной элите сформировать экономические институты, которые не накладывают ограничений на саму элиту и препятствуют появлению новых крупных игроков. Кроме того, появляется возможность определять направление эволюции самих политических институтов. В свою очередь, экстрактивные экономические институты обогащают элиту, что позволяет использовать накопленное богатство для закрепления политического доминирования. Так, на Барбадосе и в Латинской Америке установленный колонизаторами политический режим дал им возможность сформировать такую политическую систему, которая позволяла сколачивать состояния, эксплуатируя всех остальных жителей. Ресурсы, которые элита в результате заполучила в свои руки, были направлены на то, чтобы создать такие армию и полицию, которые защищали бы монополию элиты на власть. Очевидный вывод состоит в том, что экстрактивные политические и экстрактивные экономические институты поддерживают друг друга и поэтому отличаются устойчивостью.

Их синергия, однако, не ограничивается только этим. Если в условиях экстрактивных политических институтов появляется конкурирующая группа с иными интересами и ей уда-

ется одержать победу, она, как и ее предшественники, почти не ограничена в том, как и на что она использует полученную власть. Это создает для пришедшей к власти группы стимулы сохранить экстрактивные политические и воссоздать экстрактивные экономические институты, как это сделал Порфирио Диас в Мексике конца XIX века.

В свою очередь, инклюзивные экономические институты появляются в результате работы инклюзивных политических институтов, которые распределяют власть среди широкого круга граждан и накладывают ограничения на ее произвольное применение. Они также затрудняют узурпацию власти какой-либо одной группой и препятствуют разрушению собственных основ. Иначе говоря, власть не может в таких условиях построить экстрактивные экономические институты, которые будут выгодны только ей одной. А инклюзивные экономические институты тем временем распределяют доходы и активы среди более широкого круга лиц, что обеспечивает устойчивость инклюзивных политических институтов.

Неслучайно уже через год после того, как Вирджинская компания освободила колонистов от необходимости выполнять ее кабальные договоры и передала им землю в собственность (1618), совет колонии постановил, что колония должна управляться самими колонистами. Экономические права, которые получили колонисты, не были бы восприняты ими всерьез, если бы не были подкреплены правами политическими: они еще не забыли, как Вирджинская компания силой пыталась принудить поселенцев работать. И уж тем более, не имея колонисты политических прав, построенная ими экономика не могла бы стать устойчивой и процветающей в долгосрочной перспективе. В действительности комбинация экстрактивных и инклюзивных институтов обычно оказывается весьма нестабильной. Как видно из нашего обсуждения истории Барбадоса, экстрактивные экономические институты вряд ли могут выжить в условиях инклюзивных политических институтов.

Также и инклюзивные экономические институты не могут стать ни основой, ни результатом работы экстрактивных политических институтов. Либо они будут превращены в экстрактивные и станут служить только интересам узкой группы властной элиты, либо экономическая динамика, которую они породят в системе, в конце концов дестабилизирует экстрактивные политические институты и трансформирует их в инклюзивные. Кроме того, инклюзивные экономические институты обычно уменьшают ренту, которую элита могла бы извлекать, пользуясь экстрактивными политическими институтами: когда на рынках конкурирует много сильных игроков, каждый из них, включая аффилированных с элитой, ограничен необходимостью соблюдать контракты и уважать частную собственность контрагентов.

Почему выбор в пользу процветания делается не всегда?

Политические и экономические институты, которые в конце концов выбирает себе страна, могут быть инклюзивными и способствовать экономическому росту, а могут быть экстрактивными и экономическому росту препятствовать. Страны, в которых действуют экстрактивные экономические институты, опирающиеся на тормозящие (или вовсе останавливающие) экономический рост политические институты, рано или поздно терпят крах и гибнут. Именно поэтому политический процесс выбора институтов является центральным для понимания того, почему одни страны добиваются успеха, а другие терпят крах. Мы должны понять, почему в некоторых странах политические процессы приводят к созданию инклюзивных институтов, способствующих росту экономики, тогда как в большинстве стран мира на протяжении всей истории человечества политические процессы вели и ведут к ровно противоположному результату: утверждению экстрактивных институтов, мешающих экономике расти.

Может показаться самоочевидным, что все без исключения заинтересованы в построении таких институтов, которые ведут к процветанию. Разве любой гражданин, любой политик, даже самый жестокий диктатор не захочет сделать свою страну процветающей?

Давайте вернемся в Королевство Конго, которое мы обсуждали выше. Хотя это государственное образование распалось в XVII веке, оно дало имя современной стране, Демократической Республике Конго (Заир), которая получила независимость от Бельгии в 1960 году. Независимое государство Конго под управлением Жозефа Мобуту (1965–1997) переживало почти непрерывный экономический спад, население все больше нищало. Спад продолжился и после того, как Мобуту был свергнут Лораном Кабилой.

Жозеф Мобуту создал в стране экстрактивные экономические институты, отличавшиеся крайне высокой степенью эксплуатации элитой остального населения. Почти все население было низведено до полной нищеты, в то время как приближенные Мобуту, известные как *Les Grosses Legumes* («большие шишки»), фантастически разбогатели. В своем родном городе Гбадолите на севере Конго Мобуту построил себе дворец с огромным аэропортом, способным принимать даже сверхзвуковой лайнер «Конкорд», который он частенько арендовал у *Air France* для путешествий по Европе. В Европе он покупал дворцы и был собственником целых кварталов в Брюсселе.

Разве самому Мобуту не было бы выгодно сформировать экономические институты, которые бы сделали страну богаче, а не погружали во все большую нищету? Если бы ему удалось добиться процветания Конго – разве не смог бы он забрать себе еще больше денег? Купить «Конкорд», а не брать его в аренду? Построить еще больше дворцов, увеличить свою армию и лучше вооружить солдат? К сожалению для жителей многих стран, ответ на этот вопрос – «нет». Дело в том, что экономические институты, которые способствуют росту, могут изменить баланс богатства и власти в обществе таким образом, что диктатор и другие властные элиты от этого только страдают.

Фундаментальным свойством любых экономических институтов является то, что они всегда порождают конфликты. Действие различных институтов имеет различные последствия с точки зрения того, как распределяется богатство в обществе, сколько всего этого богатства создается в экономике и в чьих руках сосредотачивается власть. Если институты способствуют экономическому росту, они помогают кому-то выиграть, но кто-то другой может и проиграть. Этот эффект хорошо виден на примере английской промышленной революции, которая заложила основы процветания наиболее развитых на сегодняшний день стран. Промышленная революция стала результатом цепочки технологических проры-

вов в использовании пара, на транспорте и в текстильной промышленности. Хотя механизация сделала возможным огромный рост общего богатства и в конечном счете заложила основы современного индустриального общества, в свое время она была встречена многими в штыки, и не из-за невежества или близорукости, а совершенно наоборот.

Это недовольство имело свою – и, к сожалению, убедительную – логику. Экономический рост и технологические инновации создаются в результате процесса, который великий экономист Джозеф Шумпетер называл «созидательным разрушением». В ходе этого процесса старые технологии заменяются новыми; новые сектора экономики привлекают ресурсы за счет старых; новые компании вытесняют признанных ранее лидеров. Новые технологии делают старое оборудование и навыки обращения с ним ненужными. Таким образом, инклюзивные институты и экономический рост, который они подстегивают, порождают как победителей, так и проигравших, как среди экономических, так и среди политических игроков. Боязнь созидательного разрушения часто лежит в основе сопротивления созданию инклюзивных экономических и политических институтов.

Европейская история служит яркой иллюстрацией последствий созидательного разрушения. В XVIII веке, накануне промышленной революции, правительства большинства европейских стран контролировались аристократией и другими традиционными элитами, чей основной доход составляли земельная рента и ренты от торговых привилегий и монопольных прав, которые были пожалованы им монархами вместе с защитой от нежелательных конкурентов. В соответствии с принципом созидательного разрушения развитие городов, новых отраслей промышленности и фабрик привело к оттоку ресурсов из сельского хозяйства, снижению земельной ренты и росту стоимости труда наемных работников, которым землевладельцы теперь вынуждены были платить больше.

Торговые привилегии элиты также оказались под угрозой со стороны новых предпринимателей и купцов и в конце концов исчезли. В общем и целом, именно элита оказалась в проигрыше от индустриализации. Урбанизация и растущее политическое самосознание нарождающегося среднего класса и пролетариата поставили под сомнение монополию земельной аристократии на власть. Поэтому с развитием промышленной революции аристократы проиграли не только экономически; появился риск проигрыша и в сфере политики. Под угрозой потери политической и экономической власти элиты во многих странах активно сопротивлялись индустриализации.

Аристократия, однако, не была единственной общественной группой, проигравшей в ходе промышленной революции. Ремесленники, чей ручной труд призваны были заменить машины, также выступали против индустриализации. Многие из них организовались и начали бунтовать и разрушать станки, которые считали причиной снижения своего уровня жизни. Это были луддиты, чье имя стало нарицательным обозначением для каждого, кто сопротивляется техническому прогрессу. У английского изобретателя Джона Кея, который в 1733 году придумал летучий челнок – одно из первых значительных усовершенствований в механизации ткацкого дела, луддиты спустя двадцать лет даже сожгли дом. Та же судьба постигла Джеймса Харгривза, изобретателя столь же революционной механической прялки «Дженни».

Ремесленники, однако, не смогли оказать столь же сильное сопротивление индустриализации, как землевладельцы и аристократы. В отличие от земельной аристократии, у луддитов не было политической власти – то есть возможности влиять на проводимую правительством политику пусть даже в ущерб желаниям и интересам тех или иных групп в обществе. Поэтому в Англии индустриализация продолжалась, несмотря на протесты луддитов и даже гораздо более мощное и организованное сопротивление аристократии.

Однако сопротивление аристократов удалось преодолеть не везде. В Австро-Венгрии и в России, двух абсолютистских империях, где монарх и дворянство были гораздо меньше

ограничены во властных полномочиях, они рисковали гораздо большим и смогли сильно замедлить процесс индустриализации. В обоих случаях это привело к стагнации экономики и отставанию от других европейских стран, экономический рост в которых начал быстро ускоряться в XIX веке.

Так или иначе, ясно одно: влиятельные группы в обществе часто противостоят техническому прогрессу и пытаются остановить движение к процветанию. Экономический рост – это не просто появление большого количества более совершенных станков и агрегатов, которыми управляют более многочисленные и более образованные работники. Это еще и глубокий процесс трансформации, причем часто дестабилизирующей, процесс созидательного разрушения. Поэтому экономический рост будет происходить, только если его не удалось заблокировать тем, кто боится от него проиграть и потерять привилегии, на которых основаны их богатство и власть.

Конфликт за ограниченные ресурсы, доходы и власть легко перерастает в борьбу за установление правил игры, за выбор экономических институтов, которые определяют характер экономической активности и ее бенефициаров. Разумеется, в конфликте невозможно учесть интересы всех сторон одновременно. Кого-то ждет поражение и разочарование, а кого-то – победа и достижение поставленных целей. Для будущего страны невероятно важно, кто победит в этой борьбе. Если удастся одержать верх тем, кто проигрывает от экономического роста, они могут его заблокировать и надолго погрузить страну в эпоху застоя.

Логика, которая объясняет, почему властные элиты не всегда выбирают экономические институты, которые ведут к процветанию, легко применима и к выбору политических институтов. При абсолютизме элита может использовать неограниченную власть, чтобы установить те экономические институты, которые ей выгодны. Будет ли она в таких условиях заинтересована в том, чтобы сделать политические институты более плюралистическими, открытыми для других групп? В общем случае нет, поскольку это ослабит ее власть и затруднит, если не заблокирует полностью, возможность формировать выгодные для себя экономические институты. Здесь, как мы видим, тоже возникает почва для конфликта. Люди, которые страдают от экстрактивных экономических институтов, вряд ли могут надеяться, что их правители добровольно изменят политические институты и перераспределят власть в пользу конкурентов. Единственный способ сделать политические институты более плюралистическими – заставить элиту пойти на уступки.

Точно так же, как политические институты не становятся плюралистическими автоматически, политическая централизация тоже не происходит сама собой. Разумеется, некоторые стимулы к усилению централизации существуют в любом обществе, особенно там, где о сильном централизованном государстве еще нет и речи. Например, если бы одному из враждующих кланов в Сомали удалось создать централизованное государство, способное поддерживать порядок на всей территории страны, это могло бы сделать и страну, и клан богаче. Что же этому мешает? Главным барьером на пути централизации является боязнь изменений: любой клан, группа и даже отдельный политик, который попытается сделать государство более сильным и централизованным, тем самым сосредоточит власть в своих руках, но сама мысль об этом предсказуемо вызывает ярость у других кланов, групп и политиков, которые в этом случае проиграют. Таким образом, отсутствие централизации означает не только отсутствие законности и порядка на большей части территории страны, но и присутствие большого количества политических игроков, достаточно влиятельных для того, чтобы воспрепятствовать централизации и даже заставить задумавшихся о ней политиков навсегда отказаться от этой идеи. Политическая централизация в таких обстоятельствах возможна только при условии, что одна из групп достаточно сильна, чтобы сломить сопротивление всех остальных и заняться строительством сильных и централизованных государственных институтов. В Сомали, где власть расплывлена поровну между всеми группировками, ни один

клан не может подчинить себе другие. Именно в этом причина того, что централизация невозможна в течение столь долгого времени.

Долгая агония Конго

Нет более подходящего и при этом более печального примера, демонстрирующего, что экономический рост не может начаться в условиях экстрактивных институтов и что экстрактивные экономические и политические институты напрямую связаны между собой, чем история Конго. Португальские и голландские путешественники, которые посещали Конго в XV и XVI веках, отмечали «ужасающую бедность» этой страны. Технологическое развитие было примитивным по европейским стандартам: конголезцы не знали ни письменности, ни колеса, ни плуга. Причины этой бедности и нежелания конголезских земледельцев перенять эти технологии, даже когда они о них узнали, лежат в экстрактивном характере экономических институтов этой страны.

Как мы уже говорили, политическим центром Королевства Конго была столица Мбанза (впоследствии переименованная в Сан-Сальвадор). Удаленные от столицы территории управлялись представителями элиты, игравшими роль губернаторов отдельных провинций. Богатство элиты происходило из двух источников: плантаций вокруг Сан-Сальвадора и налогов, собираемых на остальной территории королевства. В основе такой экономики лежало рабство: рабов использовали как местные вожди на плантациях, так и европейцы, обосновавшиеся на побережье. Налогообложение было совершенно произвольным; например, имелся специальный налог, который взимался каждый раз, когда король ронял свой головной убор. Чтобы стать богаче, конголезцам необходимо было инвестировать – например, покупать плуги. Но такие инвестиции не окупились бы: все результаты прироста производства, которого можно было бы добиться, используя новые технологии, были бы экспроприированы элитой во главе с королем. Вместо того чтобы инвестировать в повышение производительности сельского хозяйства и выходить на рынок со своей продукцией, конголезцы вынуждены были отодвигать свои деревни подальше от городов и дорог – то есть от потенциальных рынков сбыта, – и все это ради того, чтобы избежать ограбления со стороны королевских чиновников и не быть захваченными работорговцами.

Таким образом, мы можем утверждать, что причиной ужасающей бедности Конго были экстрактивные экономические институты, которые заблокировали его движение к процветанию и едва ли не повернули его вспять. Правительство Конго не обеспечивало своих граждан общественными благами и услугами, даже такими базовыми, как защищенные права собственности и поддержание законности и порядка. Наоборот, государство и было главной угрозой собственности и личным правам. Работорговля означала, что наиболее важный из всех рынков – инклюзивный рынок труда, на котором люди могут выбрать себе профессию и место работы наиболее эффективным для экономики образом, – просто немыслим. Более того, торговлю между городами и международную торговлю, а также все крупные коммерческие предприятия контролировал король, и эти предприятия могли принадлежать только кому-то из его окружения. Как только португальцы принесли в Конго письменность, элита быстро стала грамотной, однако король не предпринимал попыток распространить грамотность на основную массу населения.

Несмотря на то, к какой ужасающей бедности они приводили, экстрактивные институты в Конго были в своем роде безукоризненно логичными: они приносили узкой группе людей, королю и его окружению, огромные богатства. В XVI веке король Конго вместе со своим двором могли себе позволить импорт предметов роскоши из Европы, а в повседневной жизни были окружены многочисленной прислугой и рабами.

Корни экономических институтов Конго растут из распределения власти между разными группами в обществе, то есть прямо связаны с институтами политическими. Ничто, кроме восстания подданных, не могло помешать королю распоряжаться чужой собствен-

ность и даже личной свободой конголезцев, любой из которых мог быть в любой момент продан в рабство. Но хотя угроза восстания и была реальной, но все же недостаточной, чтобы защитить собственность и свободу людей. Политические институты Конго были в полной мере абсолютистскими, то есть не накладывали на элиту и короля вообще никаких ограничений, одновременно лишая остальное население какого-либо права голоса.

Разумеется, легко увидеть разницу между экстрактивными политическими институтами Конго и инклюзивными политическими институтами, которые распределяют власть между разными группами в обществе и при этом ограничивают ее применение. Абсолютистские институты Конго держались на штыках королевской армии. В середине XVII века регулярная армия короля состояла из пяти тысяч солдат, пятьсот из которых составляли мушкетеры – грозная сила по тем временам. Это легко объясняет, почему элита и король с таким энтузиазмом с самого начала заимствовали у европейцев именно огнестрельное оружие.

В условиях работы подобных институтов у страны не было шансов на устойчивый экономический рост; даже временные экономические успехи были маловероятны. Реформирование экономических институтов с целью защитить права частной собственности сделало бы Конго в целом гораздо богаче. Но маловероятно, что элита бы что-то приобрела от повышения общего уровня жизни. Во-первых, король и его окружение проиграли бы чисто экономически, потеряв доход, который приносили работоторговля и труд рабов на плантациях. Во-вторых, такие реформы были бы возможны только в том случае, если власть короля и влияние элиты были бы сильно ограничены. Например, если король продолжает безраздельно повелевать пятью сотнями своих мушкетеров, то кто поверит манифесту об отмене рабства? Что помешает королю впоследствии передумать? Единственной реальной гарантией необратимости изменений послужила бы реформа политических институтов таким образом, что подданные короля получили бы право голоса в определении размера налогов и случаев, когда возможно применение силы мушкетерами, то есть если бы политическая сила граждан сдерживала бы власть короля. Но в этом случае сомнительно, чтобы поддержание роскошного образа жизни короля и его двора по-прежнему оставалось бы приоритетом для власти. Таким образом, подобный сценарий реформ сделал бы экономические институты общества более эффективными, но элита оказалась бы в проигрыше – как экономически, так и политически.

Взаимодействие между экономическими и политическими институтами Конго пятьсот лет назад до сих пор остается важным для понимания, почему эта страна так и не может выбраться из ужасающей бедности. Установление европейского владычества в этих местах и выше по течению реки Конго в ходе так называемой схватки за Африку¹⁶ в конце XIX века привело к еще более вопиющему бесправию населения (в том числе полному отсутствию прав собственности), чем это было в доколониальном Конго. Экстрактивные экономические и политические институты, которые обогащали узкую группу властной элиты за счет всего остального населения, были снова воспроизведены, только теперь этой узкой группой стали бельгийские колонизаторы, и прежде всего король Леопольд II.

Когда в 1960 году Бельгийское Конго обрело независимость, привычная система экономических институтов и стимулов снова воспроизвела себя и привела к тем же плачевным результатам. И вновь суперэкстрактивные экономические институты поддерживались суперэкстрактивными политическими институтами. Ситуация усугублялась еще и тем, что европейские колонизаторы включили в границы Бельгийского Конго территории множества доколониальных государственных образований и районов обитания этнических групп, которые слабо контролировались центральным правительством, находившимся в столице Кин-

---

¹⁶ *Scramble for Africa* – период острой конкуренции ведущих европейских держав из-за новых территориальных захватов в Африке.

шасе. Хотя президент Мобуту и смог использовать всю мощь государства, чтобы наполнить свои собственные карманы – например, в процессе так называемой «заиризации», которую он проводил с 1973 года и которая сопровождалась массовым изъятием собственности у иностранных компаний и граждан, – он все же оставался главой слабо централизованного государства, которое с трудом контролировало большую часть своей территории и вынуждено было обратиться за иностранной помощью, чтобы предотвратить отделение двух провинций – Катанги и Касаи – в 1960-х годах. Слабая централизация, которая подчас ставит государство на грань полного развала, характерна не только для Конго, но и для всей субсахарской Африки.

Современная Демократическая Республика Конго остается бедной потому, что в ней до сих пор отсутствуют базовые экономические институты, которые могли бы послужить основой экономического роста. Не география, культура, невежество граждан или правителей делают Конго бедной страной – бедность приносят экстрактивные экономические институты. И они до сих пор не были заменены на более продуктивные потому, что политическая власть до сих пор сосредоточена в руках элиты, у которой нет стимулов для того, чтобы защищать права собственности простых людей и предоставлять им базовые общественные блага, повышать их уровень жизни и поддерживать экономический рост. Наоборот, интересы элиты заключаются в том, чтобы извлекать как можно больше доходов и использовать их для поддержания собственной власти.

Элита не использует свою власть и для того, чтобы сделать государство более централизованным, – ведь это принесет те же проблемы (возникновение сильной оппозиции и рост политической конкуренции), что и экономический рост. Более того, так же как и в большинстве других стран тропической Африки, вооруженные конфликты между соперничающими группами, пытающимися отобрать контроль над экстрактивными институтами у центрального правительства, похоронили даже те осторожные и половинчатые попытки усилить централизацию, которые имели место.

История древнего Королевства Конго, как и история современного Конго, убедительно показывает, как выбор политических институтов определяет выбор институтов экономических, а значит, и формирует стимулы, которые отвечают за рост экономики. Эта история также демонстрирует, почему политический абсолютизм и экономические институты, которые обогащают немногих за счет всех остальных, образуют симбиоз.

Экономический рост при экстрактивных политических институтах

Демократическая Республика Конго – экстремальный пример, там царит беззаконие, а права собственности не защищены вообще. Конечно, в большинстве случаев такая ситуация будет противоречить интересам элиты, поскольку разрушит любые экономические стимулы и приведет к тому, что экспроприировать у населения будет нечего. Главная идея этой книги состоит в том, что экономический рост и процветание приходят вместе с инклюзивными политическими и экономическими институтами, тогда как экстрактивные институты ведут к стагнации и нищете. Это, однако, не означает ни того, что при экстрактивных институтах рост невозможен, ни того, что все эти институты одинаковы.

Есть два разных, хотя и дополняющих друг друга механизма, которые ведут к экономическому росту при экстрактивных институтах.

Во-первых, элита может направить ресурсы в высокопроизводительные секторы экономики, которые она контролирует. Известный пример экономического роста такого типа – Карибские острова в XVI–XVIII веках. Большую часть населения там составляли рабы, в тяжелейших условиях работавшие на плантациях и поставленные на грань выживания. Многие из них умирали от недоедания или переутомления. На Барбадосе, Кубе, Гаити, Ямайке в XVII и XVIII столетиях плантаторы, составлявшие меньшинство населения, контролировали все политические институты и владели всей собственностью, включая рабов. У большинства населения не было никаких прав, права же элиты, напротив, были прекрасно защищены. Несмотря на экстрактивные экономические институты, которые позволяли варварски эксплуатировать большую часть населения, эти острова были одними из самых богатых колоний в мире, поскольку могли дешево производить сахар и продавать его на мировом рынке. Экономика островов начала стагнировать только тогда, когда появилась необходимость переключиться на новые виды экономической активности, а это угрожало и доходам, и власти сахарных плантаторов.

Другой пример такого типа – это индустриализация и экономический рост в СССР начиная с первой пятилетки (1928–1932) и вплоть до 1970-х годов. Политические и экономические институты в СССР были в высшей степени экстрактивными, а рыночные отношения были почти полностью запрещены. Тем не менее Советский Союз достиг довольно высоких темпов экономического роста, поскольку мог использовать силу государства, чтобы перебросить трудовые ресурсы из сельского хозяйства, где они использовались неэффективно, в промышленность.

Во-вторых, экономический рост может начаться в том случае, если инклюзивные институты каким-то образом, хотя бы частично, возникают в условиях экстрактивных политических институтов. Многие страны с экстрактивными политическими институтами никогда не решатся выстроить инклюзивные экономические институты, поскольку элите угрожает процесс созидательного разрушения. Однако степень сосредоточения власти в одних руках меняется от страны к стране. В некоторых странах позиции элиты настолько крепки, что она может пойти в сторону формирования инклюзивных экономических институтов, поскольку уверена, что даже это не будет угрожать ее политической власти. В других случаях режим с экстрактивными политическими институтами может унаследовать инклюзивные экономические институты от предшественника и по каким-то причинам принять решение не менять их, по крайней мере до поры до времени.

Быстрая индустриализация Южной Кореи при генерале Пак Чон Хи – хороший пример. Пак пришел к власти в результате военного переворота 1961 года, но в его распоряжении оказалась страна с практически полностью экстрактивными экономическими институтами

и к тому же сильно зависящая от военно-политической поддержки США. Хотя режим Пака был авторитарным, он чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы не бояться возможных негативных для себя лично последствий экономического роста, и активно поддерживал его. В отличие от СССР и большинства других примеров роста в условиях экстрактивных институтов, Южная Корея в 1980-х годах смогла успешно перейти к инклюзивным политическим институтам. Этот успех был обусловлен рядом факторов.

К 1970-м годам экономические институты Южной Кореи стали в такой степени инклюзивными, что исчез один из главных стимулов для сохранения экстрактивных политических институтов: экономическая элита вряд ли могла еще более повысить свое благосостояние, даже если бы могла эксплуатировать в своих интересах свой доступ к власти. Относительно низкий уровень неравенства доходов также способствовал тому, что элита в меньшей степени опасалась плюрализма и демократии. Критически важная для страны необходимость в поддержке США, особенно учитывая угрозу с севера, означала, что военная диктатура не сможет в течение долгого времени применять репрессии по отношению к сильному демократическому движению в стране. И хотя успешное покушение на Пака в 1979 году привело к еще одному военному перевороту во главе с Чон Ду Хваном, назначенный последним преемник Ро Дэ У начал процесс политических реформ, и в результате к 1992 году Южная Корея стала консолидированной¹⁷ либеральной демократией. В СССР же ничего подобного не произошло, рост исчерпал свои возможности, экономика начала падение в 1980-е годы и окончательно рухнула к 1990-м.

Китайский экономический рост сегодня имеет много общего и с советским, и с южнокорейским опытом. Хотя изначально рост китайской экономики был обусловлен радикальными реформами в сельском хозяйстве, реформы в промышленности проходили гораздо медленнее. Даже сегодня государство и коммунистическая партия играют главную роль в определении того, какие отрасли и компании получают дополнительные ресурсы для развития и начнут быстро расширяться, создавая состояния для одних и разоряя других. Так же как СССР времен расцвета, Китай растет быстро, но это все еще рост в условиях экстрактивных институтов, под контролем государства, без заметных признаков перехода к инклюзивным политическим институтам. Тот факт, что и экономические институты Китая все еще далеки от полной инклюзивности, также предполагает, что южнокорейский вариант перехода к полностью инклюзивным институтам менее вероятен, хотя исключить его, конечно, нельзя.

Важно отметить, что политическая централизация важна для обоих упомянутых нами механизмов экономического роста при экстрактивных институтах. Без достаточно высокого уровня централизации элиты Барбадоса, Кубы, Гаити и Ямайки не смогли бы поддерживать законность и порядок и защитить даже свою собственность. Без значительной централизации и уверенного контроля над всеми властными ресурсами ни южнокорейские военные, ни китайские коммунисты не чувствовали бы себя в достаточной безопасности, чтобы проводить масштабные экономические реформы и при этом не бояться потерять власть. Наконец, не будучи централизованным, государство в Советском Союзе и Китае не смогло бы перебросить ресурсы из низко- в высокопроизводительные отрасли экономики. Таким образом, главная черта, которая отделяет одни экстрактивные политические институты от других, — это степень политической централизации. В тех странах, где она низка, как, например, в странах Африки южнее Сахары, трудно достичь высокого экономического роста даже на короткий промежуток времени.

Хотя экстрактивные экономические институты и могут генерировать экономический рост, этот рост редко бывает устойчивым, и уж точно это не рост, который сопровождается

---

¹⁷ Консолидированная («развитая») демократия — политическое устройство, при котором все участники политического процесса принимают демократические институты и процедуры как единственно допустимые и приемлемые.

созидательным разрушением. Когда и политические, и экономические институты экстрактивны, техническому прогрессу и процессу созидательному разрушению просто неоткуда взяться. В течение некоторого времени государство может поддерживать экономический рост путем перераспределения ресурсов, в том числе человеческих, но такой рост имеет глубокие внутренние ограничения. Когда предел достигнут, рост останавливается, как он остановился в СССР 1970-х годов. Более того, даже когда этот рост все еще был высоким, технический прогресс в большинстве отраслей был минимален. Только в военной промышленности, благодаря колоссальным ресурсам, которые в нее вкладывали за счет всех остальных отраслей хозяйства, активно развивались новые технологии: СССР даже удалось на какое-то время обогнать США в космической и ядерной гонках. Но этот рост без созидательного разрушения и технического прогресса во всех областях не мог быть устойчивым и в конце концов резко прекратился.

Кроме того, условия, при которых экономический рост может сочетаться с экстрактивными институтами, по своей природе очень хрупки. Они могут быть разрушены конфликтами, которые всегда сопровождают работу экстрактивных институтов. На самом деле, экстрактивные политические и экономические институты всегда способствуют конфликтам, поскольку концентрируют огромную власть и все доходы в руках узкой группы. Если другая группа сможет одержать победу в схватке, вся власть и все ресурсы достанутся ей. Соблазн велик. Поэтому, как мы увидим, когда будем обсуждать закат и падение Римской империи и городов майя (см. стр. 218 и 198), борьба за контроль над абсолютистскими политическими институтами, обеспечивающими полную, неограниченную власть, тлеет постоянно и периодически разгорается, перерастает в гражданскую войну, приводит к смене режима, а иногда даже к полному краху и развалу страны. Одним из следствий этого является то, что даже если в условиях экстрактивных институтов и удастся достичь некоторого уровня централизации, это все равно ненадолго. Практика показывает, что конфликты из-за контроля над экстрактивными институтами часто приводят к гражданской войне и росту беззакония, закрепляют развал центральной власти, как это произошло в большинстве стран Африки южнее Сахары и в некоторых странах Южной Азии и Латинской Америки.

Наконец, если рост экономики происходит в условиях экстрактивных политических, но в той или иной мере инклюзивных экономических институтов, как это было в Южной Корее, всегда есть риск того, что изменятся (станут более экстрактивными) как раз экономические институты и рост остановится. Те, в чьих руках власть, рано или поздно придут к выводу, что им выгоднее использовать ее не для поддержания экономического роста, а для ограничения конкуренции, увеличения своей доли в общем пироге или даже просто для ограбления успешных предпринимателей. Если политические институты не станут инклюзивными, возможность применять силу произвольно и использовать власть, чтобы перераспределять ресурсы, в конце концов подорвет основы экономического роста.

Глава 4

Груз истории: небольшие отличия и точки перелома

Мир, который сотворила чума

В 1346 году бубонная чума, «черная смерть», достигла генуэзской колонии Тана в устье реки Дон на Азовском море. Чума, переносчиками которой были живущие на крысах блохи, пришла в Европу из Восточной Азии вместе с товарами, которые шли по великой трансазиатской торговой артерии – Шелковому пути. Благодаря активной торговле, которую вели генуэзские купцы, зараженные крысы быстро распространили чуму из Танаиса по всему Средиземноморью. К началу 1347 года чума достигла Константинополя. Весной 1348-го она распространилась по Франции, Северной Африке и Италии и убивала примерно половину населения каждой территории, которой она достигала. За приходом чумы во Флоренцию наблюдал итальянский писатель и поэт Джованни Боккаччо. Позже он вспоминал это событие так:

«Болезнь начала проявлять свое плачевное действие страшным и чудным образом. Не так, как на востоке, где кровотечение из носа было явным знамением неминуемой смерти, – здесь в начале болезни у мужчин и женщин показывались в пахах или под мышками какие-то опухоли, разраставшиеся до величины обыкновенного яблока... Затем признак указанного недуга изменялся в черные и багровые пятна, появлявшиеся у многих на руках и бедрах и на всех частях тела... Казалось, против этих болезней не помогали и не приносили пользы ни совет врача, ни сила какого бы то ни было лекарства: почти все умирали на третий день после появления указанных признаков».¹⁸

Англичане видели, что зараза приближается, и прекрасно понимали, чем это грозит. В середине августа 1348 года король Эдуард III попросил архиепископа Кентерберийского организовать специальные молебны, и многие епископы отправили приходским священникам письма, которые надлежало зачитать в церквях после проповеди. Эти наставления должны были помочь людям справиться с предстоящими невзгодами. Ральф Шрусберийский, епископ Батский, писал клирикам своей епархии:

«Господь Всемогуший со Своего небесного престола насыляет гром, молнию и другие кары, чтобы поразить сыновей Своих, грех которых Он желает искупить. И ныне, когда ужасный мор, пришедший с Востока, бесчинствует в соседнем королевстве, мы должны молиться непрестанно, с верою в сердце и со страхом Божиим, чтобы мор сей не протянул и в наш край свои ядовитые щупальца, не поразил и не пожрал нашу паству. Посему надлежит нам всем обратиться к Господу с покаянием, непрестанно исповедуя грехи наши и читая псалмы».

Но это не помогло. Чума пришла и быстро истребила примерно половину населения Англии. Такие катастрофы могут оказывать сильнейшее воздействие на общественные

---

¹⁸ Здесь и далее цитаты из «Декамерона» Бокаччо даны в переводе А. Н. Веселовского.

институты. Многие люди решили вовсе отказаться от соблюдения общественных норм. Как отмечал Бокаччо,

«некоторые утверждали, что много пить и наслаждаться, бродить с песнями и шутками, удовлетворять, по возможности, всякому желанию, смеяться и издеваться над всем, что приключается, – вот вернейшее лекарство против недуга... что, быть может, стало впоследствии причиной меньшего целомудрия в тех из женщин, которые исцелялись от недуга».

Но главное, что чума привела к значительным социальным, экономическим и политическим изменениям в средневековой Европе.

В начале XIV века в Европе сохранялся феодализм – социально-экономическая и политическая система, которая сформировалась в Западной Европе после падения Римской империи. В ее основе лежала система взаимоотношений между королем, находящимся на самом верху «феодальной лестницы», феодалами в середине и крестьянами в самом низу. Король владел землей и жаловал ее феодалам в обмен на военную службу. Феодалы, в свою очередь, предоставляли землю крестьянам, которые должны были в течение определенного числа дней бесплатно работать на феодала, а также платить различные налоги и подати. Крестьяне, которые из-за своего зависимого (*servile*) положения назывались сервами (*serfs*), были прикреплены к земле и не имели права покинуть ее без разрешения феодала, который был не только землевладельцем, но и судьей, жюри присяжных и полицией в одном лице. Эта система носила ярко выраженный экстрактивный характер: богатство, созданное руками множества крестьян, присваивалось узким слоем землевладельцев.

Огромный дефицит рабочей силы, к которому привела чума, пошатнул основы феодального порядка и побудил крестьян требовать изменения своего положения. Например, в аббатстве Эйншем крестьяне потребовали сокращения многих податей и штрафов, а также отмены повинности в виде бесплатной работы на сеньора. Новый договор с ними начинался так:

«В год мора и чумы, что случился в 1349 году, едва ли два арендатора осталось в поместье, и даже они высказали намерение покинуть его, если только брат Николас Аптонский – тогдашний аббат и сеньор их – не согласится изменить условия их работы».

Он согласился. Требования крестьян были выполнены.

То, что случилось в Эйншеме, происходило повсеместно. Крестьяне начали освобождаться от принудительного и бесплатного труда на сеньора, а также от других повинностей. Их заработки стали расти. Правительство пыталось положить этому конец и в 1351 году приняло Статут о рабочих, который гласил:

«Так как большая часть народа и больше всего рабочих и слуг уже умерли в эту чуму, то некоторые, видя затруднительное положение господ и малочисленность слуг, не желают служить иначе, как получая чрезмерное вознаграждение... мы, имея в мысли те серьезные неудобства, которые могут произойти от недостатка, в особенности в пахарях и других сельских рабочих... постановили:

Чтобы каждый мужчина и каждая женщина королевства нашего Англии... обязаны служить тому, кто их позовет, и брать то вознаграждение деньгами и натурой, которое в местностях, где они обязаны будут служить, обыкновенно давали в двадцатый год царствования короля нашего в Англии

[король Эдуард III взошел на престол 25 января 1327 г., таким образом, речь идет о 1347 г.] или в последние пять или шесть лет».¹⁹

Фактически статут пытался закрепить оплату крестьянского труда на уровне, который существовал до прихода «черной смерти». Английскую элиту особенно волновали случаи, когда один феодал переманивал крестьян другого. Решение было простым – наказывать переход от одного феодала к другому тюрьмой:

«И если жнец, косец или другой сельский рабочий или слуга какого бы состояния ни был, находящийся у кого-либо на службе, раньше окончания условленного в договоре срока от названной службы без разумной причины или без позволения хозяина уйдет, то должен быть наказан заключением в тюрьму, и никто... никому не должен платить или обещать платить вознаграждение натурой или деньгами больше обычного, как сказано выше».

Попытка властей остановить спровоцированный «черной смертью» процесс изменения социальных институтов и системы распределения доходов провалилась. В 1381 году разразилось крестьянское восстание, и мятежникам во главе с Уотом Тайлером удалось даже захватить большую часть Лондона. Восстание было подавлено, а Тайлер убит, однако дальнейших попыток применить Статут о рабочих больше не предпринималось. Феодалы сокращались, в Англии стал формироваться инклюзивный рынок труда, а значит, начали расти и заработки крестьян.

Пандемия чумы, по-видимому, прокатилась по всему миру, и повсюду погибла примерно одна и та же доля населения. С демографической точки зрения последствия чумы в Восточной Европе были такими же, как в Англии и Западной Европе. Теми же самыми были и социально-экономические следствия чумы: рабочих рук не хватало, и люди стали требовать большей свободы от своих хозяев. Однако на востоке Европы более мощным оказался другой механизм. Да, недостаток рабочих рук мог означать рост заработков в условиях инклюзивного рынка труда. Но дефицит рабочей силы также стимулировал феодалов к тому, чтобы поддерживать экстрактивный характер рынка труда, в основе которого лежал крепостной труд. Как мы уже видели в Статуте о рабочих, в Англии феодалы пытались добиться той же цели. Однако там переговорная сила крестьян оказалась достаточной, чтобы они добились своего. Не так обстояли дела в Восточной Европе. После чумы восточноевропейские землевладельцы начали захватывать все новые земли, так что их поместья – и так более крупные, чем у западных соседей, – стали еще обширнее. В то же время города оставались более слабыми и не такими густонаселенными, как на Западе. Вместо того чтобы приобрести новые права, восточноевропейские крестьяне оказались под угрозой того, что потеряют даже имеющиеся.

Социально-экономические последствия «черной смерти» особенно ярко проявились после 1500 года, когда на Западе вырос спрос на продовольственные товары из Восточной Европы: пшеницу, рожь, мясо и другие. 80 % ржи поступало в Амстердам с берегов Эльбы, Вислы и Одера. Вскоре уже половина всей быстро растущей внешней торговли Голландии была ориентирована на Восточную Европу. Чтобы рост производства успевал за ростом спроса на их товары на Западе, восточноевропейские землевладельцы постепенно, шаг за шагом усиливали контроль над рабочей силой. Впоследствии этот процесс назовут «вторым изданием» крепостничества, чтобы отличить от гораздо более мягкого крепостного права эпохи Высокого Средневековья. Феодалы повысили налоги с крестьянских хозяйств и при этом забирали половину выращенного натурой. В польском Корчине в 1533 году вся работа

---

¹⁹ Здесь и далее пер. Д. М. Петрушевского.

на феодала оплачивалась. Однако к 1600-му уже в половине случаев феодалы пользовались подневольным крепостным трудом. В 1500 году в Мекленбурге (Восточная Германия) крестьяне должны были выполнять неоплачиваемую работу на сеньора только несколько дней в году. К 1550 году это был уже один день в неделю, а к 1600-му – три дня в неделю. В Венгрии феодалы получили полный контроль над своей землей в 1514 году и установили, что каждый крестьянин обязан один день в неделю бесплатно работать на господина. К середине XVI века обязательными стали два дня бесплатной работы в неделю, а к концу столетия повинность возросла до трех дней. Крепостные, которых касались эти законы, составляли в это время до 90 % всего сельского населения.

Хотя в 1346 году большой разницы между политическими и экономическими институтами Западной и Восточной Европы не было, к началу XVII столетия это были уже два разных мира. На Западе работники были свободны от феодальных повинностей и пут феодального права, и им скоро предстояло оказаться в самом центре бурно развивающейся рыночной экономики. Крестьяне Восточной Европы тоже становились частью рыночной экономики, но лишь в качестве крепостных, которых силой заставляют работать на хозяина и выращивать сельскохозяйственные продукты, пользующиеся спросом на Западе. Это тоже была рыночная экономика, но она не была инклюзивной. Интересно, что такая институциональная дивергенция случилась как раз с теми двумя регионами, которые очень мало различались в начале пути: на востоке феодалы были немного более сплоченными, у них было несколько больше прав, а их земельные владения были менее рассредоточены территориально. В то же время города Восточной Европы были меньше по размеру и более бедными, а крестьяне – хуже организованы. В масштабах истории эти различия кажутся небольшими. Однако они оказались очень важными для жителей обоих регионов: когда феодальный порядок был подорван «черной смертью», эти небольшие различия направили Западную и Восточную Европу по разным траекториям институционального развития.

«Черная смерть» – это яркий пример исторической «точки перелома»: важного события или стечения обстоятельств, которое разрушает существующий экономический и политический порядок. Точка перелома подобна обоюдоострому мечу, удар которого может резко повернуть траекторию развития страны как в одну, так и в другую сторону. С одной стороны, в точке перелома замкнутый круг воспроизводства экстрактивных институтов может быть разрушен и им на смену могут прийти более инклюзивные институты, как это произошло в Англии. С другой стороны, экстрактивные институты могут еще более укрепиться, как это произошло в случае со «вторым изданием» крепостничества в Восточной Европе.

Понимание того, как история и точки ее перелома определяют траекторию развития экономических и политических институтов, помогает нам построить более полную и совершенную теорию, объясняющую истоки современных богатства и бедности. Кроме того, это позволяет разобраться в текущем положении вещей в мире и попытаться выяснить, почему одни страны совершают переход к инклюзивным политическим и экономическим институтам, а другие нет.

Как появляются инклюзивные политические институты

Англия была первой страной, которая смогла совершить прорыв и добиться устойчивого экономического роста в XVII веке. Масштабным сдвигам в английской экономике предшествовали английские революции, которые изменили экономические и политические институты страны, сделав их гораздо более инклюзивными, чем когда-либо прежде. Инклюзивные институты не только оказали огромное влияние на экономические стимулы и общий уровень богатства, но и определили, кто больше всех выиграет от экономического роста. Эти институты возникли не как результат консенсуса; наоборот, их породила ожесточенная борьба за власть между различными группировками, которые оспаривали легитимность друг друга и добивались установления таких институтов, которые будут выгодны только им самим. Кульминацией конфликта, развернувшегося в XVI–XVII веках, стали два события: Английская гражданская война (1642–1651) и Славная революция (1688).

Славная революция ограничила власть короля и его министров и передала парламенту полномочия для формирования экономических институтов. В то же время она открыла возможности для участия широких слоев граждан в политике и позволила им оказывать значительное влияние на работу правительства и на функционирование государства в целом. Славная революция заложила основы плюралистического общества, одновременно запустив быстрый процесс политической централизации. Она создала первый в мире более или менее полный набор инклюзивных политических институтов.

Это, в свою очередь, привело к тому, что экономические институты Англии тоже начали становиться более инклюзивными. Ни крепостное право, ни жесткие феодальные ограничения эпохи Средних веков не продержались в Англии даже до начала XVII века. Тем не менее в стране оставалось еще много препятствий для свободной экономической активности. Как внутренняя, так и международная торговля заметно страдали от монополизма. Король и его министры произвольно устанавливали налоги и манипулировали правосудием. Архаичная система прав собственности на большую часть земли делала инвестиции в нее рискованными, поскольку землю во многих случаях нельзя было продать.

Все изменилось после Славной революции. Государство создало систему институтов, которые стимулировали инвестиции, инновации и торговлю. Оно твердо защищало права собственности, включая права собственности на идеи, закрепленные в патентах, что было необыкновенно важно для стимулирования инноваций. Государство поддерживало правопорядок в стране. Беспрецедентным в английской истории было распространение принципов английского права на всех граждан. Прекратилось произвольное установление новых налогов, а почти все монополии были упразднены. Правительство активно помогало развитию коммерции, в особенности промышленности и торговли, не только устраняя барьеры на пути предпринимателей, но и поставив им на службу мощный английский военно-морской флот. Четко определяя права собственности на все активы, правительство способствовало быстрому развитию инфраструктуры, особенно дорог, каналов и позже железных дорог, которые стали главным двигателем следующего этапа индустриального развития экономики.

Эти нововведения принципиально изменили экономические стимулы для рабочих и предпринимателей и запустили маховик экономического развития, которое проложило дорогу к промышленной революции. Во-первых и в-главных, промышленная революция была основана на крупнейших технологических достижениях эпохи, которые, в свою очередь, стали практическим результатом накопления научных знаний в Европе в течение предыдущих нескольких веков. Это был настоящий скачок в будущее, ставший возможным благодаря таланту и любознательности целого ряда гениальных ученых, упорно стре-

мившихся к познанию мира. Однако цепь научных открытий вылилась в промышленную революцию именно благодаря развитию рыночной экономики, которая сделала технологическое изобретательство и применение его результатов на практике коммерчески привлекательным делом. Инклюзивный характер институтов рыночной экономики позволил людям найти своим талантам наилучшее применение. Знания и профессиональные навыки широких масс населения играли ключевую роль в промышленной революции. Именно благодаря относительно высокому – по меркам того времени – уровню образования, в Англии появилось столько предпринимателей, способных применить новые технологии в своем бизнесе. Мало того, у них была возможность нанять рабочих, достаточно подготовленных к обращению с техническими новинками.

Не случайно, что промышленная революция началась в Англии всего спустя несколько десятилетий после Славной революции. Великие изобретатели, такие как Джеймс Уатт (усовершенствовавший паровую машину), Ричард Тревитик (построивший первый паровоз), Ричард Аркрайт (создавший прядильную машину) и Изамбард Кингдом Брюнель (менявший представления о пределах технологических возможностей при постройке каждого нового своего парохода), могли воспользоваться коммерческим потенциалом своих изобретений, будучи уверенными, что их права собственности священны. Кроме того, у них был доступ на рынок, где они могли с выгодой продать свои изобретения другим. В 1775 году, сразу после того, как был продлен патент Уатта на его модель паровой машины – он называл ее «Огненной машиной» (*Fire Engine*), – изобретатель писал своему отцу:

«Дорогой отец,
несмотря на разнообразное и жесткое сопротивление, я наконец добился от Парламента закрепления за мной и моими наследниками права собственности на мою новую Огненную машину по всей Великобритании и на ее плантациях на ближайшие 25 лет, что, я надеюсь, сулит мне большие выгоды, ведь значительный спрос на нее уже есть».

Это письмо демонстрирует два обстоятельства. Во-первых, возможность заработать на своих изобретениях: «значительный спрос» в Великобритании и «на ее плантациях», то есть в заморских колониях, действительно мотивировали Уатта в работе. Во-вторых, он смог добиться нужного решения от парламента. Это говорит о том, что парламент откликнулся на нужды предпринимателей и изобретателей.

Технологические достижения, желание и готовность бизнеса инвестировать и расширяться, эффективное использование умений и талантов людей – все это стало возможным благодаря инклюзивным экономическим институтам, которые появились в Англии. Они, в свою очередь, были основаны на инклюзивных политических институтах.

Англия смогла сделать свои политические институты инклюзивными, опираясь на два фактора. Прежде всего ее политические институты были достаточно централизованными, чтобы их можно было изменить, причем изменить радикально, что и случилось после Славной революции. Этот фактор резко отличал Англию от большей части стран тогдашнего мира, однако не от других западноевропейских стран, например от Франции или Испании, которые в этом отношении были весьма похожи на Англию.

Более важным оказался второй фактор. Накануне Славной революции в стране сформировалась широкая и мощная коалиция, способная наложить прочные и долговечные ограничения на власть монарха и его министров. Последние, в свою очередь, вынуждены были уступить требованиям этой коалиции. Это и создало основу для плюралистических политических институтов, заложивших фундамент для инклюзивных экономических институтов и, в конечном счете, для первой в истории промышленной революции.

Значительные последствия незначительных различий

Мировое неравенство резко выросло после английской промышленной революции, поскольку лишь часть остального человечества переняла технологические инновации, созданные такими людьми, как Аркрайт, Уатт и их многочисленные последователи. Реакция разных стран на беспрецедентную волну новых технологий определила их дальнейшую судьбу – от прозябания в бедности до достижения устойчивого экономического роста – и во многом зависела от траектории исторического развития их институтов. К середине XVIII века политические и экономические институты разных стран уже заметно различались. Но откуда пришли эти различия?

К 1688 году британские политические институты гораздо дальше продвинулись на пути к плюрализму, чем французские и испанские, но если мы отступим на сто лет назад, в 1588 год, различия почти исчезнут. Всеми тремя странами правили абсолютные (в той или иной степени) монархии: в Англии – Елизавета I, в Испании – Филипп II, во Франции – Генрих II. Все они вынуждены были постоянно бороться с представительными органами собственных стран – английским парламентом, испанскими кортесами и французскими Генеральными штатами, которые требовали себе больше полномочий, в том числе права контролировать власть монарха. Но эти представительные органы отличались один от другого своей структурой и степенью влияния на ключевые элементы государственной политики. Например, английский парламент и испанские кортесы устанавливали налоги, тогда как Генеральные штаты не могли определять налоговую политику Франции; эта привилегия оставалась за королем.

Налоговые полномочия кортесов были не так уж важны для испанской короны, которая начиная с 1492 года построила огромную колониальную империю в Америке и получала колоссальную прибыль от добычи там золота и серебра. В Англии ситуация была иной. Елизавета I не обладала финансовой независимостью испанских монархов, и если она хотела установить более высокий налог, ей приходилось просить об этом парламент. В обмен парламент требовал уступок у Елизаветы, прежде всего – ограничения права монарха даровать монополии. Победа в этой борьбе, хоть и не сразу, досталась парламенту. Испанские кортесы аналогичную борьбу проиграли. Внешняя торговля Испании не просто была монополизирована – она была монополизирована самой испанской монархией.

Эти различия, которые изначально могли показаться незначительными, начали играть все более важную роль в XVII веке. Хотя Америка была открыта в 1492 году, а Васко да Гама обогнул мыс Доброй Надежды на южной оконечности Африки и достиг Индии в 1498-м, лишь после 1600 года начался резкий рост мировой торговли, особенно на трансатлантических направлениях. В 1585 году в Роаноке (ныне Северная Каролина) была сделана первая попытка колонизации Северной Америки англичанами. В 1600 году была создана Английская, а в 1602-м Голландская Ост-Индские компании. В 1607 году Вирджинская компания основала колонию Джеймстаун. В 1620-х произошла колонизация островов Карибского моря, в частности, Барбадос был завоеван в 1627 году. Франция также перешагнула через Атлантику, основав в 1608 году город Квебек – столицу Новой Франции (ныне это территория Канады). Однако последствия этой экономической экспансии оказались совершенно разными для Англии и для Франции с Испанией как раз в силу весьма небольших различий на старте.

Елизавета I и ее наследники не смогли монополизировать торговлю с Америкой и сосредоточить в своих руках, тогда как другим европейским монархам это удалось. В результате в Англии, благодаря трансатлантической торговле и колонизации, начала складываться большая группа состоятельных купцов, мало связанных с короной, но ни во Франции, ни в

Испании этого не произошло. Английские купцы не желали терпеть контроль со стороны монарха и требовали изменений в политических институтах, в частности ограничения королевской власти. Они и сыграли ключевую роль в Английской, а затем и в Славной революциях.

Подобные конфликты происходили повсеместно. Например, в 1648–1652 годах французскому правящему дому пришлось выдержать столкновение с Фрондой.²⁰ Разница состояла в том, что в Англии у противников абсолютизма были гораздо более высокие шансы победить: их было гораздо больше, и они располагали гораздо более существенными финансовыми ресурсами, чем оппоненты монархов в Испании и Франции.

Дивергенция путей развития Англии, Франции и Испании в XVII веке ярко иллюстрирует, как небольшие отличия между странами, проходя через точки перелома, становятся определяющими для их судеб. Крупное событие или стечение обстоятельств может разрушить сложившийся баланс экономических и политических сил и стать точкой перелома на пути институционального развития страны. Это может случиться и с какой-нибудь одной страной, как, например, произошло в коммунистическом Китае после смерти Мао Цзедунa в 1976 году. Однако зачастую в точке перелома оказываются сразу несколько стран, как это было в эпоху колонизации, а потом и деколонизации. Обе эти эпохи изменили весь мир.

Точки перелома столь важны потому, что они воздвигают труднопреодолимые барьеры на пути постепенного самоусовершенствования системы, основанной на синергии между экстрактивными политическими и экстрактивными экономическими институтами. Непрерывная взаимная поддержка этих институтов порождает порочный круг: те, кто выигрывает от сохранения статус-кво, лучше организованы и располагают более значительными ресурсами, что позволяет им блокировать любые важные изменения, угрожающие их экономическим привилегиям и доступу к власти.

В точке перелома небольшие институциональные отличия приводят к совершенно разным ответам на вызовы времени. Так, относительно небольшие отличия на старте вывели Англию, Францию и Испанию на совершенно разные траектории развития. В данном случае точкой перелома стали огромные возможности, которые открыла для европейцев колонизация и трансатлантическая торговля.

Хотя в точках перелома даже небольшие институциональные отличия могут иметь далеко идущие последствия, не все эти отличия обязательно небольшие, и, разумеется, следствия значительных отличий будут еще более важными. Пусть отличия Англии от Франции в 1588 году были небольшими, но различия между Западной и Восточной Европой были гораздо более заметными. На Западе сильные централизованные государства, такие как Англия, Франция и Испания, имели, пусть и не очень развитые, конституционные процедуры и институты (соответственно парламент, Генеральные штаты и кортесы). Экономические институты этих стран также имели много общего, например, ни в одной из них не было крепостного права.

Совсем другим было положение в Восточной Европе. Например, Речью Посполитой (унией, а затем федерацией Королевства Польского и Великого княжества Литовского) управляла узкая прослойка элиты, именуемая шляхтой. Шляхта была настолько сильна, что даже смогла сделать пост короля выборным. Власть избранного короля не была абсолютной, такой же, какой пользовался французский «король-солнце» Людовик XIV. Тем не менее это тоже был абсолютизм – абсолютная власть элиты, основанная на экстрактивных политических институтах. Шляхта управляла по большей части аграрной страной, большинство населения которой составляли крепостные, у которых не было никаких экономических возмож-

---

²⁰ *Fronde* (фр. «праща») – антиправительственные мятежи и смуты 1648–1653 гг., фактически поставившие Францию на грань гражданской войны.

ностей и даже права на свободное передвижение. Далее на восток российский император Петр Великий тоже строил абсолютную монархию, причем значительно более жесткую и экстрактивную, чем мог бы себе представить Людовик XIV, символ европейского абсолютизма. Простой способ увидеть огромный разрыв между Западной и Восточной Европой, сформировавшийся к началу XIX века, – взглянуть на карту 8, на которой показано, в каких странах в 1800 году еще существовало крепостное право. В странах, закрашенных темным, оно все еще сохранялось; в странах, оставленных светлыми, его не было. Темным закрашена Восточная Европа, светлыми остались страны Западной Европы.

Однако институты Западной Европы не всегда так сильно отличались от своих аналогов на востоке. Дивергенция началась в XIV веке, когда пришла «черная смерть». Существовавшие до того отличия были небольшими. И действительно, Англия и Венгрия даже управлялись членами одной и той же семьи – Анжуйского дома. Принципиальные отличия между Западом и Востоком проявились только после пандемии чумы, и именно они предопределили все большее расхождение траекторий развития в XVII–XIX веках.

Но откуда взялись те отличия, пусть небольшие, которые уже существовали к XIV веку? Почему уже к этому времени политические институты в Западной и Восточной Европе различались? Почему баланс сил между монархом и парламентом был в Англии не таким, как во Франции и Испании? Как мы увидим в следующей главе, даже гораздо менее сложные общества, чем наша современная цивилизация, создают систему политических и экономических институтов, оказывающих огромное влияние на жизнь людей. Это утверждение верно даже для обществ охотников-собирателей, как показывают исследования сохранившихся традиционных сообществ, таких как бушмены Ботсваны, которые не знают оседлого земледелия и даже не имеют постоянных поселений.

Карта 8. *Крепостное право в Европе в 1800 г. (указаны современные границы государств)*

Нет двух сообществ с одинаковыми институтами; различаются традиции и особенности права собственности – вплоть до того, как следует делить тушу убитого животного или имущество, награбленное у соседей. Некоторые сообщества признают власть старейшин, другие нет; некоторые рано достигают определенного уровня политической централизации, другие нет. Постоянно тлеющие экономические и политические конфликты разрешаются в разных обществах по-разному, в зависимости от исторических обстоятельств, личной роли отдельных людей и просто случайности.

Вначале эти отличия могут быть небольшими, но они могут накапливаться, формируя тренд. Так же как гены двух изолированных групп будут все больше различаться в силу дрейфа генов, то есть накопления случайных генетических мутаций, два изначально похожих общества будут медленно отдаляться друг от друга институционально. Хотя «дрейф институтов», так же как дрейф генов, не имеет определенного направления и даже необязательно имеет кумулятивный (накопительный) характер, но если он продолжается столетиями, то может привести к заметным, а иногда и принципиальным различиям. Появившиеся в результате институционального дрейфа различия начинают влиять на то, как общество реагирует на политические и экономические вызовы. И в этот момент небольшие отличия становятся судьбоносными.

Огромные различия между путями экономического развития, по которым идут разные страны, появились в результате сложной взаимосвязи между институциональным дрейфом и точками перелома. Существующие политические и экономические институты – неважно, результат ли это институционального дрейфа или выбора, который сделало общество в точке перелома, – создают платформу, на которой будут разворачиваться будущие изменения. «Черная смерть» и развитие мировой торговли после 1600 года были точками перелома в судьбе европейских держав и, наложившись на уже имевшиеся институциональные различия между ними, предопределили расхождение траекторий их развития. Поскольку в 1346 году крестьяне Западной Европы обладали большей независимостью и большей переговорной силой, чем их собратья на востоке, «черная смерть» на западе привела к ликвидации феодализма, а в Восточной Европе – ко «второму изданию» крепостничества. А поскольку дивергенция между Восточной и Западной Европой началась еще в XIV веке, то новые экономические возможности, возникшие в XVII–XIX столетиях, повлекли совершенно разные последствия в этих двух частях Европы. Поскольку к 1600 году власть короля в Англии была более слабой, чем во Франции и в Испании, трансатлантическая торговля способствовала созданию новых, более плюралистических институтов именно в Англии, тогда как во Франции и Испании она лишь укрепила власть монарха.

Условно детерминированный исторический путь

Под давлением истории формируются те политические и экономические институты, которые определяют баланс сил и очерчивают границы возможного в политике. В конечном счете от этого зависит, какой путь развития для страны будет намечен в очередной точке перелома. Этот путь развития, однако, не является исторически детерминированным, неизбежным: он зависит от конкретных обстоятельств в точке перелома. На какой путь институционального развития встанет страна, зависит, в частности, от того, какая из враждующих групп одержит верх, какие группы смогут составить коалицию с другими, какие политические лидеры смогут повернуть ситуацию в свою пользу.

Роль таких обстоятельств хорошо видна в истории появления инклюзивных политических институтов в Англии. Тот факт, что в Славной революции 1688 года одержали победу общественные группы, выступавшие за ограничение королевской власти и больший плюрализм политических институтов, не только не был предопределен – он просто стал результатом удачного стечения обстоятельств. Например, этот успех был напрямую связан с тем, что трансатлантическая торговля обогатила независимых от монарха купцов и вселила в них уверенность в своих силах. Но всего за сто лет до этого было совершенно неочевидно, что Британия со временем будет «править морями», колонизирует значительную часть Северной Америки и островов Карибского моря, поставит под свой контроль большую часть мировой торговли с Америкой и Индией. Ни Елизавета I, ни ее предшественники из династии Тюдоров не смогли построить сильные военно-морские силы. Английский флот, состоявший главным образом из кораблей каперов²¹ и судов, принадлежавших частным купцам, был гораздо слабее испанского. Однако прибыль, которую сулила трансатлантическая торговля, привлекла достаточно каперов, чтобы испанское превосходство на море оказалось под вопросом. В 1588 году испанцы решили положить конец английскому разбою на море, а заодно удержать Англию от вмешательства в войну, которую боровшиеся за независимость нидерландские провинции начали против испанской короны.

Испанский король Филипп II снарядил мощный флот, который был назван «Непобедимой армадой» и во главе которого встал герцог Медина-Сидония. Многим казалось, что испанцы неизбежно одержат убедительную победу, которая позволит им укрепить свое доминирующее положение на морях, а может быть, даже свергнуть Елизавету I и получить контроль над Британскими островами. Но в действительности все произошло совсем не так. Плохая погода и ошибочная стратегия, которую избрал Медина-Сидония (назначенный командующим в последний момент, после смерти более опытного флотоводца), привели к тому, что Армада не смогла использовать свои преимущества перед английским флотом. Несмотря на все трудности, англичане смогли рассеять и уничтожить большую часть кораблей противника, хотя их собственный флот был далеко не таким мощным. На карте 9 можно увидеть финал драмы – маршрут, по которому англичане гнались за спасающимися от них уцелевшими кораблями Армады.

После этой невероятной победы воды Атлантики оказались открыты для англичан наравне с испанцами; не будь этой победы – и силы, которые в конце концов привели Англию к переломной точке Славной революции 1688 года и установлению плюралистических политических институтов после нее, так и не вышли бы на историческую сцену.

Конечно, в 1588 году никто не мог предсказать последствий неожиданной победы англичан. Вряд ли кто-то из современников понимал, что через столетие эта победа приведет

---

²¹ Капер (приватир) – пират на государственной службе: частное лицо, получившее от властей патент на захват, ограбление и уничтожение торговых судов враждебного государства.

страну в точку перелома, в которой Англия совершит выбор в пользу политического плюрализма.

Однако ошибочно было бы думать, что точка перелома всегда сулит политическую революцию, которая принесет изменения к лучшему. В истории полно примеров того, как революция или радикальное социальное движение приводили к смене одной тирании на другую. Немецкий социолог Роберт Михельс назвал это явление «железным законом олигархии» – особенно пагубным вариантом порочного круга. Окончание эпохи колониализма после Второй мировой войны стало точкой перелома для многих бывших колоний. Однако в большинстве стран Африки южнее Сахары и во многих странах Азии независимые правительства подтверждали закон Михельса, воспроизводя или даже усугубляя худшие черты колониальных администраций: они сосредоточили власть в своих руках, избавились от любых ограничений собственного произвола и уничтожили даже те слабые стимулы для инвестиций, которые имелись в стране. Лишь в нескольких бывших колониях, например в Ботсване (см. стр. 162), точка перелома направила страну на путь создания политических институтов, которые способствуют экономическому росту.

Карта 9. Гибель Непобедимой армады и ключевые точки поворотного момента 1588 г.

Точка перелома может дать старт движению в сторону экстрактивных, а не инклюзивных институтов. Инклюзивные институты, хотя они и запускают свой собственный «круг благоразумия» (*virtuous circle*) – механизм самовоспроизводства и самоусиления, все же могут, столкнувшись с препятствиями в точке перелома, изменить направление развития и постепенно становиться все более экстрактивными. Это, однако, тоже не предопределено исторически, а зависит от обстоятельств. Как мы увидим в главе 6, средневековая Венецианская республика сделала важные шаги в сторону инклюзивных политических и экономических институтов. Однако если в Англии после Славной революции 1688 года инклюзивные

институты постепенно становились все сильнее, то в Венеции они постепенно выродились в экстрактивные институты, контролируемые узким слоем элиты, которая смогла монополизировать в своих руках как политическую власть, так и экономические возможности.

Положение вещей: в поисках объяснения

Появление инклюзивных институтов и начало устойчивого экономического роста в XVIII веке привели к развитию рыночной экономики сначала в Англии, а затем и во многих других уголках света, не в последнюю очередь потому, что многие из этих уголков были колонизированы англичанами. Однако если эффект от экономического роста в Англии был поистине всемирным, то распространение породивших его экономических и политических институтов было совсем не таким глобальным. Влияние промышленной революции было разным в разных странах мира, так же как приход «черной смерти» имел разные последствия для Западной и Восточной Европы, а развитие трансатлантической торговли вывело Англию и Испанию на совершенно разные траектории развития. Институты, сформировавшиеся к тому времени в разных странах мира, предопределили, как именно повлияет промышленная революция на каждую из них. Эти институты были и в самом деле весьма различными: изначально небольшие различия между странами постепенно накапливались и, более того, усиливались, проходя через очередные точки перелома. С последствиями этих различий нам приходится иметь дело до сих пор, поскольку развитие по порочному кругу бедности чаще всего (но не всегда!) только усиливало эти различия. Понимание природы этих различий – ключ к тому, чтобы объяснить, как возникло мировое экономическое неравенство, которое мы наблюдаем сегодня.

В некоторых странах в некоторых частях света удалось построить институты, очень похожие на английские, хотя пришли к ним совсем другим путем. Подобные институты будут сформированы, например, в европейских колониях – в Австралии, Канаде и США, хотя к моменту начала промышленной революции этот процесс там только стартовал. Как мы убедились в главе 1, процесс, начавшийся с основанием колонии в Джеймстауне и достигший своего апогея во время Войны за независимость и принятия Конституции США, сильно напоминал борьбу английского парламента за ограничение прав короля. В обоих случаях результатом стало централизованное государство с плюралистическими политическими институтами. В странах, избравших эту траекторию развития, промышленная революция быстро набрала обороты.

Страны Западной Европы, прошедшие во многом похожий путь, к моменту, когда началась промышленная революция, тоже имели сходные с английскими политические институты. И все же небольшие отличия Англии от остальных стран послужили причиной того, что промышленная революция началась именно здесь, а не, скажем, во Франции. Промышленная революция в корне изменила ситуацию на континенте и поставила европейских монархов перед лицом новых вызовов. Их ответ на эти вызовы спровоцировал целый ряд конфликтов, кульминацией которых стала Великая французская революция – еще одна историческая точка перелома, которая привела к тому, что институты стран Западной Европы стали еще более сходны с английскими, в то время как отставание Восточной Европы еще усилилось.

Пути институционального развития остального мира были столь же разнообразны. Завоевание Америки европейскими колониальными империями обусловило дивергенцию между Северной Америкой, где Канада и США построили инклюзивные институты, и Южной Америкой, где институты были крайне экстрактивными. Эта дивергенция объясняет экономическое неравенство между разными странами обеих Америк. Установленные испанскими конкистадорами экстрактивные институты оказались живучими и привели большую часть Южной и Центральной Америки к бедности. Аргентина и Чили, однако, демонстрировали гораздо лучшие экономические результаты, чем их соседи. Коренное население этих стран было совсем немногочисленным, полезных здесь было мало, поэтому испанцы сосре-

доточились в первую очередь на землях ацтеков, майя и инков. Неслучайно самый бедный регион Аргентины – это северо-запад, единственная часть страны, которая была интегрирована в испанскую колониальную экономику. Устойчивая бедность этого региона – прямой результат работы экстрактивных политических институтов, во многом сходный с наследием миты Потоси в Боливии и Перу (см. стр. 28).

Тем временем институты, сформировавшиеся в Африке, сделали эту часть света наименее подготовленной к тому, чтобы воспользоваться плодами промышленной революции. В течение как минимум последней тысячи лет Африка, за редким и недолгим исключением нескольких стран, накапливала отставание от остального мира как в технологиях, так и в политическом развитии, а в конечном счете – в уровне благосостояния. Именно здесь централизованные государства сформировались очень поздно и не очень успешно. Там, где они все-таки укрепились – например, в Конго, – это обычно были жестокие абсолютистские системы, которые быстро приходили к краху. Наряду с Африкой от отсутствия централизованного государства страдают Афганистан, Гаити, Непал, которые тоже не смогли сформировать правительство, способное контролировать всю территорию страны и поддерживать уровень стабильности, минимально необходимый хотя бы для ограниченного экономического роста. Хотя эти страны расположены в других частях света, по своей институциональной структуре они больше всего похожи на страны Африки южнее Сахары и потому остаются одними из беднейших на планете.

Корни экстрактивных институтов Африки лежат в том же накоплении небольших различий, которые со временем, проходя через точки перелома, становятся судьбоносными. В данном случае негативные тенденции носили особенно злокачественный характер, в особенности в период расширения трансатлантической работорговли. Она создала новые возможности для Королевства Конго уже в тот самый момент, когда в него прибыли первые европейские работорговцы. Международная торговля изменила Королевство Конго так же сильно, как она изменила страны Европы, но, как и в других случаях, определяющими оказались первоначальные различия. Спрос на рабов трансформировал конголезский абсолютизм из обычного экстрактивного – основанного на изъятии выращенных населением продуктов, да и то не всех, – в гиперэкстрактивный, когда основой экономики стало массовое порабощение населения и последующая продажа рабов португальцам в обмен на огнестрельное оружие и предметы роскоши для конголезской элиты.

Небольшие различия на старте между Англией и Конго привели к тому, что в точке перелома, возникшей с расширением трансатлантической торговли, Англия встала на путь построения плюралистических политических институтов, в то время как в Конго была потеряна последняя надежда на то, что абсолютизм удастся реформировать. В большинстве африканских стран существенная прибыль, которую приносила работорговля, приводила не только к увеличению ее масштабов и к тому, что права собственности защищались все хуже, но и к постоянным военным конфликтам и, следовательно, разрушению даже тех немногих институтов, что еще работали. В течение нескольких веков любой процесс централизации государства всегда рано или поздно поворачивал вспять, и в конечном счете попытки многих африканских стран построить централизованное государство так и остались безуспешными. Хотя иногда на почве эксплуатации выгодной работорговли в Африке все же появлялись сильные государственные образования, их власть была основана на вооруженном насилии и грабеже. Таким образом, точка перелома, ознаменовавшаяся открытием Америки, помогла Англии сформировать инклюзивные институты, в то же время сделав институты Африки еще более экстрактивными.

Хотя работорговля в общем и целом прекратилась после 1807 года, последующие формы европейского колониализма также не принесли Африке процветания: они не только обратили вспять некоторые зачатки экономической модернизации в Южной и Западной

Африке, но и покончили с любой надеждой на самостоятельное реформирование своих институтов самими африканскими странами. Даже за пределами территорий, где нормой жизни стали массовые грабежи и убийства – таких как Конго, Мадагаскар, Намибия или Танзания, – надежды на смену траектории институционального развития оказались призрачными.

Мало того, колониальные администрации в 1960-х годах оставили Африке еще более неудачное институциональное наследие, чем те институты, с которых она начинала до прихода европейцев. Особенности политических и экономических институтов, сформировавшихся во многих странах Африки во времена колониализма, привели к тому, что обретение независимости от метрополии стало не шансом изменить эти институты к лучшему, а отличной возможностью для беспринципных политиков воспользоваться экстрактивным характером этих институтов, а зачастую и усилить их экстрактивность. Стимулы, которые колониальные административные структуры создавали для политиков, привели к воспроизводству абсолютистских государств, не способных при этом ни контролировать собственную территорию, ни обеспечить защиту прав собственности даже на той части территории, которую они контролировали.

Промышленная революция не пришла в Африку и по сей день потому, что этот континент уже долгое время страдает от порочного круга укрепления и воспроизводства экстрактивных политических и экономических институтов. В дальнейшем (см. стр. 535) мы увидим, как в XIX веке король Кхама, дед первого премьера независимой Ботсваны Серетсе Кхамы, начал модернизацию политических и экономических институтов своей страны. Уникальный случай, но они не были уничтожены в период колониализма, во многом благодаря дипломатическому таланту, хитрости и настойчивости, которые Кхама и последующие лидеры страны проявляли в отношениях с колониальными властями. Пройдя через точку перелома, связанную с обретением независимости, эти модернизированные Кхамой институты заложили основу экономических и политических успехов Ботсваны. Это еще один пример того, какими важными могут оказаться небольшие различия на старте.

Существует традиция рассматривать исторические события как неизбежные следствия глубинных процессов и действия глубинных факторов. Хотя мы уделили много внимания тому, как историческое развитие экономических и политических институтов может приводить как к образованию порочного круга, так и «круга благоразумия» (*virtuous circle*), на примере развития английских институтов видно, что стечение обстоятельств тоже может играть значительную роль.

Серетсе Кхама, учившийся в 1940-х годах в Англии, влюбился там в белую девушку по имени Рут Уильямс. В результате расистский режим апартеида Южной Африки добился от англичан того, чтобы они запретили Кхаме возвращаться в английский протекторат Бечуаналенд (прежнее название Ботсваны), и Кхама был вынужден отречься от престола. Когда он все же вернулся, чтобы принять участие в борьбе за независимость страны, он решил не использовать в своих интересах сложившиеся институты, а адаптировать их к потребностям современности. Кхама был совершенно необычным для Африки правителем, посвятившим себя обустройству своей страны и не заботившимся о накоплении личного богатства; большинству африканских стран не так повезло с лидерами. В успехе Ботсваны сочетались оба фактора: и историческое развитие институтов, и стечение обстоятельств, которое привело к тому, что эти институты были не разрушены, как почти везде в Африке, а укреплены.

В XIX веке абсолютистские режимы, во многом похожие на африканские или восточноевропейские, заблокировали индустриализацию во многих странах Азии. В Китае режим абсолютной монархии сочетался со слабостью (либо полным отсутствием) вольных городов, купцов и промышленников. Китай был крупнейшей морской державой и активно вел тор-

говлю на дальние расстояния за много столетий до того, как этим начали заниматься европейцы. Но в самый неподходящий момент, в конце XIV – начале XV века, он фактически самоустранился из международной морской торговли, поскольку правящая в Китае династия Мин решила, что созидательное разрушение, спровоцированное активными торговыми связями с другими странами, начинает угрожать власти императора в Поднебесной.

В Индии эволюция институтов породила в уникальной степени лишенную гибкости наследственную кастовую систему, которая ограничивала работу рыночных механизмов и эффективное распределение трудовых ресурсов даже гораздо сильнее, чем феодализм средневековой Европы. Кроме того, система каст помогла укрепиться абсолютистским правителям из династии Великих Моголов. Системы, чем-то напоминающие кастовую систему Индии, существовали и в Европе. Фамилии, распространенные сейчас в англоязычном мире – такие как Бейкер, Купер и Смит,²² – это память о профессиях, передававшихся по наследству: Бейкеры пекли хлеб, Куперы делали бочки, а Смиты ковали железо. Но в Европе это цеховое разделение никогда не было таким жестким, как кастовая система в Индии, и происхождение постепенно перестало быть определяющим при выборе профессии. Индийские купцы торговали по всему Индийскому океану, а в самой Индии активно развивалось текстильное ремесло, однако система каст и абсолютизм Великих Моголов стали труднопреодолимым препятствием для развития инклюзивных экономических институтов в Индии. К XIX веку ситуация еще меньше подходила для начала индустриализации, чем раньше, поскольку Индия стала колонией Англии и метрополия установила здесь экстрактивные институты.

Китай никогда формально не был чьей-либо колонией, но потерпев поражение от англичан в двух «опиумных» войнах 1839–1842 и 1856–1860 годов, был вынужден согласиться на подписание целой серии унижительных соглашений, которые позволяли европейцам экспортировать в Поднебесную свои собственные и колониальные товары (в первую очередь опиум). Неспособность Китая и Индии воспользоваться плодами промышленной революции привела к тому, что Азия (за исключением Японии) начала отставать в развитии от уходящей все дальше и дальше вперед Западной Европы.

Институциональное развитие Японии в XIX веке также иллюстрирует, как накопление небольших различий между странами и прохождение через исторические точки перелома определяет судьбы народов. В Японии, так же как и в Китае, существовал абсолютистский режим. Род Токугава, пришедший к власти в 1603 году, управлял феодальной системой страны, в частности запретив внешнюю торговлю (и вообще контакты с иностранцами). Япония тоже оказалась в точке перелома, возникшей под угрозой иностранного вторжения: в июле 1853 года в залив Эдо вошли четыре американских военных корабля и командор Мэтью Перри потребовал от японских властей торговых преференций, подобных тем, что Англия получила от Китая в результате «опиумных» войн. Однако в Японии эта точка перелома привела к совсем другим последствиям. Дело в том, что, несмотря на географическую близость и активное взаимодействие двух стран, к XIX веку пути институционального развития Китая и Японии уже успели несколько разойтись.

Хотя Япония была абсолютистским государством с экстрактивными институтами, влияние рода Токугава на других крупных феодалов было ограниченным, а его первенство постоянно оспаривалось. Хотя и в Китае не были редкостью крестьянские восстания и покушения на власть императора, власть последнего была там гораздо более прочной, а оппозиция ему – гораздо хуже организована. Среди крупных китайских феодалов не было ни одного, кто мог бы оспорить власть императора, а тем более предложить иной путь институционального развития. Это отличие от Японии – незначительное, если сравнить с теми

---

²² *Backer, Cooper, Smith* – соответственно «пекарь», «бочар» и «кузнец».

различиями, которые отделяли Японию с Китаем от Западной Европы, – стало определяющим в тот момент, когда обе страны оказались в точке перелома перед лицом угрозы со стороны непрошенных гостей из Англии и США. И если в Китае абсолютистский режим удержался и после «опиумных» войн, то в Японии американская угроза помогла оппозиции консолидироваться и успешно свергнуть режим Токугава, совершив революцию, так называемую реставрацию Мейдзи, о которой мы подробно поговорим в главе 10. Эта революция позволила Японии сделать свои политические и особенно экономические институты более инклюзивными и заложила фундамент невероятно быстрого экономического роста в XX веке. Китай же в этот период все еще прозябал под властью абсолютизма.

История о том, что Япония отреагировала на угрозу со стороны США, запустив процесс фундаментального реформирования своих институтов, помогает нам понять другой важный механизм современного экономического мироустройства: как именно происходит переход от стагнации к быстрому росту. После Второй мировой войны Южная Корея, Тайвань и, наконец, Китай достигли головокружительных темпов экономического роста, пойдя по тому же пути, что ранее избрала Япония. В каждом из этих случаев началу экономического роста предшествовали фундаментальные изменения в экономических (хотя, как видно на примере Китая, необязательно политических) институтах страны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.